

*Решением президиума Высшей аттестационной комиссии
Министерства науки и высшего образования Российской Федерации
журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук*

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 001(470.621)
ББК 72.6 (2Рос.Ады)
В 38

ВЫПУСК 1

2020

Учредитель: Адыгейский государственный университет

*Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый
научный журнал АГУ*

ВЕСТНИК Шэныгъэгъуаз

**АДЫГЕЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Регионоведение: философия, история,
социология, юриспруденция,
политология, культурология»

Майкоп 2020

«Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – Майкоп: изд-во АГУ. – 2020. – Вып. 1 (254). – 166 с.

Online версия по адресу: <http://soc.adygnet.ru>.

«Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» - ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал, освещающий вопросы общественных и гуманитарных наук. Издавался Адыгейским государственным университетом с 1998 года как мультидисциплинарный научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета». С 2007 года публикуется как отдельное издание на основании решения Ученого совета АГУ. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-62216 от 26 июня 2015 г.).

Журнал «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» имеет международный стандартный номер сериального издания ISSN 2410-3691. Журнал - подписной, информация о журнале размещается в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты. Журналы» в рамках Договора № 694-ОКА от 01 июня 2016 г. Подписной индекс журнала – 36001.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory». Полные тексты статей находятся в открытом и бесплатном доступе в сети Интернет на сайте Адыгейского государственного университета <<http://www.adygnet.ru>>, а также на платформах EBSCOhost Publishing, Inc., издательства «Лань» <www.e.lanbook.com>, электронной библиотеки «КиберЛенинка» <<http://cyberleninka.ru>>, научной электронной библиотеки <<http://elibrary.ru>>.

В журнале «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» печатаются статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Журнал ориентирован на освещение актуальных вопросов теории и практики современной науки.

Издание имеет официальный сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (<http://soc.adygnet.ru>).

Научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» включен в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов докторских и кандидатских диссертаций (см. на сайте ВАК Перечень от 10 января 2019 г. № 160) по направлениям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки), 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки), 22.00.08 – Социология управления (социологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки). В предлагаемом читателю выпуске журнала обсуждаются результаты научных исследований в области исторических, социологических наук и культурологии.

© Адыгейский государственный университет, 2020

According to the decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and higher Education of the Russian Federation the journal is included in the List of the leading reviewed scientific journals and editions issued in the Russian Federation which publish the basic scientific results of Dissertations for a Doctor's and Candidate's degree

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

УДК 001(470.621)
ББК 72.6 (2Рос.Ады)
В 38

ISSUE 1

2020

The founder: Adyghe State University

*Quarterly peer-reviewed scientific journal
of Adyghe State University*

BULLETIN

Шэныгъэгъуаз

ADYGHE
STATE
UNIVERSITY

Series “Area Studies: Philosophy, History,
Sociology, Jurisprudence,
Political Sciences and Cultural Studies”

Maikop 2020

“The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”. – Maikop: Adyghe State University Publishing House. – 2020. – Issue 1 (254). – 166 p.

Online version is at address: <http://soc.adygnet.ru>.

“The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” is a quarterly peer-reviewed scientific journal dealing with questions of public sciences and the humanities. It was issued by the Adyghe State University from 1998 as the multidisciplinary scientific journal “The Bulletin of the Adyghe State University”. Since 2007 it is published as the separate edition on the basis of the decision of the Academic Council of ASU. The journal was registered by the Federal Agency of Supervision in Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Certificate on Registration of Mass Media No. FS 77-62216 of 26 June, 2015).

“The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” has been recorded in the ISSN Register (ISSN 2410-3691). One can subscribe to this journal; information about it is placed in the Joint Catalog “Press of Russia. Newspapers. Journals” within the Contract No. 694-OKA of June 01, 2016. A subscription index of the journal is 36001.

Data on the journal are annually published in the international reference system of the periodic editions “Ulrich’s Periodicals Directory”. Full texts of articles are in open and free access in the Internet on the site of the Adyghe State University <<http://www.adygnet.ru>> and on platforms of EBSCOhost Publishing, Inc., Lan’ Publishing House <www.e.lanbook.com>, electronic library “KiberLeninka” <<http://cyberleninka.ru>> and Scientific Electronic Library <<http://elibrary.ru>>.

“The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” publishes scientific articles, scientific reviews, comments and opinions. The journal focuses upon clearing up the topical issues of the theory and practice of modern science.

The edition has the official site in the information - telecommunication Internet network (<http://soc.adygnet.ru>).

The scientific journal “The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” is included in the List of the scientific journals and editions recommended by VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the publication of the main results of Doctor’s and Candidate’s theses (see No. 160 in the List of Journals of January 10, 2019 on VAK website) in the following directions: 07.00.02 – National history (historical sciences), 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences), 07.00.15 – History of the international relations and foreign policy (historical sciences), 22.00.04 – Social structure, social institutes and processes (sociological sciences), 22.00.06 – Sociology of culture (sociological sciences), 22.00.08 – Sociology of management (sociological sciences), 24.00.01 – The theory and cultural history (philosophical sciences).

This issue of the quarterly peer-reviewed scientific journal discusses the results of researches in the field of history, sociology and culture science.

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Хунагов Р.Д., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Заместители главного редактора:

Шаханова А.В., доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой физиологии Адыгейского государственного университета;

Ильинова Н.А., доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Ответственный редактор:

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Члены редакционной коллегии:

Социологические науки:

Кравченко С.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО – Университет МИД РФ), главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Петров В.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета;

Харитонов Е.М., доктор социологических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Философские науки:

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Титаренко С.А., доктор философских наук, профессор (Украина), профессор кафедры философии Луганского национального аграрного университета;

Шадже А.Ю., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета;

Шаов А.А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Исторические науки:

Дзамихов К.Ф., доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук;

Иващенко А.С., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Адыгейского государственного университета;

Мининков Н.А., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой специальных исторических дисциплин Южного федерального университета;

Хут Л.Р., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета.

Политические науки:

Баранов А.В., доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета;

Жаде З.А., доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета.

Юридические науки:

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета;

Шадже А.М., доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Адыгейского государственного университета.

Культурология:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова;

Ляушева С.А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, начальник управления аспирантуры и диссертационных советов;

Ханаху Р.А., доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.А. Керашева.

Редакционный совет:

Председатель:

Хунагов Р.Д., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Члены редакционного совета:

Афасижев Т.И., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета;

Бабешко В.А., академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой математического моделирования Кубанского государственного университета, директор Научно-исследовательского центра прогнозирования и предупреждения геоэкологических и техногенных катастроф при Кубанском государственном университете;

Большаков В.Н., академик РАН, доктор биологических наук, профессор федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт экологии растений и животных» Уральского отделения Российской академии наук;

Васильева Н.В., доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук;

Герасимов Г.А., доктор медицинских наук, профессор Национального института здоровья США;

Глузман А.В., действительный член Национальной академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор, директор

Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Ялта;

Дабагов С.Б., доктор физико-математических наук, профессор МИФИ, директор лаборатории XLab Frascati Итальянского института ядерной физики, Рим;

Залиханов М.Ч., доктор физико-математических наук, доктор технических наук, профессор, академик РАН, директор Высогогорного геофизического института по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Росгидромета;

Кнезель П., доктор права Университета прикладных наук, Потсдам, Германия;

Крылатых Э.Н., академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления фирмой Высшей школы корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, главный научный сотрудник Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова (ВИАПИ) Россельхозакадемии;

Лях В.И., доктор педагогических наук, профессор Академии физической культуры имени Бронислава Чеха, г. Краков, Польша;

Мионов А.В., доктор социологических наук, профессор, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

Овсянкина Г.П., доктор искусствоведения, профессор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург;

Остой Я., доктор экономических наук, профессор, ректор высшей школы финансов и права, г. Бельско-Бяла, Польша;

Сен Ю., доктор педагогических наук, доцент кафедры английской филологии университета Дюздже, директор школы обучения иностранным языкам при университете Дюздже, Турция;

Совински Я., доктор права Университета им. Палацкого, г. Оломоуц, Чехия;

Терзич Славенко, доктор исторических наук, член-корреспондент отделения исторических наук Сербской академии наук и искусств, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербия в Российской Федерации;

Харисов Ф.Ф., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, руководитель центра Федерального института развития образования, главный редактор журнала «Здоровьесберегающее образование»;

Шестакова Л.Л., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Editorial Board:

Editor-in-chief:

Khunagov R.D., Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department, Director of Research Institute of Complex Problems of Adyghe State University.

Deputy Editors-in-Chief:

Shakhanova A.V., Doctor of Biology, Professor, Head of Physiology Department of Adyghe State University.

Ilyinova N.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Philosophy and Sociology Department of Adyghe State University.

Executive editor:

Nekhay V.N., Doctor of Sociology, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department of Adyghe State University.

Members of Editorial Board:

Sociology:

Kravchenko S.A., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University of the Russian Foreign Ministry), Chief Researcher of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Petrov V.N., Doctor of Sociology, Professor of Department of Sociology, Kuban State University;

Kharitonov E.M., Doctor of Sociology, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Research Supervisor of the Russian Research Institute of Rice.

Philosophy:

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches, Research Supervisor of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University;

Titarenko S.A., Doctor of Philosophy, Professor (Ukraine), Professor of Philosophy Department, Lugansk National Agrarian University;

Shadzhe A.Yu., Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;

Shaov A.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University.

History:

Dzamikhov K.F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute of the Humanities, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

Ivashchenko A.S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of General History Department, Adyghe State University;

Mininkov N.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Special Historical Disciplines, Southern Federal University;

Khut L.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of General History Department, Adyghe State University.

Political Sciences:

Baranov A.V., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of Department of Political Science and Political Management, Kuban State University;

Zhade Z.A., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of the State and Law and Political Sciences, Adyghe State University.

Jurisprudence:

Lozovsky D.N., Doctor of Jurisprudence, Professor of Department of Criminalistics and Legal Informatics, Kuban State University;

Chadje A.M., Doctor of Jurisprudence, Professor, Dean of Faculty of Law, Adyghe State University.

Culturology:

Badmaev V.N., Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Science, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov;

Lyausheva S.A., Head of Department of Postgraduate Study and Dissertation Councils, Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;

Khanakhu R.A., Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe Republican Research Institute of the Humanities named after T.A. Kerashev.

Editorial Council:

Chairman:

Khunagov R.D., Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department, Director of Research Institute of Complex Problems of Adyghe State University.

Members of Editorial Council:

Afasizhev T.I., Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;

Babeshko V.A. Academician of the Russian Science Academy, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Head of the Department of Mathematical Modeling of the Kuban State University, Director of the Research Center for Forecasting and Prevention of Geocological and Technogenic Catastrophes, Kuban State University;

Bolshakov V.N., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Biological Sciences, Professor of Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;

Vasilyeva N.V., Doctor of Philology, Chief Scientist of Institute of Linguistics of the Russian Science Academy;

Gerasimov G.A., Doctor of Medicine, Professor of National Institute of Health in the USA;

Gluzman A.V., Academician of National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Doctor of Pedagogy, Professor, Director of the Humanitarian pedagogical Academy (branch) of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky", Yalta;

Dabagov S.B., Doctor of Physics and Mathematics, Professor of National Research University of Nuclear Physics MEPhI, Director of XLab Frascati laboratory of the Italian Institute of Nuclear Physics, Rome;

Zalikhanov M.Ch., Doctor of Physics and Mathematics, Doctor of Engineering, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of Mountain Geophysical Institute of Hydrometeorology and Monitoring of Environment of Roshydromet;

Knosel P., Doctor of Law, University of Applied Sciences, Potsdam, Germany;

Krylatykh E.N., Academician of the Russian Science Academy, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President, Chief Scientist of the Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A.A. Nikonov of the Russian Agrarian Academy;

Lyakh V.I., Doctor of Pedagogy, Professor, Bronisław Czech University School of Physical Education (Cracow, Poland);

Mironov A.V., Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Moscow Pedagogical State University, editor-in-chief of the journal "Social and Humanitarian Knowledge", Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation;

Ostoj Jan, Doctor, Professor, Wyższej Finansow I Prawa w Bielsku-Bialej, Polska / Poland;

Sen Yu., Doctor of Education in Teaching English as a Foreign Language, Faculty of Education, Department of English Language Teaching, Duzce University, Director of Hakime Erciyas School of Foreign Languages, Duzce University, Turkey;

Sovinsky J., Doctor of Law, Palacký University, Olomouc, the Czech Republic;

Terzic, Slavenko, Doctor of History, Corresponding Member of the Department of Historical Sciences of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Serbia to the Russian Federation;

Kharisov F.F. Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Education Academy, Head of the Center of Federal Institute of Education Development, editor-in-chief of the journal of Health Saving Education;

Shestakova L.L. Doctor of Philology, Leading Scientist of the Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

И.Л. Бабич	Гаджемукovy в эмиграции	15
А.А. Бгуашева	«Публичные речи президентов Соединенных Штатов» как источник по изучению американской внешней политики	26
С.В. Безверхова	Проблема революционной законности в контексте определения социокультурного содержания понятия «законность»	31
С.В. Коробкин	Основные условия и факторы развития сельского хозяйства на Кубани во второй половине 1960-х гг.	41
С.А. Косяшников	Правовое положение иногородних в казачьих станицах Верхней Кубани (вторая половина XIX – начало XX вв.)	49
Н.М. Суетина, М.Г. Зарецкая	Трудовая книжка: история и современность	58
М.Г. Хуако	«Общество взаимопомощи черкесских женщин»: история создания и деятельность	65

СОЦИОЛОГИЯ

А.Н. Булкин, К.А. Зенин, С.В. Сыпачев	Социологическое консультирование в стратегии управления	70
А.В. Герасимов	Миссия и функции образования в современных условиях развития информационной культуры	75
В.Н. Гришай, А.В. Тищенко, А.В. Костюк	Отношение населения к полиции: значение и основные факторы формирования	84
А.А. Жуйков, И.В. Мащенко	Трансформация качества информации как системный вызов постиндустриального социума XXI в.	91
В.В. Косов	Специфика социокультурного подхода к современным проблемам профилактики молодежной преступности	97
И.В. Мащенко	Стереотипы в профессиональной деятельности российских полицейских: социологический аспект	104

С.Ю. Митрофанова	Макдональдизация детства как следствие глобализации и тип рациональности в современном обществе	110
В.В. Плотников, А.Р. Каспаров	Социальная напряженность: факторы возникновения и актуализации	118
Р.А. Рахманин	Девиации поведения как объект системы социальной превенции в современном российском социуме: анализ теоретических концепций	126
В.С. Чагин	Суицидальное поведение подростков и молодежи: основы научной рефлексии	131
М.М. Шахбанова, З.М. Муртузова, Д.С. Сихалиева	Этническая идентичность городского населения Дагестана в структуре социальной идентичности и индикаторы ее воспроизводства	136
КУЛЬТУРОЛОГИЯ		
А.А. Коноплева	Реализация статико-динамических свойств языка как элемента культуры в условиях его современных функциональных трансформаций	149
Наши авторы		156
	<i>Требования и правила оформления статей для публикации в научном журнале «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология».</i>	
	<i>Публикационная этика журнала.</i>	162

TABLE OF CONTENTS

HISTORY

I.L. Babich	The Gajemukovs in emigration	15
A.A. Bguasheva	«Public speeches of the presidents of the United States» as a source to study American foreign policy	26
S.V. Bezverkhova	The problem of revolutionary legality in the context of defining the sociocultural content of the concept of legality	31
S.V. Korobkin	Basic conditions and factors of agricultural development in the Kuban in the second half of the 1960s	41
S.A. Kosyashnikov	Legal position of non-cossack peasants living in cossack communities in the Upper Kuban region (Second half of the 19th and early 20th century)	49
N.M. Suetina, M.G. Zaretskaya	Labor book: history and modernity	58
M.G. Khuako	Society for mutual assistance of circassian women: history of creation and activity	65

SOCIOLOGY

A.N. Bulkin, K.A. Zenin, S.V. Sypachev	Sociological consulting in management strategy	70
A.V. Gerasimov	Mission and functions of education in modern conditions of information culture development	75
V.N. Grishay, A.V. Tischenko, A.V. Kostyuk	Public attitudes towards the police: Importance and main factors of formation	84
A.A. Zhuykov, I.V. Maschenko	Transformation of the information quality as a systemic challenge to the post-industrial society of the 21st century	91
V.V. Kosov	Specifics of sociocultural approach to contemporary problems of prevention of youth crime	97
I.V. Maschenko	Stereotypes in professional activity of russian police officers: sociological aspect	104

S.Yu. Mitrofanova	The mcdonaldization of childhood as a consequence of globalization and the type of rationality in modern society	110
V.V. Plotnikov, A.R. Kasparov	Social tensions: factors of emergence and updating	118
R.A. Rakhmanin	Deviations of behavior as an object of social prevention system in modern Russian society: analysis of theoretical concepts	126
V.S. Chagin	Suicidal behavior of adolescents and young people: the basics of scientific reflection	131
M.M. Shakhbanova, Z.M. Murtuzova, D.S. Shikhalieva	Ethnic identity of urban population of daghestan in structure of social identity and indicators of its reproduction	136
CULTURAL STUDIES		
A.A. Konoplyova	Implementation of the static-dynamic language properties as a culture element in the conditions of its modern functional transformations	149
<i>Our authors</i>		156
	<i>Requirements to papers submitted for publication in scientific journal “The Bulletin of the Adyghe State University, series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies”. Publication ethics of the journal.</i>	162

ИСТОРИЯ

УДК 94(=352.3)+325.1
ББК 63.3(=602)
Б 12

И.Л. Бабич,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва, тел.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net

ГАДЖЕМУКОВЫ В ЭМИГРАЦИИ¹

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается судьба семьи дипломата, адыга, князя Гаджемукова, которая после Октябрьской революции оказалась в эмиграции, во Франции. Это позволило на уровне микроистории сформулировать основные тенденции в процессе адаптации северокавказских эмигрантов к жизни в новой стране. Статья подготовлена на основе двух типов источников: материалов частного (семейного) архива семьи Гаджемуковых, который хранится в Париже у одного из потомков этой фамилии – Себастьяна, а также информации, полученной от Себастьяна в ходе проведенных с ним интервью. Некоторые данные были получены нами из архивов Департамента полиции Франции (Париж), а также городского архива Ниццы. На основе обработки архивных источников и полученного автором эмпирического материала были проанализированы жизненные стратегии эмигрантов, их матримониальное поведение, особенности культурной адаптации к новым жизненным условиям. В качестве одного из наиболее характерных инструментов культурной адаптации эмигрантов стала возможность использования бикультурного ресурса русского и адыгского этносов. В статье делается вывод о том, что потомки эмигрантов под влиянием социокультурной среды Франции постепенно стали утрачивать целый ряд элементов этнической и религиозной идентичности.

Ключевые слова: адыги, Северный Кавказ, Франция, эмиграция, семья, образование, профессии.

I.L. Babich,

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, ph.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net

THE GAJEMUKOV'S IN EMIGRATION

Abstract. The article considers the fate of the family of the diplomat, Adyg, Prince Gajemukov, who after the October Revolution was in exile, in France. This made it possible, at the micro-historical level, to formulate the main trends in the process of adapting of North Caucasus emigrants to life in the new country. The paper is based on two types of sources: materials of the private (family) archive of the Gajemukov family, which is stored in Paris by one of the descendants of this family – Sebastian, as well as information received during interviews with Sebastian. Some data were obtained from the Archives of the French Police

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Department (Paris), as well as from the Nice City Archive. Based on the processing of archival sources and empirical material obtained by the author, life strategies of emigrants, their matrimonial behavior, peculiarities of cultural adaptation to new life conditions were analyzed. One of the most characteristic instruments of cultural adaptation of emigrants was the possibility of using the bicultural resource of Russian and Adyg ethnic groups. The article concludes that the descendants of emigrants, influenced by sociocultural environment of France, gradually began to lose a number of elements of ethnic and religious identity.

Keywords: Adygs, North Caucasus, France, emigration, family, education, professions.

Василий Николаевич Гаджемук – первым среди адыгов Северного Кавказа стал профессиональным дипломатом. Он сумел сделать серьезную дипломатическую карьеру еще в Российской империи. После революции Гаджемук вместе со своей семьей эмигрировал во Францию. В одной из наших работ мы уже рассмотрели особенности биографии дипломата В.Н. Гаджемук в России и в эмиграции: проследили историю семьи Гаджемук, основные этапы дипломатической карьеры Василия Николаевича до 1917 г., затем в 1917-1920 гг. (Кавказ), в 1920-1922 гг. (Константинополь) и, наконец, в годы эмиграции во Франции (1923-1956 гг., Марсель) [1]. Вместе с Василием Николаевичем в эмиграции оказалась и его многочисленная семья: мать, родные брат и сестры, жена, дети. Во Франции семья разрослась.

В предлагаемой работе мы хотим рассмотреть, как сложились судьбы его родственников и детей в эмиграции. Это позволит нам на уровне микроистории сформулировать основные тенденции в процессе адаптации северокавказских эмигрантов к жизни в новой стране.

Статья подготовлена на основе двух типов источников: материалов частного (семейного) архива семьи Гаджемук, который хранится в Париже у одного из потомков этой фамилии – Себастьяна, а также информации, полученной от Себастьяна в ходе проведенных с ним интервью. Некоторые данные были получены из архивов Департамента

полиции Франции (Париж) и из городского архива Ниццы.

Николай Николаевич (Темтеч) Гаджемук, отец Василия, умер еще до революции и был похоронен в Екатеринодаре. Его вдова – русская княгиня Елизавета Васильевна Колокольцева – была намного моложе его, поэтому в период свершения Октябрьской революции она была жива. Вместе с сыном Василием и его семьей она выехала в Константинополь, а затем – в Марсель, где и жила до своей смерти – 28 октября 1948 г. Как человека православного, ее отпевали в русском храме Георгия Победоносца в Марселе [2]. Она была похоронена на местном кладбище Святого Жерома.

Фото 1. Елизавета Васильевна Колокольцева. 1930-е гг. [2]

Брат Александр Николаевич Гаджемук. Младший брат Василия – Александр – родился 31 декабря 1896 г. в Екатеринодаре, где его родители жили в собственном доме. В семейном архиве хранится любопытный документ, датированный 16 февраля 1916 г., в котором говорится, что житель сел. Козет Тохтумакаевского общества Екатеринодарского отдела Кубанской области князь Александр Гаджемук как

горец православного вероисповедания освобожден от воинской повинности [2]. По-видимому, это стало результатом обращения к родственникам из сел. Козет для того, чтобы Александра не забрали на войну (ему было только 20 лет в то время – И.Б.). Тем не менее, Александр, как и его отец, пошел по военной линии (в отличие от брата Василия, который выбрал дипломатическую карьеру – И.Б.). Он получил военное образование, стал прапорщиком. Как и его старший брат Василий, Александр не принял Октябрьской революции, принимал участие в Гражданской войне на стороне белых: служил в Добровольческой армии, в составе Черкесского конного полка был участником 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Как память своему военному прошлому Александр в эмиграции оставил собственную пашку, которая ныне бережно хранится у его потомков [3].

Пути эмиграции Александра и его брата Василия были разными: Александр эмигрировал в 1920 г. вместе с русскими войсками, побывал на о. Лемнос (Греция). В конце 1920 г. попал в Константинополь, где получал пособие от Американского Красного Креста. В Константинополе он встретился со своим родным братом Василием, который к этому времени уже там работал в русской дипломатической миссии. В семейном архиве Гаджемукых есть документ, в котором Александр

официально обращался к Василию – сотруднику Русской миссии в Константинополе – с просьбой о возможности поселиться в Турции. Видимо, это не получилось. На корабле «Истерн-Виктор» Александр эмигрировал в Сербию. Однако в конце 1923 г. он вместе со своей супругой уже оказался в Марселе – там, где к этому времени обосновался его родной брат Василий. Таким образом, два брата встретились вместе в Марселе, где прожили почти 10 лет.

Еще проживая в Константинополе, Александр женился на русской эмигрантке Маргарите Архиповне Китиевой. 3 января 1924 г. в Марселе у супругов родился сын: по документам его звали Александром, по семейным преданиям – Игорем. Мальчик был крещен в русской православной церкви Воскресения в Марселе 17 февраля 1924 г. священником Петром Брилевым. Игорь с детства проявил художественные способности, научился писать иконы. В семье Гаджемукых до сих пор сохраняется небольшая икона Николая Чудотворца, написанная Игорем. Есть семейное предание, согласно которому он писал фрески в храме под Парижем [3]. Детей у Игоря не было, он умер в 1970-х гг. в Греции. Его прах был перевезен в Париж, он был похоронен в одной могиле со своей матерью Маргаритой Архиповной на клад. Сент-Женевьев-де-Буа (под Парижем). Это семейное предание. На самом памятнике фамилии Игоря нет [3].

Фото 2. Александр Николаевич Гаджемуков

Фото 3. Игорь Александрович Гаджемуков [2]

В 1930-е гг. Александр вместе со своей семьей покинул Марсель и обосновался в одном из ближайших

пригородов Парижа – Ванве, где стал снимать квартиру за 1500 франков в год по адресу: 3 rue Larmetoux

(по данным на 1933 г. – *И.Б.*). Он устроился, как и многие русские и северокавказские эмигранты, работать шофером такси [4]. Александр вступил в Генеральное Общество русских шоферов. В 1941 г. он перешел на работу в парижский гараж Saint-Didier (16-й округ) автомехаником. У Александра, в отличие от Василия, не было французского гражданства, а было лишь удостоверение личности, которое следовало продлевать периодически. В частности, в полицейском деле хранится удостоверение, выданное ему в 1941 г., которое было действительно до 16 апреля 1943 г. [5]. В целом Александр был равнодушен к политике, но, как и многие эмигранты-военные из России, сохранял монархические взгляды. Во Франции он стал членом «Национального объединения комбатантов» [5].

16 марта 1957 г. умерла жена Александра – Маргарита. Она была похоронена на клад. Сент-Женевьев-де-Буа в той могиле, которую Александр приготовил для себя (№ 5183). Александр женился второй раз на Марии Васильевне Чешко. Супруги проживали в пригороде Парижа – Исси де Мулино по адресу: 3 rue Aldolphe Chérioux. 26 марта 1961 г. умирает его вторая жена. Она также была похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (№ могилы 5848). Точно неизвестно, когда умер Александр. По семейной легенде, это произошло в 1960-х гг. Свое тело он завещал для научных исследований [3].

Сестра Мария Николаевна Гаджемукова. Мария родилась в 1893 г. и в возрасте 17 лет вышла замуж за кубанского казака, сотника I-го Екатеринодарского полка Николая Васильевича Кравченко, который был старше ее на 7 лет. Свадьба состоялась 8 января 1914 г.

в Екатеринодаре, а венчание¹ – в Войсковом Александро-Невском Соборе Кубанского казачьего войска [2].

Мы не располагаем данными, как семья попала в эмиграцию. Видимо, Николай эвакуировался вместе с войсками в 1920 г. на о. Лемнос (Греция), и туда прибыла его семья. Это известно из материалов, сохраненных в семье Гаджемуковых. У супругов в Греции 5 сентября

Фото 4. Николай Васильевич Кравченко [2]

1920 г. родился сын Всеволод, который был крещен 7 октября в Андреевском скиту на Афоне иеромонахом Варнавой. Восприемником мальчика стал его дядя Василий Николаевич Гаджемуков и жена Генерального консула Екатерина Ивановна Нуреддин-Бей-Конница [2]. Семья переехала в Константинополь, где вскоре младенец умер от оспы. Его похоронили на греческом православном кладбище Шишли (район Константинополя – *И.Б.*) [2]. В семье впоследствии родилась девочка, которая выросла. Мы не знаем, куда поехали супруги после встречи с родственниками в Константинополе, но, по семейным преданиям, они вернулись в СССР. Связь с ними была потеряна и не восстановлена до сих пор. Известно, что дочь Марии стала в СССР

¹ Венчание совершал протоиерей Михаил Воскресенский. Свидетели от жениха были: хорунжий I-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка Кубанского казачьего полка Сергей Иванович Лебедев, брат жениха, дворянин Константин Васильевич Кравченко. Свидетели от невесты: хорунжий I-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка Кубанского казачьего полка Николай Васильевич Мищенко.

балериной и в советские годы приехала с гастрольями в Париж с театром [3].

Сестра Ксения Николаевна Гаджемукова. Младшая сестра Марии – Ксения – родилась 20 октября 1905 г. в Екатеринодаре. Она эвакуировалась вместе с семьей Василия Гаджемукова в Константинополь. В семейном архиве есть документ, который она там получила для путешествия по Европе. Документ был подписан консулом Русской Заграничной миссии. В документе описывались внешние данные девушки: было указано, что у нее высокий рост. Приводимые фото подтверждают это. Вначале она жила со своими родственниками в Марселе. Ее домашнее имя, по семейным преданиям, – Киса [3]. В конце 1920-х гг. она вышла замуж за казака, полковника Владимира Оноприенко (1902 г.р.), который жил вместе с родителями в Ницце. Супруги стали жить в Ницце. 26 июля 1930 г. у них родилась дочь Ирина. Владимир был глубоко православным человеком, стал старостой церкви Ниццы, но рано умер – в 1943 г.

Фото 5. Ксения с дочерью Ириной. 1930 г. Ницца

Вскоре Ксения развелась с мужем и вышла замуж второй раз за француза Адриена Пьера Антони Бернелля, который был старше ее на 7 лет. Брак заключен в Ницце 5 ноября 1932 г. [6]. Адриен Пьер Антуан – сын директора Алжирской компании Антри Энгельберт Бернелль. Он – капитан запаса,

Фото 6. Ксения Гаджемукова [2]

преподаватель, филолог, работал в Институте литературоведения (Ницца). Видимо, этот брак продлился до 1948 г., поскольку известно, что Андриен с 1948 г. стал работать в лицее Карно (Париж) и проживать по адресу: 5 rue Себастьян Мерсье (15-й округ), тогда как Ксения осталась жить в Ницце до самой смерти. В последние годы она жила в Русском доме Русского Красного Креста. Ксения прожила почти 100 лет – умерла в 2004 г. Как сообщили нам потомки, Ксения всегда поддерживала контакты со своим родственником – племянником Измаилом. Ему сообщили, что Ксения умерла [3]. Но нам неизвестно, где Ксения была похоронена, и до сих пор непонятна судьба ее дочери Ирины.

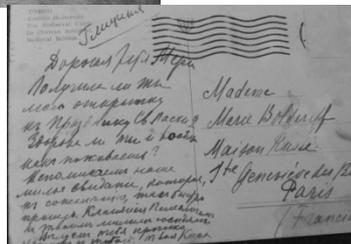

Фото 7-8. Данная открытка была отправлена Ксенией (Кисой) из Турина. До 1937 г. Адресат – Мария Болдырева [2]

В эмиграции Ксения стала балериной. Она дружила с русской эмигранткой Марией Болдыревой – тоже артисткой балета и дальней родственницей Гаджемуктовых. Мария Болдырева – артистка балета, киноактриса.

Мария создала в Италии камерный балетный ансамбль. Видимо, Мария была связана с балетным миром, с Италией. Возможно, именно в Италии (Турине) Ксения работала в ансамбле Болдыревой [3]. Данная открытка подтверждает эту информацию. Во время Второй мировой войны Ксения работала в известной фирме манекенщицей [3].

Сестра Елизавета Николаевна Гаджемукова. Елизавета родилась 23 февраля 1896 г. в Екатеринодаре. Она была дважды замужем: первый раз ее мужем стал русский эмигрант Петр Петрович Жемчужников. В 1900 г. он окончил императорскую школу правоведения, в 1913 г. стал коллежским советником, в 1914 г. – титулярным советником, работал зам. районного прокурора г. Риги. В эмиграции он жил в Сербии, Белграде. Скорее всего, она вышла за него замуж еще в России и эмигрировала отдельно от остальной семьи в Сербию. В 1946 г. Елизавета вышла второй раз замуж за военного, англичанина Роберта Монтгомери. Супруг был старше Елизаветы почти на 20 лет. Семья жила в Англии, а потом в США. Она умерла в 1983 г., но родственники не знают, где она похоронена. По семейным преданиям, в конце жизни вернулась во Францию. Несмотря на то, что Елизавета не жила с родственниками во Франции, она поддерживала с ними отношения. Гаджемуковы навещали ее в Англии, о чем свидетельствует получение ими английских виз [2].

Двоюродный брат Магомет Гаджемуков. В эмиграции находился и двоюродный брат Гаджемуктовых – Магомет. О нем мало информации. В 1920 г. он эвакуировался вместе с русскими войсками на о. Лемнос

Фото 9. Елизавета Гаджемукова

(Греция), в 1921 г. переехал в Константинополь, где, как и Александр, получал пособие от Американского Красного Креста (1921). Он тоже обращался к своему брату Василию Николаевичу Гаджемукову – сотруднику Русской миссии в Константинополе – с просьбой о возможности поселиться в Турции. Известно, что он тоже был во Франции, но его следы теряются во время Второй мировой войны. В отличие от Гаджемуктовых, которые были православными, он стал мусульманином [2].

Дети Василия Николаевича Гаджемукова. У Василия Николаевича и его супруги Марии Николаевны было четверо детей. Двое детей умерли маленькими (Николай, 1917 г.р., Тифлис, и Нина, 1921 г.р., Константинополь) [2]. Поэтому в семье во Франции было лишь двое детей: Измаил (1919 г.р., Екатеринодар) и Александра (1924 г.р., Марсель).

Фото 10. Василий и Мария Гаджемуковы. До 1917 года [2]

Измаил. Измаил родился 17 августа 1919 г. в Екатеринодаре. Эмигрировал ребенком вместе со своими родителями. Вместе с ними он жил в Марселе до начала 1950-х гг.

Фото 11. Маленький Измаил с отцом

Фото 12. Измаил и его сестра Александра (Шура) в детстве

16 ноября 1939 г. он получил французское гражданство. Измаил получил среднее техническое образование и работал на заводе электромонтером [3]. Во время Второй мировой войны Измаилу удалось устроиться на этот завод своего отца – бывшего дипломата сторожем [3]. Это свидетельствует о том, что семья нуждалась в средствах. Также он подрабатывал радиотехником. Со

временем у Измаила появилась своя фирма: в семейном альбоме сохранилась визитная карточка, где указана его профессия – радиотехник [2].

В 1950-е гг., когда его родители переселились из Марселя в русский старческий дом в Сент-Женевьев-де-Буа (под Парижем), Измаил купил часть дома в пригороде Парижа – Кламаре, где он и прожил всю оставшуюся жизнь. Умер он в 2009 г. в возрасте 90 лет и был похоронен на местном кладбище. Измаил всегда поддерживал отношения с родственниками. Он был женат, но детей в семье не было, поэтому он любил своих сестер – Александру и Ксению и их детей. После смерти он оставил завещание, в котором свое имущество завещал дочери Александры – Эвелин.

Как и во многих других северокавказских семьях в эмиграции, в семье Гаджемуковых говорили на

Фото 13. Измаил и Александра. 1942 г. Англия

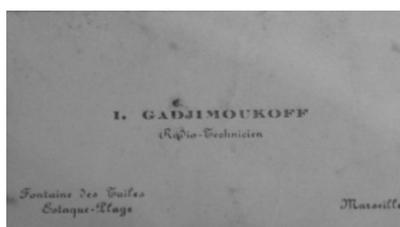

Фото 14. Визитка Измаила Гаджемукова. Марсель

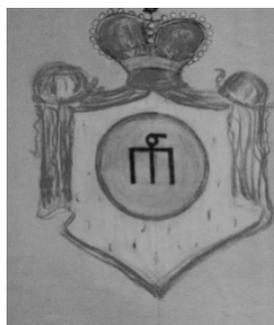

Фото 16. Тамга Гаджемуковых [2]

Фото 15. *Измаил Васильевич Гаджемуков. 1985 г.*

Фото 17. *Измаил у своего дома в Клараме [2]*

русском языке. Измаил даже пел русские песни, например: «Как ныне взбирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам»; «Да громче музыка, ура, ура, мы на царя...» [3]. Дети Василия не знали адыгского языка. Измаил помнил отдельные слова, например, *пши (князь), аул (село), псе (душа)*. У Измаила сохранялась память об адыгской истории и культуре. Среди его бумаг сохранилась фамильная тамга Гаджемуковых. По семейным преданиям, она была передана Измаилу его тетей Ксенией. В доме Измаила сохранялись некоторые вещи из семьи Гаджемуковых: ногойка для конного спорта, кинжал, шашка, детская тряпичная кукла казака. Внучатый племянник Измаила (сын его племянницы Эвелин) – Себастьян – родился в 1979 г. и до смерти Измаила в 2009 г. много общался с ним. Измаил рассказывал мальчику об адыгах, об эмиграции [3].

Измаил был православным человеком. Нам неизвестно, по каким причинам он не посещал православный храм, который находился в Клараме¹. Этот храм считался от-

части домовым и даже родовым храмом семьи Осоргиных-Трубецких. Измаил ездил на службы в Париж – в русский православный храм Знамения по адресу: 87 Boulevard Exelmans (16-й округ). Племянник Себастьян помнит, что он посещал этот храм вместе с дядей Измаилом. Себастьян обратил внимание на то, что когда он туда приходил, то здоровался с другими прихожанами [3]. Видимо, он был членом этой общины. В его доме сохранялись две старинные иконы. По его рассказам, одна икона была подарена его отцу Василию Николаевичу архимандритом Максимом на Святой Афонской горе (видимо, тогда, когда он приезжал в Грецию – в начале 1920-х гг. – *И.Б.*). На оборотной стороне второй иконы, посвященной Николаю Чудотворцу, стоит дата – 1929 г. Когда Измаил умер, то его отпевали опять-таки не в православной церкви

Фото 18. *Могила И.Н. Гаджемукова в Клараме [7]*

¹ Приход в честь равноапостольных царей Константина и Елены был основан в Клараме в 1924 г. Это первая церковь, построенная русскими эмигрантами, приехавшими во Францию после революции. Заведовал всем этим отец Михаил Осоргин.

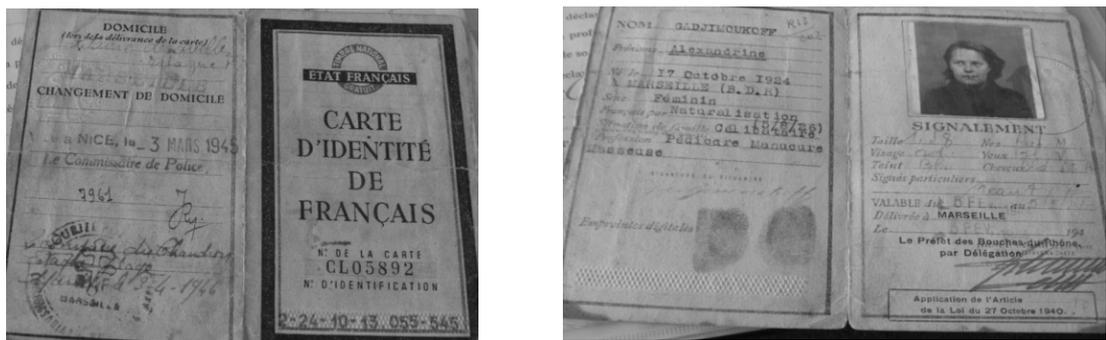

Фото 19. А.В. Гаджемуква имела удостоверение личности *Carte d'identité de Français* № CL05892, выд. 3 апреля 1946 г. в Марселе [2]

Кламара, а на похороны приезжал священник из храма Знамения.

Александра. 17 октября 1924 г. у Василия Николаевича и его супруги Марии Николаевны в Марселе родилась дочь Александрина (Александра). Через несколько месяцев, 12 декабря того же года, девочка была крещена в церкви Воскресения Христова в Марселе. Службу вел священник Авенир Дьяков. Восприемниками при крещении стала бабушка девочки (Елизавета Васильевна) и коллега Василия по дипломатической работе – Андрей Михайлович Ону. Натурализация, т.е. получение французских документов девочки, произошла во время получения документов ее родителей – 5 августа 1926 г.

Александра проживала вместе с родителями в Марселе. Во время Второй мировой войны она уехала в Англию (где, видимо, жила ее теть Елизавета – И.Б.) и работала там

массажисткой, в 1945 г. – жила в Ницце (видимо, у своей другой тети Ксении – И.Б.). После 1946 г. она вышла замуж за бретонца по фамилии Guhennev. У супругов родилось двое детей – Жорж и Эвелин. Супруги вначале жили в Авиньоне, затем переехали в Тулон, где прожили много лет [3].

Как и Измаил, Александра получила среднее образование. Она работала педикюршей, маникюршей и массажисткой. Александра умерла в Тулоне в 1982 г. в возрасте 58 лет. Сын Жорж стал солдатом и умер рано в Африке, не успев обзавестись семьей, а дочь Эвелин, родившаяся в 1952 г., вышла замуж за корсиканца Фабра Ги. Супруги жили в Тулоне, и в 1979 г. в семье родился сын Себастьян. До 25 лет Себастьян вместе с родителями жил в Тулоне (отец умер в 2001 г., а мать – в 2010 г.). Мы отмечали, что, как и Измаил, Александра была крещена в православной

Фото 20–21. Александра Васильевна Гаджемуква [2]

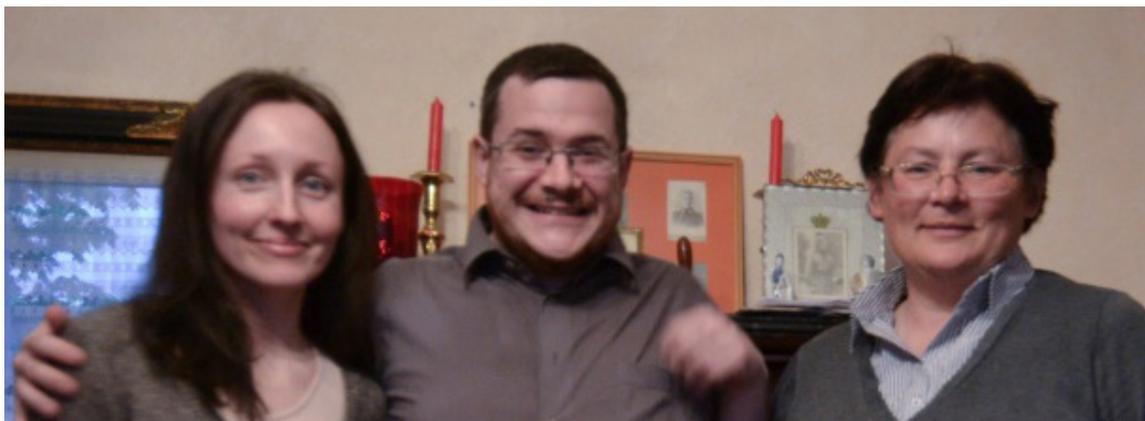

Фото 22. В центре – Себастьян Гаджемук. Слева – жена Мария, справа – автор статьи И.Л. Бабич. 2012 г.

церкви, однако уже ее дочь Эвелин стала католичкой (поскольку ее отец был католиком – И.Б.).

Итак, на примере описания судеб членов семьи Гаджемукых, оказавшихся в эмиграции, на уровне микроистории мы можем увидеть целый ряд тенденций, которые были характерны для большинства судеб северокавказцев, осевших в различных странах Европы, и в первую очередь – во Франции. Прежде всего, отметим, что у многих северокавказских эмигрантов, приехавших молодыми во Францию или родившимися уже там, были трудности с созданием семьи. И если им удавалось найти супруга или супругу, то у многих не было детей. Представители следующего поколения находили супругов среди французов. В результате к 1950-1970-м гг. северокавказских потомков оставалось очень мало. Во-вторых,

Гаджемукы, как и другие семьи, не знали своего (адыгского) языка, а употребляли в эмиграции русский язык. В-третьих, многие семьи испытывали проблемы с получением образования. Мы видим, что детям Василия Гаджемуква не удалось получить высшее образование. В-четвертых, семья Гаджемукых, как и многие северокавказские эмигрантские семьи, много лет жила бедно. Василию пришлось во время войны работать сторожем. Со временем и Исмаил, и Александр стали жить лучше. В-пятых, многие северокавказские эмигранты были православными, однако со временем их потомки, смешавшись с французами, приняли католичество. Семья Гаджемукых была в этом отношении не одинока. И, наконец, постепенно проходила смена этнической идентичности: потомки постепенно становились французами.

Примечания:

1. Бабич И.Л. Страницы биографии дипломата В.Н. Гаджемуква // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Вып. 3. С. 15-22.
2. Семейный архив С. Гаджемуква. Париж, Франция.
3. Полевые материалы И.Л. Бабич (ПМБ). Интервью с Себастьяном Гаджемуквым. 2012 г. Париж (Франция).
4. Бабич И.Л. Северокавказские эмигранты во Франции. Москва; Берлин, 2019.
5. Archives Préfecture de police de Paris, France = Архивы Префектуры полиции Парижа. Франция. № 18152.

6. Archive Nice. Mariage AD06. Etat civil 1932. R g. 1475.
7. Фото автора.

References:

1. Babich I.L. Pages of biography of diplomat V.N. Gadzhemukov // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Area studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. 2019. Iss. 3. P. 15-22.
2. Family archives of S. Gadzhemukov. Paris, France.
3. Field materials of I.L. Babich (PMB). Interview with Sebastian Khadzhemukov. 2012. Paris (France).
4. Babich I.L. North Caucasian immigrants in France. Moscow; Berlin, 2019.
5. Archives Préfecture de police de Paris, France = Archives of the Prefecture of the Police of Paris. France. No. 18152.
6. Archive Nice. Mariage AD06. Etat civil 1932. Rég. 1475.
7. Author's Photos.

УДК [930.2:811.111'27'42]:327(73)

ББК 63.211(7Сое)

Б 34

А.А. Бгуашева,

аспирант кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79182205026, e-mail: abguasheva@yandex.ru

«ПУБЛИЧНЫЕ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

(Рецензирована)

Аннотация. Вопросы внешнеполитического сотрудничества между государствами во все времена привлекали особое внимание исследователей. В изучении американо-турецкого сотрудничества особо ценным является рассмотрение источниковой базы, позволяющей исследователю осуществить объективный анализ партнерства Вашингтона и Анкары. В статье осуществлена попытка проанализировать основную структуру формирования и документального оформления внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Посредством источниковедческого анализа одного из основополагающих американских документов – «Публичных речей президентов Соединенных Штатов» – возможно более детальное изучение внешней политики Вашингтона. В статье раскрывается история создания, структурирования, функционирования издания «Публичных речей президентов Соединенных Штатов» на протяжении с конца XVIII в. по настоящее время. Также упоминается о создателях первоначальных изданий «Публичных речей президентов Соединенных Штатов». В каждое издание «Публичных речей президентов Соединенных Штатов» включены выступления, основные нормативные документы, объявления, прокламации американских президентов, касающиеся внутренней и внешней политики. В качестве детального исследования одного из основных американских источников каждый том издания «Публичных речей президентов Соединенных Штатов» дополнен специальным портфолио фотографий американских президентов в ходе осуществления официальных визитов, как внутри страны, так и за ее пределами.

Ключевые слова: «Публичные речи президентов Соединенных Штатов», конгресс, палата представителей, Белый дом, «Федеральный регистр».

А.А. Bguasheva,

PhD student of General History Department, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79182205026, e-mail: abguasheva@yandex.ru

“PUBLIC SPEECHES OF THE PRESIDENTS OF THE UNITED STATES” AS A SOURCE TO STUDY AMERICAN FOREIGN POLICY

Abstract. Issues of foreign policy cooperation between states attracted special attention of researchers at all times. In studying US-Turkish cooperation, it is particularly valuable to consider the source base that allows the researcher to carry out an objective analysis of the partnership between Washington and Ankara. The article attempts to analyze the basic structure of the formation and documentation of the foreign policy of the United States. Through a source analysis of one of the fundamental American documents “Public Speeches of the Presidents of the United

States”, a more detailed study of Washington’s foreign policy is possible. The article reveals the history of the creation, structuring, and operation of the publication “Public Speeches of the Presidents of the United States” throughout the late 18th century to the present. Reference is also made to the creators of the original editions of the “Public Speeches of the Presidents of the United States”. Each edition includes speeches, major regulatory documents, announcements, and proclamations by American presidents concerning domestic and foreign policy. As a detailed study of a major American source, each volume of the “Public Speeches of the Presidents of the United States” is supplemented by a special portfolio of photographs of American presidents during official visits both domestically and externally.

Keywords: “Public Speeches of the Presidents of the United States”, Congress, House of Representatives, White House, “Federal Register”.

Предметом исследования статьи является рассмотрение «Публичных речей президентов Соединенных Штатов»^{1*} как источника при изучении внешней политики Вашингтона. «Публичные речи президентов Соединенных Штатов» имеют большое значение при изучении механизма формирования и реализации внешнеполитического курса Соединенных Штатов.

Первые попытки осуществления записей выступлений, посланий американских президентов с 1789 по 1897 гг. были инициированы конгрессом США в конце 1890-х гг. Подавляющую часть записей сообщений и выступлений американских президентов, охватывающую период 1789-1897 гг., собрал конгрессмен, член палаты представителей от американского штата Теннесси Джеймс Дэниел Ричардсон. Он являлся членом американского конгресса с 1885 по 1905 гг. [1]. 20 августа 1894 г. Дж. Д. Ричардсону было поручено составить сборник документов и посланий американских президентов. Собранный им материал первоначально назывался «Сборник посланий и докладов президентов»^{2*}. Сборник издавался под редакцией Джеймса Д. Ричардсона и был опубликован в 11-ти томах. Основной объем этого издания был опубликован в 1902 г. (10 томов), а дополнительный

11-й том был издан в 1904 г. Каждый том «Сборника посланий и документов президентов США» состоит из отдельных частей, расположенных в соответствии с хронологическим принципом. (Например, первый том состоит из четырех частей. Соответственно, первая часть посвящена периоду президентства Дж. Вашингтона, вторая – Дж. Адамсу, третья – Т. Джефферсону, четвертая – Дж. Мэдисону) [2].

Помимо «Сборника посланий и документов президентов США» на протяжении многих лет публичные речи и выступления американских президентов также публиковались в «Большом Своде законодательства США»^{3*}. В 1935 г. в США был принят Закон о Федеральном регистре. Закон требовал опубликования прокламаций, распоряжений и других официальных документов в ежедневном издании – «Федеральном регистре»^{4*}.

Таким образом, в становлении сборника «Публичные речи президентов Соединенных Штатов» как официального правительственного издания большую роль сыграли его документальные предшественники – «Сборник посланий и документов президентов США», «Большой Свод законодательства США».

Структурирование и систематизация значительного потока информации, как по внутренней, так и по внешней политике, проводимой американскими президентами, в виде

^{1*} «Public papers of Presidents of the United States»

^{2*} «Complication of the Messages and Papers of the Presidents»

^{3*} «United States Statutes at Large»

^{4*} «Federal Register»

отдельного сборника документов под названием «Публичные речи президентов Соединенных Штатов» относятся к середине XX в.

В 1957 г. было начато официальное издание «Публичных речей президентов Соединенных Штатов». Главным инициатором опубликования данного целостного сборника документов выступила «Национальная Комиссия по историческим публикациям»^{1*}. Комиссия рекомендовала создать официальную серию документов, в которой можно было бы публиковать обращения, выступления и комментарии американских президентов.

Официальное издание «Публичных речей президентов Соединенных Штатов» хронологически совпало с периодом президентства Д. Эйзенхауэра. Он подчеркивал, что для систематизации огромного потока информации потребуются длительное время. Д. Эйзенхауэр осознавал, что целостная работа станет наиболее полезной для ученых и должностных лиц правительства, журналистов, занимающихся текущими делами. Также Д. Эйзенхауэр акцентировал внимание на том обстоятельстве, что создание единого «эталонного» сборника «Публичные речи президентов Соединенных Штатов» являет собой выражение демократии, то есть важного фактора в обеспечении «наших индивидуальных свобод и наших институтов самоуправления» [3].

Огромную работу в систематизации и публикации первых томов «Публичных речей президентов Соединенных Штатов» осуществили Л. Артур Минич (мл.) и Уильям Дж. Хопкинс из штата Белого дома, а также Роберт Р. Болтон из «Национального управления архивов и документаций»^{2*}. Координатором публикации первых нескольких томов в 1958 г. был Дэвид К. Эберхарт

^{1*} «National historical publication commission»

^{2*} «The National Archives and Records Administration»

из «Управления Федерального регистра»^{3*}. Главным редактором был Уоррен Р. Рейд, которому помогали Милдред Б. Бери и Дороти М. Якобсон. Дизайн первых нескольких томов разработал представитель Правительственной типографии Фрэнк Г. Мортимер [4].

Каждый том «Публичных речей президентов Соединенных Штатов» содержит документы и выступления американских президентов, которые были опубликованы «Канцелярией пресс-секретаря»^{4*} президента США. Каждая серия «Публичных речей президентов Соединенных Штатов» составляется и публикуется «Управлением Федерального регистра» и «Национальным управлением архивов и документации».

Материал представлен в хронологическом порядке, а даты, указанные в заголовках, являются датами документов или событий. В тех случаях, когда дата выпуска того или иного тома «Публичных речей президентов Соединенных Штатов» отличается от даты самого документа, этот факт отображается в текстовом примечании. Для обеспечения точности публичные выступления президентов США сверяются с аудиозаписью (если таковая имеется – А.Б.) или зачитываются вслух с официальными стенограммами (если аудиисточник отсутствует – А.Б.), а подписанные документы сверяются с оригиналом, при этом особое внимание уделяется сохранению целостности подписанного документа. Текстовые сноски предоставляются редакторами с целью идентификации, как правило, известных людей, упомянутых американским президентом или другими лицами, участвующими в том или ином мероприятии [5].

Как правило, каждый том охватывает шестимесячный период управления администрации президента США. Первый том охватывает период с января по июнь, а второй

^{3*} «The Office of the Federal Register»

^{4*} «Office of the Press Secretary»

том – с июля по декабрь. Все материалы, напечатанные в каждом томе издания «Публичные речи президентов Соединенных Штатов», полным текстом индексируются в предметном или именованном указателях и перечисляются в списке категорий документов. За редким исключением, умерших людей не индексируют по имени [6]. Тем самым для исследования основных концептуальных направлений американской внутренней и внешней политики «Публичные речи президентов Соединенных Штатов» представляют ценнейший материал.

В каждом томе издания «Публических речей президентов Соединенных Штатов» есть предисловие, как правило, подписанное американским президентом, портфолио фотографий, предоставленных пресс-службой Белого дома. Также в начале каждого тома расположена фотография американского президента, находящегося у власти на момент опубликования тома. В портфолио представлены фотографии президентов США на различных мероприятиях, в ходе официальных межгосударственных визитов. Фотографии сопровождаются подписями-аннотациями, описывающими действие и указывающими дату каждого события.

Для изучения содержания «Публических речей президентов

Соединенных Штатов» можно обратиться к возможностям Интернета. С января 2009 г. типография правительства США и «Управление Федерального регистра» ведет регулярное издание всех выступлений американских президентов, как в печатном, так и в электронном виде. На официальном сайте типографии правительства США представлены в хронологическом порядке «Публичные речи президентов Соединенных Штатов» Дж. Буша, Б. Клинтона, Дж. Буша (мл.), Б. Обамы. На сайте исследователю предоставляется всеобъемлющая информация, связанная с внешнеполитическими переговорами американских президентов, принятием законопроектов, заявлений, рекомендаций, а также детальная история их написания.

Таким образом, издания «Публических речей президентов Соединенных Штатов» являются одним из важных источников в исследовании внешней политики США. Они предоставляют исключительно ценную информацию при изучении основных направлений внутренней и внешней политики Вашингтона. Многие материалы из сборника необходимы исследователю, поскольку они дают полное представление о принятии американскими президентами внутривнутриполитических и внешнеполитических решений.

Примечания:

1. James Daniel Richardson. Works. URL: <https://www.c-span.org/person/james-daniel-richardson> (дата обращения: 13.11.2018).
2. A Complication of the Message and Papers of the Presidents / ed. by James D. Richardson. URL: <https://onlinebooks.library.upenn.edu>. (дата обращения: 13.11.2018).
3. Foreword. Dwight D. Eisenhower // Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. 1960-1961. Washington: U.S. Gov. Print.Off., 1962. P. 5.
4. Ibidem.
5. Public Papers of the Presidents of the United States. Jimmy Carter. 1977. Book II. June 25 – December 31, 1977. Washington: U.S. Gov. Print.Off., 1978. P. 7.
6. The National Archives and Records Administration (NARA). URL: <http://gpo.gov/federal-register/publications/presidential-papers.html>. (дата обращения: 03.10.2017).

References:

1. James Daniel Richardson. Works. URL: <https://www.c-span.org/person/james-daniel-richardson> (access date: 13.11.2018).

2. A Complication of the Message and Papers of the Presidents / ed. by James D. Richardson. URL: <https://onlinebooks.library.upenn.edu>. (access date: 13.11.2018).

3. Foreword. Dwight D. Eisenhower // Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. 1960-1961. Washington: U.S. Gov. Print.Off., 1962. P. 5.

4. Ibidem.

5. Public Papers of the Presidents of the United States. Jimmy Carter. 1977. Book II. June 25 – December 31, 1977. Washington: U.S. Gov. Print.Off., 1978. P. 7.

6. The National Archives and Records Administration (NARA). URL: <http://gpo.gov/federal-register/publications/presidential-papers.html>. (access date: 03.10.2017).

УДК 94(470)''19'':[316.75:347.5]

ББК 63.3(2)535-7

Б 39

С.В. Безверхова,

аспирант кафедры отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир, тел.: +79288457005, e-mail: bezverkhova_84@mail.ru

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗАКОННОСТЬ»

(Рецензирована)

Аннотация. Проблема раскрытия социокультурного содержания революционной законности актуальна в плане расширения представлений о ментальных особенностях российского общества, о содержательной стороне и причинах серьезных социальных потрясений и культурных трансформаций начала XX в. в России. Предметом исследования выступает отношение общества к законности как части его ментальной характеристики. Объект изучения – исторический процесс эволюции идеи законности в отечественной культуре на рубеже XIX–XX вв. Цель исследования состоит в рассмотрении законности и отношения к ней как результатов интеллектуальной коллективной деятельности общества.

Исторический процесс понимается как рост социальной рефлексии, способствующий обществу «делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности» (А.С. Ахиезер). В основе авторского сравнительного историко-культурного анализа лежит структурный принцип классификации фиксируемых в исторических документах и событиях моделей отношения к законности.

Основным вкладом автора в исследование темы является представление, что социокультурным содержанием революционной законности в начале XX в. выступает социорефлексивное понимание законности, раскрывающее ментальные черты российского (в перспективе – советского) общества. Коренные изменения отношения к законности обуславливаются интенсификацией межкультурной интеграции и инертным разрешением конструктивной напряженности инверсионным способом, приведшим в 1917-1921 гг. к косе инверсии.

Ключевые слова: исторический процесс, законность, менталитет, конструктивная напряженность, медиация, Русская правда, революционная законность, совместничество.

S.V. Bezverkhova,

PhD student of the Department of Russian History, Armavir State Pedagogical University, Armavir, ph.: +79288457005, e-mail: bezverkhova_84@mail.ru

THE PROBLEM OF REVOLUTIONARY LEGALITE IN THE CONTEX OF DEFINING THE SOCIO-CULTURAL CONTENT OF THE CONCEPT OF «LEGALITE»

Abstract. The problem of revealing the sociocultural content of revolutionary legality is relevant in terms of expanding ideas about the mental features of Russian society, about the content side and the causes of serious social upheavals and cultural transformations of the early XX century. in Russia. The subject of the study is the

attitude of society towards legality as part of its mental characteristics. The object of study is the historical process of evolution of the idea of legality in Russian culture at the turn of the XIX – XX centuries. The purpose of the study is to consider the rule of law and its relation to it as the results of the intellectual collective activity of society.

The historical process is understood as the growth of social reflection, which contributes to society “making its history, of itself the subject of its reproductive activity” (A.S. Akhiezer). The author’s comparative historical and cultural analysis is based on the structural principle of classification of models of attitude to legality recorded in historical documents and events.

The main contribution of the author to the study of the topic is the idea that the sociocultural content of revolutionary legality in the early XX century. advocates a socio-reflective understanding of the rule of law, revealing the mental features of Russian (in the future, Soviet) society. Fundamental changes in attitudes towards legality are caused by the intensification of intercultural integration and the inert resolution of structural tension in an inversion way, which led in 1917–1921. to the braid of inversion.

Keywords: historical process, legality, mentality, constructive tension, inversion, mediation, Russian truth, revolutionary legality, Russianness, cooperation.

Законность как исторический феномен следует понимать, прежде всего, как отношение к закону обычного человека, выражающееся в исторической событийности. Она выступает как важная характеристика ментальности, позволяющая восстановить причинно-следственную логику исторического процесса.

Проблема раскрытия социокультурного содержания революционной законности в России актуальна в плане расширения представлений о ментальных особенностях российского общества.

Понимая исторический процесс как рост социальной рефлексии, способствующий обществу «делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности» [1; 51], А.С. Ахиезер указывает в качестве естественной цели социального субъекта преодоление социальной энтропии (дезорганизации). Культура в данном контексте приобретает функцию программы успешного социального взаимодействия. Она хранит в социальных практиках технологии производства успешной деятельности, что позволяет интерпретировать историческую событийность как содержательный культурный текст [2]. Положения теории А.С. Ахиезера не противоречат информационно-интеграционному

принципу периодизации истории В.Б. Виноградова [3]. Концепция А.С. Ахиезера согласуется с принципом развития интеграционных связей, естественного расширения ойкумены этносов и развития их культур в совместничестве [4].

В теории и истории права принято различать нормы обычного и законодательно регламентированного права, что позволяет осуществить анализ эволюции правовых отношений. Сложность исследуемого периода (рубеж и первые десятилетия XX в.) заключается в том, что многие законы этого времени на деле не соблюдались. Трансформировалось и обычное право народов России. Поэтому видится целесообразным рассматривать как исторические феномены идеологические и культурные модели отношения к законности, в соотношении которых можно дать характеристику социокультурного содержания революционной законности Советской России. Разделение идеологических и культурных моделей отношения к законности носит условный, методологический характер, позволяя типологизировать отдельные ментальные черты российского общества. В основе авторского сравнительного историко-культурного анализа лежит структурный принцип классификации

фиксируемых в исторических документах и событиях моделей отношения к законности. Две из них (*государственно-монархическая* и *либеральная* - С.Б.) в начале XX в. представляли собой устойчивые идеологические конструкты, отражавшие настроения части общества, что однозначно позволяет установить их историческую социальную субъектность. Но в исторической событийности проявляются и две отличительные от первых модели, фиксирование исторической социальной субъектности которых составляет проблему. Они в начале XX в. были идеологически неустойчивы, хотя позже, в советской историографии, однозначно связывались с ростом революционного самосознания масс.

Революционная законность – правовой феномен исключительного, чрезвычайного характера, появление которого связывается с якобинской диктатурой [5]. В советской теории и истории права авторство концепта приписывается М. Робеспьеру, а ее российское преломление – В.И. Ленину [6; 3–40]. М.Л. Тривус, комментируя меры усиленной и чрезвычайной охраны общественного порядка в России (конец XIX в.), указывал, что «наука государственного права советует обращаться к этим мерам лишь в случаях крайней необходимости и при том на возможно кратчайший срок, так как они служат тормозом развития страны и причиняют тяжелые испытания гражданам» [7; 508]. Десять лет спустя Н.И. Иващенко пишет, что «к 1 августа 1906 г. из 87 губерний и областей России 40 состояло на военном положении, 27 – на положении чрезвычайной охраны и 15 – на положении усиленной охраны» [8; 803], констатируя, что большая часть страны живет в условиях постоянного усиления репрессий. Само по себе широкое распространение исключительного законодательства и злоупотребления им дискредитировало законность

как механизм управления, что вызывало беспокойство монаршего Комитета министров. Был поручен пересмотр исключительных законов особому совещанию под руководством А.П. Игнатьева, а с 1906 г. образована межведомственная комиссия под председательством А.А. Макарова. Но принимаемые правительством меры не решали проблему внутренней безопасности, ужесточая военно-полицейский режим [8].

Приведенные примеры отражают три модели отношения к законности начала XX в.: государственно-монархическую (Комитета министров), либеральную (авторов «Энциклопедии») и «*третью*» (субъектность не определена), связанную со злоупотреблениями чрезвычайными мерами. Субъекты и монархической, и либеральной модели противопоставлены третьей модели.

Народовольческая казнь Александра II свидетельствует и о четвертой радикальной модели отношения к законности, нарушающей монополию государства на применение силы. Н.И. Биюшкина, анализируя логику развития чрезвычайного законодательства в XIX в., «убедительно доказывает преемственность, органичность, детальную проработанность и объективную необходимость» чрезвычайных мер обеспечения общественного порядка, рассеивая мнение о реакционной спонтанности Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» в ответ на убийство Александра II [9].

А.С. Ахиезер анализирует древнерусский идеал социальной справедливости, заданный борьбой правды с кривдою и их абсолютизацией [1; 76–78], связывает начало русской истории с устойчивым понятием Мира от локальной общности, сюда, до всего народа, человечества и Вселенной [1; 82] (т. е. со временем формирования представлений о субъектности социальности) и

с развитием вечевой формы принятия социально значимых решений [1; 85–90]. Монологичность и иерархия вечевого управления трансформируются со временем в концепт Царства (мира под Царем), во многом благодаря приданому Софьи Палеолог, бабушке Ивана Грозного. В этом мире Царь (помазанник божий) дарит милость (волю, закон), а мир (рабы) дарят свою жизнь, подчиняясь. Идентичность *неконвенциональных* отношений дара (Ю.М. Лотман [10; 372]) в вечевом концепте Мира и государственно-монархической модели отношения к законности основана на общем понятии абсолютной Правды, которое можно считать наиболее архаичным идеалом социальной справедливости. Этот идеал условно назовем Русской правдой. Он лежит в основании традиционной культурной модели отношения к законности, составляющей глубинную сущность российской картины мира, особой ментальности (*российскости*, в традиции научно-исторической школы В.Б. Виноградова).

Инверсионность неконвенционной Русской правды можно противопоставить медиационному договорному римскому праву, служившему механизмом управления провинциями. Римское право лежит в основе либерального нравственного идеала социальной справедливости. Реализация либерального идеала требует особого положения центра социального управления, выполнения им функции медиатора. Такое положение занимал римский суд в колониальных провинциях. В становлении Московии эту роль играла Православная церковь. Основанная на либеральном нравственном идеале социальной справедливости идеологическая модель отношения к законности в системе Русской правды, ментальной *российскости*, занимает оппозиционное положение к Абсолюту и играет роль идентификации Иного: *другого, дорогого, друга*, если Иной признает Русскую правду, и *врага, ворога, ворона*

(*оборотня*), если оказывается на стороне кривды. Идеологическая либеральная модель имеет инокультурные по отношению к *российскости* основания.

Третья (субъектно не определенная) идеологическая модель отношения к законности близка соборно-либеральному идеалу [1; 257–271], который включал в себя договорные отношения метрополии с самоуправляемой периферией в условиях Мира (главенства соборной Русской правды над условиями договора). Этот идеал наиболее последовательно реализовывался монархией в отношениях с казачеством и провинциальной аристократией. Подобным же образом складывались и международные связи России. Имперский размах российской государственности обуславливал необходимость договорных отношений и медиационные функции метрополии. Именно эта модель права как отвечающая условиям социального воспроизводства, медиационного развития государственности была третьей могущественной силой, обусловившей злоупотребления мерами чрезвычайного характера, наделявшими сословную элиту полномочиями действовать мощью силового госаппарата в своих интересах. Однако если с метрополией аристократия находилась в договоре, то на вверенных ей территориях предпочитала произвол. Идеальная особенность этой модели в системе Русской правды – *оборотничество*, непостоянство. С одной стороны, Правда понимается как высшая абсолютная ценность, с другой – на договорной основе утверждаются временные ограничения Правды, гарантирующие отдельные преимущества.

Таким образом, накануне Первой мировой войны в Российской Империи сочетались, по меньшей мере, четыре идеологические модели отношения к законности. В рамках одной остальные оценивались как заблуждения или даже преступные позиции. В основании

трех из них лежала традиционная инверсионная культурная модель Русской правды. Либеральная модель отождествлялась с инородным культурным образованием. Соборно-либеральная – несмотря на сходство с *оборотничеством*, ложью и двуличием, оставалась самой массовой. Для реализации конструктивной напряженности накануне Первой мировой войны в обществе был избран внешний медиатор, образ «обиженных и оскорбленных» православных собратьев. Россия консолидировалась в едином патриотическом порыве против внешнего врага (кривды) традиционным для себя способом, выступив в защиту Мира в архаичном вечевом миропонимании.

Дискредитация государственно-монархической идеологической модели отношения к законности и свержение монархии как ее опоры в одночасье не могли привести к восстановлению правопорядка в условиях противоречивого понимания порядка российским обществом. О том, что сильны оставались ожидания восстановления сильного патерналистского государства в феврале 1917 г., способного привести к победе над внешним врагом, ярко свидетельствует объяснение населению Кубанской области войсковым атаманом М.П. Бабычем целесообразности смены правительства стремлением России к победе в войне с Германией [11]. О том же говорит установка «войны до победного конца» пришедших к власти приверженцев либеральной модели. Однако если, захватывая власть, либералы 27 февраля возлагали вину за внутреннюю разруху на прежнее правительство, «вынужденно» беря «в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» [12; 4], то 10 марта в постановлении о ликвидации Департамента полиции [13; 27] они российскому обществу, в лице органов самоуправления (которых ввиду военного положения просто не было на местах), предоставляли право самостоятельно заботиться

о своей безопасности. Противоречие либеральной модели отношения к законности Временного правительства заключалось в том, что, с одной стороны, провозглашались либеральные правовые нормы (без учета способности населения им следовать), а с другой – политическая элита по-прежнему оставалась в плену государственно-монархической идеи безусловного исполнения верховного закона обществом. Несмотря на то, что, занимая пост министра юстиции во Временном правительстве, А.Ф. Керенский строчил один закон либеральнее другого, реализовывая собственную программу революционной законности, исполнять эти законы было некому. В относительно политически благополучных регионах (каким была, например, Кубанская область) восторжествовало военно-сословное самоуправление, руководствовавшееся собственными нормами революционной законности, порой крайне дискриминационными по отношению к невоисковому населению [14; 50–51].

В.И. Ленин по-своему объяснял позитивный характер неминуемой гражданской войны и уничтожения российской государственности [15; 1–120]. Многократно ссылаясь на работы Ф. Энгельса и К. Маркса, на опыт Парижской коммуны, он видел революционную законность в условиях диктатуры пролетариата как высшее и последнее проявление законности, которая отомрет вместе с отмирающими остатками государства, подразумевающего подавление при помощи органов правоохраны меньшинством большинства. Позицию большевиков в отношении к законности нельзя считать последовательной. В апреле 1917 г. В.И. Лениным декларируется принцип «Вся власть – советам!» и вооружается население, законность отрицается как рудимент. С появлением первых большевистских узаконений, как отражено в труде О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского, звучат уже строго противоположные

требования: «законность должна быть повышена (или строжайше соблюдается), ибо основы законов РСФСР установлены» (1918), «...малейший беспорядок, малейшее нарушение законов Советской власти, малейшая невнимательность или нерадение служат немедленно к усилению помещиков и капиталистов, к их победам», «чтобы до конца уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми» (1919). Далее в труде советских правоведов следует сентенция с отсылками к собранию сочинений: «В.И. Ленин требовал, чтобы суды карали «малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики». Он указывал на необходимость воспитывать «широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности» [16; 281–282], - свидетельствующая об осмыслении в советской теории права ленинского понимания функции революционной законности.

На Одиннадцатой всероссийской конференции РКП(б) (19–22 декабря 1921 г.) была принята резолюция «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства» [17; 588–594], в которой одной из задач обозначено «водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности» [17; 593]. В первом номере официального печатного органа Наркомюста полностью публикуется 17-й пункт резолюции «по вопросу о революционной законности... по докладу т. Каменева» [18; 14]. На последовавшем в этом же месяце Четвертом Всероссийском Съезде деятелей советской юстиции (январь 1922 г.) из уст председателя ВЦИК М.И. Калинина последовала установка: «Поэтому сейчас не пустой звук, когда говорят о революционной законности. Это не пустой звук; очевидно, органам народной

юстиции придется действительно в этой области проделать огромную работу. В чем должна быть эта огромная работа? Это – заставить население уважать законы» [19; 327]. «Реализация большевистской альтернативы государственно-политического развития России предполагала разработку соответствующей правовой доктрины», – полагает И.В. Абдурахманова, соглашаясь с А.М. Евстратовым, что ее необходимость теоретически начинает осмысливаться в 1920 гг., а принципы, на которых происходит теоретизация, представляют собой отражение массовой правовой культуры [20; 20].

В начале 1921 г. Ю.М. Стекловым на страницах «Известий ВЦИК» была инициирована дискуссия «о революционной законности в условиях «новой экономической политики» с критикой «революционного правосознания», форм его реализации в период революции и гражданской войны, «милитаризованного правосудия», «разрушительной революционной самодеятельности» и самоуправления в области реализации правосудия» [21; 25]. Дискуссия предполагала реабилитацию в советском государстве принципа главенства закона под руководством РКП(б) и послужила основанием для введения в официальный оборот в докладе главы Моссовета Л.Б. Каменева концепта «революционная законность». Е.В. Мишина соглашается с В.Б. Романовской в том, что «праву была отведена чисто служебная и временная роль». К примеру, Н.А. Черлунчакевич, во-первых, констатирует необходимость «скорейшего водворения» революционной законности как некоторого нового и несостоявшегося социально-правового проекта, во-вторых, – видит его состоятельность только в искусственных условиях, при которых мог бы возникнуть на него спрос населения, чем констатирует отсутствие в России того времени законности как механизма социального регулирования [18; 3-4].

Т.е. говорить о революционной законности как о некоторой доктрине государственной власти на момент ее официального провозглашения нельзя. Поэтому прав М.И. Калинин, когда обрисовывает этапы становления революционной законности: «...в первые моменты революции решающим фактором права, разумеется, являлась прямая, непосредственная вооруженная сила», «следующая стадия – это чрезвычайные органы...», «последней стадией являются органы юстиции» [19; 325]. М.И. Калинин признает далее, что законность не имела в годы революции и гражданской войны «должного значения», но в 1922 г. «она имеет для нас огромное значение» [19; 327], чем свидетельствует о коренной трансформации экстремистской модели отношения к законности, субъектом которой были наиболее радикальные революционные силы, о смене ее вектора на противоположный: от *тотема* к *антитотему*. Через *оборотничество* субъект экстремистской модели отношения к законности инверсионным способом утверждает соборно-либеральную модель, для которой *оборотничество* является одной из определяющих характеристик. Конечно же, в рамках одной статьи поставить окончательную точку в таком проблемном вопросе сложно. Но можно указать на два весомых аргумента.

Во-первых, обротничество как инвариант манихейства, по мысли А.С. Ахиезера, «стало идеальной системой представлений, противостоящих государственности, всякому усложнению социальных отношений...» [1; 74], поскольку является наиболее архаичной формой рефлексии социального субъекта, складывающейся ещё в догосударственный исторический период. Т.е. возведение отношения к законности социального субъекта на догосударственный уровень приводит к разрушению государственности. Тут уж всё равно, как именуют себя политические силы, исповедующие

революционную законность (оборотничество), социал-демократами, консерваторами или как-то иначе. Они даже не обязательно должны быть революционными, чтобы пагубно влиять на усложнение социальных связей. Отличительной чертой их политических программ является популизм и волюнтаризм, следование установкам массового человека, толпы. Какими бы благими намерениями не оправдывались подобные политические программы, они не нацелены на обеспечение заявленных целей, но следствием попытки их реализации всегда будет упрощение системы социальных связей, вплоть до разрушения государственности.

Во-вторых, обротничество, манихейство или революционная законность, тут уж всё равно, как назвать состояние диалектического мышления общества, отрицающего ценность медиации конструктивной напряженности в направлении усложнения социальных связей для достижения совместничества, является не только причиной кризиса государственности, но и следствием несостоятельности управляющего центра в плане трансляции на периферию общей системы ценностей. Коса инверсии относится именно к таким нежелательным состояниям, характеризует кризис эволюционного усложнения социальных отношений.

Таким образом, социокультурным содержанием революционной законности является социорефлексивное понимание законности на базе ментальных черт российского общества. Изменения отношения общества к законности обусловлены интенсификацией межкультурной интеграции и инертным разрешением конструктивной напряженности инверсионным способом, приведшим в 1917–1921 гг. к косе инверсии. На фоне роста массового самосознания в условиях усиления интеграционных процессов в обществе управляющий центр не смог предложить

ничего более конструктивного, чем война, т.е. консолидация общества царским правительством вокруг военных целей стало инверсионным ответом на необходимость усложнения социальных отношений.

Примечания:

1. Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.

2. Горлова И.И., Бакуменко Г.В., Коваленко Т.В. История как культурный текст: к вопросу о методе интерпретации символов успеха в культуре // Право и практика. 2017. № 1. С. 183-188.

3. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории: метод. материал // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1995. № 5. С. 126-135.

4. Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. 2007. № 45. С. 88-101.

5. Собуль А. Первая Республика 1792-1804 / пер. с фр. А.О. Зеленина, Д.Л. Каравкина. Москва: Прогресс, 1974. 393 с.

6. Робеспьер М. Революционная законность и правосудие: статьи и речи / пер. с фр. Н.С. Лапшина. Москва: Гос. изд-во юрид. литературы, 1959. 275 с.

7. Тривус М.Л. Охрана // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1897. Т. 22А. С. 508-509.

8. Иващенко Н.И. Усиленная и чрезвычайная охрана // Энциклопедический словарь. Дополнительный том II / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1907. С. 802-803.

9. Биюшкина Н.И. Источники Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5. С. 288-293.

10. Лотман Ю.М. Семиосфера / ред. Н.Г. Николаюк, Т.А. Шпак. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

11. Кубанские ведомости. 1917. № 52. 7 марта.

12. Отъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы. 27 Февраля 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 / Отделение Свода Законов Гос. канцелярии. Петроград: Государственная типография, 1917. 555 с.

13. Объ упраздненіи Департамента полиціи и обучрежденіи временнаго управленія по дблам общественной полиціи: пост. От 10 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 / Отделение Свода Законов Гос. канцелярии. Петроград: Государственная типография, 1917. 555 с.

14. Безверхова С.В. Предпосылки становления советской правоохранительной системы на Кубани // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 5. С. 47-53.

15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 33. 434 с.

16. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Москва: Госюриздат, 1961. 381 с.

17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1953. Ч. 1. 952 с.

18. Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1. 16 с.

19. Калинин М.И. Избранные произведения: в 4 т. / Ин-т марксизма-ленинизма ЦК КПСС. Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1960. Т. 1. 784 с.

20. Абдурахманова И.В. Рефлексия «революционной законности» в массовом правосознании 1917-1921 гг. // Философия права. 2008. № 3. С. 20–25.

21. Мишина Е.В. К вопросу о генезисе и эволюции системы революционной (социалистической) законности // Великая российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: материалы междунар. науч. конф., Витебск, 27 февраля – 3 марта 2017 г. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2017. С. 93-96.

References:

1. Akhiezer A.S. Sociocultural dynamics of Russia. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1997. 804 pp.
2. Gorlova I.I., Bakumenko G.V., Kovalenko T.V. History as a cultural text: on the problem of the method of interpretation of symbols of success in culture // Law and Practice. 2017. No 1. P. 183–188.
3. Vinogradov V.B., Dudarev S.L., Narozhny E.I. The main stages of world history: methodological material // East. Afro-Asian societies: history and modernity. 1995. No. 5. P. 126-135.
4. Velikaya N.N. Russianness as a paradigm for the study of the Russian-Caucasian unity // Actual and debatable problems of the history of the North Caucasus. South Russia Review. 2007. No. 45. P. 88–101.
5. Sobul A. The First Republic 1792-1804 / transl. from French by A.O. Zelenin, D.L. Karavkin. M.: Progress. 1974. 393 pp.
6. Robespierre M. Revolutionary legality and justice: articles and speeches / transl. from French by N.S. Lapshin. M.: State Publishing House of the Law literature, 1959. 275 pp.
7. Trivus M.L. Security // Encyclopedic Dictionary / F.A. Brockhaus, I.A. Efron. St. Petersburg, 1897. Vol. 22 A. P. 508–509.
8. Ivashchenko N.I. Strengthened and emergency security // Encyclopedic Dictionary: Supplementary Volume II / F.A. Brockhaus, I.A. Efron. St. Petersburg, 1907. P. 802–803.
9. Biyushkina N.I. Sources of the Regulation “On measures to protect public order and public peace” of August 14, 1881 // Bulletin of Nizhny Novgorod University of N.I. Lobachevsky. 2010. No. 5 (1). P. 288–293.
10. Lotman Yu.M. Semiosphere / ed. by N.G. Nikolayuk, T.A. Shpak. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 pp.
11. Kuban statements. 1917. No. 52. March 7.
12. From the Executive Committee of the State Duma. February 27, 1917 // Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government. Iss. 1: February 27 – May 5, 1917 / Branch of the Code of Laws of the State Chancery. Petrograd: State Printing House, 1917. 555 pp.
13. On the abolition of the Police Department and the establishment of the temporary department for for public police affairs. Fast. March 10, 1917 // Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government. Iss. 1: February 27 – May 5, 1917 / Branch of the Code of Laws of the State Chancery. Petrograd: State Printing House, 1917. 555 pp.
14. Bezverkhova S.V. Prerequisites for the formation of the Soviet law enforcement system in the Kuban area // Historical and socio-educational thought. 2017. No. 5. P. 47-53.
15. Lenin V.I. Complete Works / Institute of Marxism-Leninism of the Central Committee of the CPSU. 5th ed. Vol. 33. M.: Publishing House of Political Literature, 1969. 434 pp.
16. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Problems of the theory of law. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 381 pp.
17. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee / Institute of Marx-Engels-Lenin-Stalin under the Central

Committee of the CPSU. 7th ed. Part 1. M.: State Publishing House of Political Literature, 1953. 952 pp.

18. Weekly of the Soviet Justice. 1922. No. 1. 16 pp.

19. Kalinin M.I. Selected works: in 4 vol. / Institute of Marxism-Leninism of the Central Committee of the CPSU. Vol. 1. M.: State Publishing House of Political Literature, 1960. 784 pp.

20. Abdurakhmanova I.V. Reflection of “revolutionary legality” in the mass legal consciousness of 1917–1921 // Philosophy of law. 2008. No. 3. P. 20–25.

21. Mishina E.V. On the Genesis and Evolution of the System of Revolutionary (Socialist) Legality // The Great Russian Revolution of 1917 in the History and Fates of the Peoples and Regions of Russia, Belarus, Europe and the World in the Context of the Historical Realities of the 20th – early 21st centuries: proceedings of the international scient. conf. (Vitebsk, February 27 – March 3, 2017). Vitebsk: Vitebsk State University of P.M. Masherov, 2017. P. 93–96.

УДК 94(470.6)''19'':63
ББК 63.3(235.7)6
К 68

С.В. Коробкин,

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир, тел.: +79002319017; e-mail: serezha.korobkin@mail.ru

ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА КУБАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается состояние сельскохозяйственного производства на Кубани и принимаемые центральными и краевыми органами меры по его интенсификации во второй половине 1960-х гг. Приводятся сведения о достигнутом уровне развития сельского хозяйства Краснодарского края к середине 1960-х гг. Раскрывается потенциал колхозов и совхозов Кубани с учетом их обеспеченности материально-техническими и кадровыми ресурсами, раскрываются основные виды и направления деятельности. В качестве предпосылки экономической реформы указывается на замедление темпов развития сельского хозяйства и обострение продовольственной проблемы вследствие ошибок партийного руководства во главе с Н.С. Хрущевым.

Подчеркивается важность проведения экономической реформы в области сельского хозяйства, разработанной на основе решений мартовского 1965 г. пленума ЦК КПСС, для повышения динамики сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае. Обращается внимание на совершенствование структуры сельского хозяйства, результатом которой стало на Кубани завершение формирования зональной специализации сельскохозяйственных культур в соответствии с природно-климатическими условиями разных районов края.

В качестве важнейших факторов осуществления масштабной интенсификации сельского хозяйства на Кубани рассматривается повсеместное внедрение механизации, электрификации и химизации производства. В связи с этим приводятся сведения об укреплении материально-технической базы колхозов и совхозов, совершенствовании сельскохозяйственной техники в деятельности специализированных научно-исследовательских институтов, расширении ремонтной базы. Освещается процесс реализуемой во второй половине 1960-х гг. программы электрификации сельского хозяйства, а также широкой химизации, внедряемой как в растениеводстве, так и в животноводстве Кубани. Рассматривается комплекс проводимых в это время мелиоративных работ и расширение посевных площадей зерновых культур, в особенности рисовых плантаций. Наряду с положительными результатами реализации экономической реформы в сельском хозяйстве Кубани, отмечаются существовавшие проблемы и трудности.

Ключевые слова: сельское хозяйство, экономическая реформа, интенсификация, факторы развития, Кубань.

S.V. Korobkin,

Postgraduate Student, FSBEI HE "Armavir State Pedagogical University, Armavir, ph.: +79002319017; e-mail: serezha.korobkin@mail.ru

BASIC CONDITIONS AND FACTORS OF DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN THE KUBAN IN THE SECOND HALF OF THE 1960S.

Annotation. The article discusses the state of agricultural production in the Kuban and the measures taken by the central and regional authorities to intensify it in the second half of the 1960s. Information is provided on the achieved level of agricultural development in the Krasnodar Territory by the mid-1960s. The potential of the collective farms and state farms of the Kuban is revealed, taking into account their provision with material, technical and human resources, the main types and directions of activity are revealed. As a prerequisite for economic reform, it indicates a slowdown in the pace of agricultural development and an aggravation of the food problem due to the mistakes of the party leadership, headed by N.S. Khrushchev.

The importance of economic reform in agriculture, developed on the basis of the decisions of the March 1965 plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, to increase the dynamics of agricultural production in the Krasnodar Territory is emphasized. Attention is drawn to improving the structure of agriculture, which resulted in the Kuban completing the formation of zonal specialization of crops, in accordance with the climatic conditions of different regions of the region.

As the most important factors for the implementation of large-scale intensification of agriculture in the Kuban, the widespread introduction of mechanization, electrification and chemicalization of production is considered. In this regard, information is provided on strengthening the material and technical base of collective farms and state farms, improving agricultural machinery in the activities of specialized research institutes, and expanding the repair base. The process implemented in the second half of the 1960s is highlighted. agricultural electrification programs, as well as broad chemicalization, introduced both in crop production and in animal husbandry of the Kuban. The complex of reclamation work carried out at that time and the expansion of the sown areas of grain crops, especially rice plantations, are considered. Along with the positive results of the implementation of economic reform in agriculture of the Kuban, existing problems and difficulties are noted.

Key words: agriculture, economic reform, intensification, development factors, Kuban.

Реализуемая во второй половине 1960-х гг. экономическая реформа способствовала повышению эффективности сельскохозяйственного производства. Данная тенденция была свойственна развитию сельского хозяйства Кубани как одного из самых значимых аграрных регионов страны. Положительная динамика роста сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае была достигнута на основе созданного в предшествующие годы потенциала.

К началу 1965 г. на Кубани насчитывалось 309 сельскохозяйственных артелей и 190 совхозов. Кроме того, имелось 29 рыболовецких колхозов, 31 хозяйство треста

«Скотооткорм» и значительное количество различных государственных и кооперативных хозяйств, занимающихся в той или иной степени производством сельскохозяйственной продукции. Колхозы края объединяли 376,3 тыс. колхозных дворов. Общая численность членов колхозов и их семей составляла 1126,9 тыс. человек, из них в трудоспособном возрасте – 517,8 тыс. человек. Численность работников совхозов составляла 173,1 тыс. человек, в том числе 164,6 тыс. – производственных рабочих. Колхозы края являлись крупными хозяйствами, объединявшими в среднем 1,2 тыс. дворов, имевших 12,6 тыс. га земли. В среднем на один колхоз

приходилось 9,6 тыс. га посевов, 3,7 тыс. голов крупного рогатого скота, из них 1,2 тыс. коров, 3,3 тыс. свиной и 3 тыс. овец [1; 10].

Распределение совхозов по производственным направлениям отражало широкие возможности для развития в крае всех отраслей сельского хозяйства. Из имеющихся в крае 190 совхозов 25 были зернового направления, 8 – рисового, 4 – свекловичного, 7 – табачного, 19 – свиноводческого, 12 – птицеводческого, 2 – овцеводческого, 2 – коневодческого. Много совхозов специализировалось на производстве плодов. В среднем на совхоз приходилось 8,1 тыс. га земли, по 102 трактора и 30 грузовых автомашин. В крае имелось большое количество научно-исследовательских институтов и опытных хозяйств, которыми проводилась работа по подъему сельского хозяйства [1; 11].

Общая земельная площадь края составляла 8328 тыс. га, из них в пользовании сельскохозяйственных предприятий и хозяйств находилось 5893 тыс. га, или 71% его территории. К началу 1965 г. на полях колхозов и совхозов Кубани работало более 55 тыс. тракторов в 15-сильном исчислении, 6,3 тыс. зерновых комбайнов, около 18 тыс. грузовых автомобилей и много другой сельхозтехники. Это позволило полностью механизировать такие сельхозработы, как пахота, сев, уборка и другие. К этому же времени были полностью электрифицированы все колхозы и совхозы. Общая мощность всех электродвигателей составила 253 тыс. кВт, потребление электроэнергии – более 350 млн кВт/ч. [1; 12].

Краснодарский край являлся одним из главных регионов по производству технических культур, площади под которыми составляли 749 тыс. га. Наиболее важной технической культурой являлась сахарная свекла, занимавшая площади в 264 тыс. га. Большое развитие получило овощеводство, садоводство и виноградарство. Общая площадь

под садами и ягодниками составляла 153 тыс. га, а под виноградниками – 69 тыс. га [1; 13-14].

По всем категориям хозяйств в крае насчитывалось 1871 тыс. голов крупного рогатого скота, из них 693 тыс. коров, 2037 тыс. свиной и 1986 тыс. овец. Развивалось и птицеводство. Всего во всех хозяйствах было 113876 тыс. голов кур, уток, гусей и индеек. Сельское хозяйство края было достаточно хорошо укомплектовано квалифицированными кадрами. На Кубани в это время работало 56,6 тыс. трактористов и механизаторов и 24,9 тыс. шоферов. На основе этого потенциала темпы роста валовой продукции сельского хозяйства в колхозах и совхозах края в 1964 г., по сравнению с 1950 г., составили 270%, а темпы роста производительности труда – 215% [1; 25-27].

Вместе с тем к середине 1960-х гг. стало наблюдаться замедление темпов развития сельского хозяйства, обострилась проблема продовольственного обеспечения населения, что было вызвано ошибками партийного руководства во главе с Н.С. Хрущевым. Проведение экономической реформы в области сельского хозяйства, разработанной на основе решений мартовского 1965 г. пленума ЦК КПСС, и последующие действия нового руководства партии положительным образом отразились на ускорении динамики сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае.

Одним из важных факторов повышения эффективности сельхозпроизводства в регионе стало совершенствование структуры сельского хозяйства. Во второй половине 1960-х гг. на Кубани завершилось формирование зональной специализации сельскохозяйственных культур, в соответствии с природно-климатическими условиями, которые отличались в разных районах края.

Так, в низовьях реки Кубани была размещена зона рисосеяния, в предгорных районах преимущественное

значение придавалось выращиванию табака и картофеля. В прибрежных районах западной части Краснодарского края основную роль в хозяйстве играло виноградарство, а в южной части Черноморского побережья – производство чая. В северо-восточной и центральной частях края преобладало возделывание зерновых культур, кукурузы, подсолнечника, сахарной свеклы.

Овощеводство получило развитие в большинстве районов края, концентрируясь вокруг городов, где действовали крупные овощеводческие совхозы и другие сельхозпредприятия. Например, в г. Армавире насчитывалось семь сельскохозяйственных предприятий, на которых трудилось около трёх тысяч человек. Общая земельная площадь сельхозпредприятий составляла 15579 га, в том числе 7807 га пашни. Площадь орошаемых сельхозугодий составляла 716 га. В числе сельхозпредприятий было два научных учреждения: Северо-Кавказский филиал Всесоюзного института механизации и опытная станция Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур [2; 114].

Большое значение в повышении уровня сельского хозяйства имели принимаемые центральными и краевыми органами меры по укреплению материально-технической базы колхозов и совхозов. Реализация этих мер шла в русле осуществления масштабной интенсификации сельского хозяйства, предусматривающей повсеместное внедрение механизации, электрификации и химизации производства.

Увеличение государственных цен на реализуемую колхозами и совхозами сельхозпродукцию позволило последним выделять больше средств на приобретение новой техники и расширение собственной производственной базы. В годы восьмой пятилетки сельское хозяйство Краснодарского края получило 22 400 тракторов, 23 000 комбайнов, около 5 тыс. автомобилей, более

16 тыс. прицепов и другой техники [3; 25].

Большое значение в решении задач совершенствования сельскохозяйственной техники имела деятельность специализированных научно-исследовательских институтов. Например, действующий в г. Армавире Северо-Кавказский филиал Всесоюзного института механизации занимался научными разработками в области комплексной механизации возделывания сельскохозяйственных культур. Объем научных работ после мартовского 1965 г. пленума ЦК КПСС возрос здесь в 3,3 раза, а количество работ, рекомендованных в производство, – в 9 раз. Работниками филиала были созданы экспериментальные образцы универсально-пропашных тракторов мощностью 110 и 150 л.с. Было проведено опробование макета гусеничного трактора мощностью 300 л.с., а также много других полезных мероприятий по совершенствованию сельскохозяйственной техники [4].

Поступление большого количества сложной техники в колхозы и совхозы Кубани дало возможность расширить ее использование и обеспечить более рациональное применение техники на сельхозработах. В частности, увеличение парка тракторов и комбайнов снизило нагрузку на единицу техники, что способствовало уменьшению ее аварийности, увеличению сроков эксплуатации и сокращению простоев. Улучшение этих показателей происходило также вследствие расширения возможностей проведения ремонта сельхозтехники. Осуществление капитального ремонта происходило на заводах и в мастерских «Сельхозтехники». Кроме того, в районных объединениях были организованы обменные пункты.

Наряду с положительными моментами в вопросах проведения ремонта сельхозтехники, сохранялись недостатки, связанные с частыми случаями низкого качества

ремонтных работ при небольшом гарантийном сроке, что приводило колхозы и совхозы к дополнительным финансовым издержкам. Слабо было налажено обеспечение совхозов и колхозов запасными частями техники, что также вело к простоям техники.

Решение данной проблемы напрямую зависело от наличия в колхозах и совхозах соответствующих условий для ремонта техники и должного уровня организации работы. На Кубани было немало хозяйств, которые демонстрировали эффективное использование сельхозтехники. Так, в колхозе «Кубань» Усть-Лабинского района и в совхозе «Кубань» Кавказского района это стало возможным благодаря высокому уровню квалификации механизаторов и развитой материально-технической базе. В результате данные хозяйства получили урожай сельхозкультур на 5 ц больше, чем в среднем по краю [3; 28]. В то же время большинство хозяйств Кубани такими возможностями не обладали, что вело к снижению эффективности используемой техники.

Еще одним фактором повышения эффективности сельхозпроизводства на Кубани стала реализуемая во второй половине 1960-х гг. обширная программа электрификации сельского хозяйства. В этих целях в г. Краснодаре было создано отделение Всесоюзного научно-исследовательского института по проектированию объектов электрификации. Более полутора тысяч специалистов занимались здесь разработкой новых проектов крупных магистральных высоковольтных линий электропередачи.

Значительную роль в осуществлении электрификации сельского хозяйства на Кубани играл трест «Краснодарсельэлектросетьстрой». С 1964 по 1969 гг. силами треста были произведены работы на сумму 60 млн руб. Наибольший вклад внесли работники механизированной колонны № 63 этого треста,

которые сумели за десять лет ввести в строй более 6,5 тыс. км линий электропередач, потребительские и распределительные подстанции общей мощностью 86 тыс. кВт. Вместе с тем достигнутые результаты не позволили в полной мере обеспечить потребности сельского хозяйства Кубани в электрификации. Созданных мощностей не хватало для осуществления повсеместной механизации производственных процессов, действующие линии электропередач и трансформаторные подстанции часто выходили из строя, а их ремонт затруднялся ввиду нехватки электрооборудования и квалифицированных кадров [5; 75-76].

Большое внимание с середины 1960-х гг. стало уделяться химизации сельского хозяйства. Научно обоснованное применение удобрений обеспечивало не только рост урожайности, но и повышение качества сельскохозяйственной продукции, например, увеличение содержания белка в зерне и улучшение его аминокислотного состава. Роль удобрений резко возрастала в связи с освоением интенсивных технологий производства, программированием урожайности.

В качестве мощного средства защиты растений от сорняков, сельскохозяйственных вредителей и болезней рассматривались пестициды. В растениеводстве росло применение химических регуляторов роста растений и плодоношения. В животноводстве широко использовались химические кормовые добавки, которые обеспечили полноценное кормление и рост продуктивности сельскохозяйственных животных.

В осуществлении химизации сельского хозяйства на Кубани большое значение придавалось механизации работ по использованию химических средств. Широко применялись машины для подготовки и внесения удобрений, наземные и авиационные опрыскиватели и опыливатели, установки для протравливания семян и др. Действовавшая в

стране Государственная агрохимическая служба давала рекомендации по эффективному использованию химических средств в сельском хозяйстве [5; 111].

Благодаря увеличению объемов производства продукции химической промышленности на Кубани возросли поставки колхозам и совхозам минеральных удобрений и средств защиты растений, что оказало существенное влияние на рост урожайности и объема получаемой сельхозпродукции. В наибольшей степени это было свойственно тем хозяйствам, которые применяли передовые технологии использования минеральных удобрений и средств защиты растений в общем комплексе научно-обоснованных методов ведения сельского хозяйства.

Важным фактором повышения эффективности сельхозпроизводства во второй половине 1960-х гг. стало расширение масштабов проводимой мелиорации земель. До этого мелиоративные работы охватывали небольшую часть территории Краснодарского края. Дальнейшему развитию этого важного вида деятельности мешала нехватка выделяемых государством средств, нехватка специальной техники, оборудования и специалистов. Неслучайно одним из первых постановлений центральных органов после мартовского пленума ЦК КПСС стало постановление от 1 апреля 1965 г. «Об отнесении затрат по коренному улучшению земель в колхозах за счет государственного бюджета». Государство брало на себя основную заботу по финансированию дорогостоящих мелиоративных работ [6].

Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР было наделено полномочиями в Краснодарском крае проводить работы по созданию систем и объектов мелиорации, возведению в хозяйствах производственных и непроизводственных построек, нужных для освоения орошаемых земель сооружений, реконструкции систем орошения и

осушения почвы. Со стороны Краснодарского крайкома КПСС осуществлялся постоянный контроль за ситуацией в области мелиорации сельского хозяйства.

В 1966 г. в Краснодарском крае уже почти в 400 хозяйствах имелись орошаемые участки земель на местном стоке. Их общая площадь составляла 48 тыс. га. Только за предыдущие два года было построено 22 тыс. га малых оросительных систем. Большинство хозяйств края получили высокие и стойкие урожаи культур земледелия, используя передовую агротехнику по возделыванию культур сельскохозяйственного производства на поливе [3; 61-62].

Большое значение в это время уделялось рисоводству. В связи с этим принимались меры по мелиорации выделяемых для посева риса земель. Главным объектом строительства, предназначенным для снабжения водой рисовых плантаций, стало Краснодарское водохранилище, работы по возведению которого начались в 1968 г. В мае 1970 г. было принято постановление об ускорении строительства Краснодарского водохранилища, что привело к форсированию строительных работ. В октябре 1975 г. завершилось строительство водохранилища, и началась его эксплуатация.

Осуществление масштабной мелиорации привело к вводу в сельскохозяйственный оборот новых земельных площадей. В конце 1960-х гг. эффективность данных мер усилилась ввиду использования на мелиоративных работах новой специальной техники, выпущенной на советских заводах, а также внедрения прогрессивных технологий создания оросительных и осушительных систем.

В целом принятые в годы восьмой пятилетки меры по интенсификации сельскохозяйственного производства на Кубани оказали влияние на увеличение объемов производимой сельхозпродукции и повышение

ее качества. Особенно впечатляющими были результаты производства зерновых культур, показатели которого были самими высокими за все предшествующие годы. Определенные успехи были свойственны и развитию животноводства, уровень которого повышался на протяжении рассматриваемого периода.

О значимой роли Кубани в аграрном секторе экономики страны свидетельствовали результаты работы пищевой промышленности Краснодарского края в конце 1960-х гг., доля которой в выпуске продукции в РСФСР составляла по виноградному вину и виноматериалам 40%, растительному маслу – более 30%, сахару-песку – 29%, консервам – 18% [7; 78]. Данные показатели стали возможными ввиду повышения уровня сельхозпроизводства и значительного увеличения объемов получаемой сельхозпродукции. Вследствие этого произошло ослабление продовольственной

проблемы и обозначились дальнейшие перспективы применения стимулирующих мер к развитию сельского хозяйства.

Таким образом, осуществленные во второй половине 1960-х гг. меры способствовали созданию благоприятных условий для развития сельского хозяйства Кубани. Увеличение государственных средств на нужды аграрного сектора экономики, применение в широких масштабах химизации, мелиорации и механизации сельского хозяйства позволили колхозам и совхозам повысить уровень интенсификации сельскохозяйственного производства, добиться улучшения основных показателей трудовой деятельности. Вместе с тем эффективность применяемых мер ограничивалась сохранением администрирования в управлении сельским хозяйством, нерациональным использованием имеющихся ресурсов и выделяемых средств.

Примечания:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1246. Оп. 8. Д. 28.
2. Армавир / А.Н. Гончарова, В.И. Гончаров, В.Б. Боргилова [и др.]. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1983. 142 с.
3. Черников С.Н. Государственная аграрная политика и ее реализация в Краснодарском крае в 1965–1980 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2018. 212 с.
4. Советская Кубань. 1968. 25 августа.
5. Алексеенко О.И. Деятельность органов власти Дона, Кубани и Ставрополья по развитию индустриальных отраслей агропромышленного комплекса в 1965–1975 гг.: монография. Краснодар: Диапазон В, 2017. 190 с.
6. Об отнесении затрат по коренному улучшению земель в колхозах за счет государственного бюджета: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 апреля 1965 г. № 265 // СП СССР. 1965. Я 8-9. Ст. 54.
7. 60 лет Краснодарскому краю (1937-1997): юбилейный статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 1998. 106 с.

References:

1. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). F. P-1246. Op. 8. D. 28.
2. Armavir / A.N. Goncharova, V.I. Goncharov, V.B. Borgilova [et al]. Krasnodar: Krasnodar Publishing House, 1983. 142 pp.
3. Chernikov S.N. State agrarian policy and its implementation in the Krasnodar Territory in 1965-1980: Diss. for the Cand. of History degree. Krasnodar, 2018. 212 pp.
4. The Soviet Kuban. 1968. August 25.
5. Alekseenko O.I. The activities of the authorities of the Don, Kuban and Stavropol Territory on the development of industrial sectors of the agro-industrial complex in 1965-1975: a monograph. Krasnodar: Diapazon B, 2017.190 pp.

6. On the allocation of costs for the radical improvement of land on collective farms at the expense of the state budget: Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of April 1, 1965 No. 265 // SP of the USSR, 1965, Ya 8-9, Art. 54.

7. 60 years to the Krasnodar Territory (1937-1997) / Anniversary statistical compilation. Krasnodar: Krasnodarstat, 1998.106 pp.

УДК [94(470.6)''18/19'':314]:340

ББК 63.3(235.7)

К 71

С.А. Косяшников,

аспирант кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск, тел.: +79126590154, e-mail: kavkaz7777@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОГОРОДНИХ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ВЕРХНЕЙ КУБАНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье изучаются вопросы, связанные с правовым статусом такой социальной группы Юга России второй половины XIX – начала XX вв., как иногородние. В рассматриваемый период они становятся неотъемлемой частью населения казачьих станиц, при этом имея существенные правовые ограничения в сфере местного самоуправления, в области имущественных, хозяйственных, фискальных и других отношений. В частности, раскрываются особенности функционирования и эволюции системы судебного производства в казачьих станицах Кубани. После убийства российского императора Александра II в регионе была существенно ограничена административно-правовая самостоятельность иногородних посредством их подчинения юрисдикции станичного суда. Контрреформационный курс Александра III привел к нарастанию экономических противоречий между казачьим и иногородним населением в части использования земельных и природных ресурсов, а увеличение фискальной нагрузки на иногородних спровоцировало ухудшение их материального положения. Автор также отмечает, что даже с приходом к власти администрации Николая II, частично смягчившей финансовую нагрузку на невойсковое население региона, противоречия между казаками и иногородними Кубанской области полностью не были разрешены. Статья базируется, главным образом, на материалах станиц верхнекубанского региона.

Ключевые слова: иногородние крестьяне, казаки, Верхняя Кубань, правовой статус, имперское законодательство, конфликтогенность.

S.A. Kosyashnikov,

PhD student of the Department of Russian History at Karachai-Cherkessky State University named after U.D. Aliev, Karachaevsk, ph.: +79126590154, e-mail: kavkaz7777@mail.ru

LEGAL POSITION OF NON-COSSACK PEASANTS LIVING IN COSSACK COMMUNITIES IN THE UPPER KUBAN REGION (SECOND HALF OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY)

Abstract. The article examines issues related to the legal status of such a social group of the South of Russia in the second half of the 19th – early 20th century as non-Cossacks. During the period under review, they become an integral part of the population of the Cossack communities with significant legal restrictions in the field of local self-government, property, economic, fiscal and other relations. In particular, the peculiarities of the functioning and evolution of the system of judicial

proceedings in the Cossack villages of Kuban are revealed. After the assassination of Russian Emperor Alexander II, the administrative and legal autonomy of non-Cossacks was significantly limited in the region by their submission to the jurisdiction of the village court. The counter-reformation course of Alexander III led to an increase in economic contradictions between the Cossack and non-Cossack populations in terms of the use of land and natural resources, and the increase in the fiscal burden on non-Cossacks caused the deterioration of their material situation. The author also notes that even with the coming to power of the administration of Nicholas II, which partially alleviated the financial burden on the nontactical population of the region, the contradictions between the Cossacks and non-Cossacks in the Kuban region were not fully resolved. The article is based mainly on the materials from the villages of the Upper-Kuban region.

Keywords: non-Cossack peasants, Cossacks, Upper Kuban, legal status, imperial legislation, conflicts.

Со второй половины XIX в. в казачьих станицах всей Кубанской области, в том числе в регионе Верхней Кубани (значительную часть которого составлял Баталпашинский уезд /отдел), стали все активнее расселяться люди, не принадлежавшие к сословию казаков и получившие название «иностранцы». Так, например, по данным на 1894 г., в центре отдела – станице Баталпашинской они составляли 56% от всех жителей, в Усть-Джегутинской – 44%, Красногорской – 33%, Сторожевой – 33%, Зеленчукской – 18%; Кардоникской – 14%, Преградной – 6% [1; 76-79]. В последующие годы их численность в том или ином населенном пункте изменялась (то снижаясь, то увеличиваясь – *С.К.*), но в целом иностранцы стали константной частью жителей всех станиц верхнекубанского региона.

В период реформ 1860-70-х гг. сложилась основа системы нормативно-правовой регуляции административных, судебных, фискальных, имущественных и хозяйственных отношений иностранцев. Их социально-правовое положение как жителей казачьих станиц впервые начало получать нормативное оформление в «Положении о заселении...» 1862 г. Им устанавливалось, что «лица, не принадлежащие к войсковому сословию (иностранцы)», могли получить право оседлости в станицах через покупку казачьих усадеб или пустопорожных мест на

территории Кубанского казачьего войска (ККВ). Но при этом они обязаны были «за находящуюся под их усадьбами землю» (остававшуюся в собственности казачьей общины – *С.К.*) вносить плату в размере 2 коп. за квадратный сажень (§109). Иностранцы на общих основаниях подвергались взысканиям за недомки (§114), подчинялись казачьей администрации (§116), обязаны были выполнять общие земские повинности – постоянную, подводную, по исправному содержанию дорог, мостов и переправ (§142) [2; 1-63]. Позднее был издан циркуляр Главного управления казачьих войск (от 25.06.1897 г. за № 2) с разъяснением по вопросу о привлечении лиц невойскового сословия к отбыванию подводной и пожарной повинностей, а также вышел указ Правительствующего Сената от 12-31.03.1898 г. об отбывании иностранцами караула при станичных церквях [3; 127-131].

Итак, в актах законодательно определялась категория проживавших в станицах иностранцев («лиц невойскового сословия» – *С.К.*), имеющих оседлость. Это, соответственно, предполагало наличие другой категории – иностранцев, не имеющих оседлости, к которой позднее были причислены «все лица невойскового сословия, проживавшие в станицах на квартирах или на частновладельческих землях в качестве арендаторов». Решением царя от 11.04.1872 г. слово «иностранцы» формально

было заменено на термин «лица невоицкого сословия». Но это было неудачное, по мнению современников, определение, так как такого сословия в империи юридически не существовало, и к указанному кругу лиц могли относить и крестьян, и мещан, и дворян и т.д. [3; 33-35].

Как известно, практически сразу же между двумя основными категориями населения в станицах стали возникать различные коллизии. Региональная администрация стала прилагать определенные усилия к тому, чтобы ослабить конфликтность правового положения иногородних в казачьих населенных пунктах. Так, в феврале 1867 г. начальник Кубанской области, прямо указывая на «некоторую ненормальность отношений коренного населения и иногородних в общественной жизни», ходатайствовал перед главнокомандующим Кавказской армией и наместником Кавказским о разрешении общинам оседло живущих иногородних (не менее 15-ти семей – С.К.) некоторых станиц (в том числе Баталпашинской – С.К.) избирать из своей среды 1 судью и 1 депутата для участия в станичном суде по делам, непосредственно связанным с ними. Однако это обращение было оставлено без внимания [4; 80-81, 162-163].

Согласно «Положению об общественном управлении в казачьих войсках» от 13.05.1870 г., станичное общество состояло «из всех, без различия сословий, жителей станицы» (ст. 1). Тем самым формально членами общества выступали и жители невоицких сословий, то есть иногородние. В то же время документ определял, что лица таких сословий, «живущие в станичных обществах и имеющие там собственные дома или другую недвижимость», могут участвовать в станичных сходах «только при обсуждении и решении дел, касающихся «лиц неказачьего сословия» (ст. 4 прим.). Из контекста следовало, что таковыми могли быть, в частности, дела о разверстке земских повинностей, о принятии мер

по предупреждению и взысканию недоимок, о назначении опекунов и попечителей, проверке их действий, об удалении из станицы «вредных и порочных лиц» и отстранении их от участия в сходах на срок до 3 лет (ст. 7). «Положение...» устанавливало, что иногородние, как и казаки, подчинены станичной администрации, наделенной полномочиями в общественной и полицейской сфере (ст. 11-12, 25) [5; 200-205].

Формально те же нормы были установлены в «Положении о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Кубанской области» от 30.12.1870 г. Там также определялось, что сельское (аульное) общество образуется из всех жителей данного селения «без различия их по вере и сословиям» (ст. 2) [5; 220]. Однако здесь не было ограничений, аналогичных тем, которые устанавливались в станицах для «лиц невоицкого сословия».

По нормам «Положения об общественном управлении в казачьих войсках» 1870 г., как казаки, так и иногородние, в делах с суммой иска, ущерба (убытка) не более 100 рублей были подсудны станичному суду, наделенному правом выносить виновному приговор к общественным работам до 6 дней, к административному аресту до 7 дней, штрафу до 3-х рублей. Апелляционной инстанцией выступал съезд мировых судей (ст. 33-39, 50-51), в котором участвовали мировые судьи одного мирового судебного округа [5; 207-209]. Такие же, по сути, нормы были заложены в «Положении о сельских (аульных) обществах...» 1870 года, но апелляционной инстанцией здесь обозначен горский словесный суд (ст. 51), действие которого не распространялось на негорское население [5; 228-229].

После убийства императора-реформатора Александра II (1881 г.) царизм, как известно, свернул либерализацию общественной жизни и

перешел к курсу жесткого администрирования. Начавшийся период реакции (контрреформ) на Кубани проявился, в частности, в упразднении системы гражданских уездов. Вместо них были созданы отделы во главе с казачьей администрацией. В период контрреформ положение иногородних явно ухудшилось. На Кубани их права «на участие в местном самоуправлении были сведены к нулю», а на станичных сходах «зачастую им предлагалось лишь выслушать и подписать уже состоявшееся решение» [3; 42-43]. Подчиняясь юрисдикции станичного суда, иногородние в то же время не имели права быть избранными в его состав. В станицах они не имели возможности пользоваться аптекой, фельдшерской помощью, хлебозапасными магазинами, получать школьное образование, хотя все эти учреждения содержались за счет станичной казны, где одной из самых доходных статей являлась посаженная плата, взимавшаяся с иногородних [3; 42-43, 45-46].

Утвержденное Александром III «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 3.06.1891 г. определило, что иногородние, имеющие оседлость («живущие в пределах станичного юрта и имеющие там собственные дома» – *С.К.*), вправе направлять на станичный сбор своих выборных из расчета 1 выборного от каждых 10-ти дворов, но, как и раньше, только для участия в обсуждении и решении лишь тех дел, которые касаются этих лиц (ст. 8). Документ обозначает, что станичный сбор осуществлял разверстку земских повинностей между обывателями войскового и невойскового сословия (п. 8 ст. 13) [6; 2-6].

На основе общих решений вышестоящих инстанций областные власти осуществляли регламентацию через собственные подзаконные нормативные акты, в том числе через циркуляры Кубанского областного правления о порядке

проведения выборов на станичный сход (9.09.1891 г.) и начальника области, об участии лиц невойскового сословия в станичных сборах (10.03.1894 г. № 9236), о форме составления станичных общественных приговоров (7.08.1892 г. № 25988) [3; 127-131].

В своём видении реформ самоуправления той поры современники отмечали необходимость более тесного вовлечения иногородних в станичную жизнь. В том числе – в обеспечение местных структур (станичной администрации, почты, пожарной команды и пр.), в более активное участие в сборах податей на общественные нужды (школьные, медицинские, продовольственные, церковные – *С.К.*). С одной стороны, это позволило бы нейтрализовать недовольство среди казачьей массы, а с другой – стало бы основанием для предоставления иногородним более широких прав (включая возможность участия в делах, касающихся расходования податей, наличие права голоса при избрании судей и права быть избранным судьей – *С.К.*) [7; 135,137]. Однако до революции все эти идеи так и не получили реального воплощения.

Касаясь законодательных преобразований (контрреформ) Александра III относительно казачества, действительный член Кубанского областного статистического комитета Л.П. Мельников отмечал, что они «были проникнуты духом такой узкой сословности и таким равнодушием к другим категориям населения», что при трактовке этих законов нужды иногородних рассматривались «лишь в отрицательном смысле». В этом «реакционном движении» автор винил администрацию, которая подзаконными актами дала выгодное для казачества «самое широкое истолкование» закона 1868 г. А затем последовало изменение этого закона, внесенное царем 13.05.1883 г., которое крайне осложнило приобретение иногородними недвижимости в станице и, по

сути, ставило целью «навсегда прекратить дальнейшее поселение иногородних в станицах» [7; 109-111].

Приказом военного министра от 10.04.1886 г. (№ 76) устанавливались запреты для иногородних возводить необходимые постройки, ремонтировать уже имеющиеся на приобретенных усадьбах, строить их заново вместо сгоревших в случае пожара. Цель этой запретительной меры была предельно проста – постепенно вытеснить из станиц неказачье население, уже имевшее оседлость, и «отбить охоту селиться у вновь прибывающих». Инструкция Кубанского областного правления указывала на то, что казаки должны стараться обособляться от иногородних, всячески проводить различие между ними и собою [7; 115, 118-120].

Следует отметить, что контрреформы Александра III в определенной степени получили поддержку со стороны казачества Юга России, в том числе и Верхней Кубани. Это объяснялось мощной волной миграции, в результате которой приблизительно за 20 лет (с середины 1870-х до середины 1890-х гг. – С.К.) иногороднее население на Кубани увеличилось более чем в 6 раз. Этот фактор не только «сильнейшим образом» изменил социально-экономическое положение Кубани [7; 83], но и обусловил ужесточение правоприменительной практики властей в отношении переселенцев.

Такой курс активно проводил тогдашний глава царской администрации на Кавказе князь Дондуков-Корсаков, который, со ссылкой на «отсутствие свободных казенных земель», старался активно пресекать крестьянскую миграцию на Кубань и Терек. В 1883 г. он инициировал одобренный царем запрет продажи казаками каких-либо усадеб и построек иногородним без согласия станичных общин и войскового начальства. Одновременно предпринимались меры к тому, чтобы заставить оседлое неказачье население покинуть станицы [8; 23-26],

издавались подзаконные акты, ставившие «целью стеснить иногородних всюду, где только к тому представляется возможность» [7; 104]. Нередко этой группе населения запрещалось пользоваться станичными выгонами, водными ресурсами, лесными угодьями, камышом и др. [9; 177-181]. Давление на иногородних велось и через неуклонное увеличение посаженной платы. Как подчеркивал дореволюционный автор Т. Демьянов, они «не платят только за право пользоваться воздухом» [10; 184].

Указ Правительствующего Сената от 21.01.1885 г. № 583 оставил в силе положение о запрете на возведение иногородними новых построек без разрешения станичной общины [1; 287-288]. Также специальное решение казачьих властей требовалось в случае, если проживавший оседло переселенец желал продать свои постройки такому же «пришлому» лицу (Порядок продажи недвижимой собственности иногородним в Кубанском и Терском войсках, утвержденный царем 13.05.1883 г. – С.К.) [11; 126].

По результатам ревизии населенных пунктов в регионе Верхней Кубани (лето 1893 года) областной начальник составил и опубликовал записку, в которой отразил свои наблюдения и оценки положения иногородних, живших в казачьей и горской среде. Он заметил, что, например, в станице Преградной основная сумма, получаемая от этой группы населения, поступала не от посаженной платы (168,4 руб.; по 3 коп. за кв. саж.), а от арендных вы плат за выпас скота на юртовой земле (3 тыс. руб.). Относительно станицы Сторожевой (3607 чел.), где «пришлые» составляли треть жителей», отмечено было, что здесь коренные жители (казаки) лечатся бесплатно, а «иногородние по усмотрению фельдшера вносят плату». В связи с этим начальник области справедливо полагал, что необходимо «вопрос о лечении людей обсудить совместно

с выборными от неказачьего населения». В документе сообщалось также, что в этой же станице «за излишний скот иногородних положено 1 р. от штуки», но здесь такого «излишнего» скота не было. Посаженной платы в Сторожевой было собрано в год 340,38 руб. (по 3 коп. за кв. саж.), но эту сумму почти вдвое превышали недоимки (около 675 руб.). В той же записке приводятся сведения и о положительных моментах: так, в станице Зеленчукской «иногородние изъявили желание» вносить свою часть платы на содержание аптеки и фельдшера; а в Усть-Джегутинской платили наравне с казаками (по 40 коп. с дыма) на содержание пожарного обоза. Приводились данные и по аулу Каменноостскому, где иногородние (составлявшие 9% жителей – С.К.) платили одинаково с коренными жителями на содержание аульного правления, а сверх того – налог с дыма дифференцированных сумм (по 1 руб. с бедного дыма, по 2 руб. – с зажиточного – С.К.) [12; 70-71, 73-74, 76-77, 85, 91].

Тем не менее, в 1890-е гг., по утверждению Л.П. Мельникова, «прочная, устойчивая охрана прав иногородних путем законодательной нормировки» отсутствовала, а положение «столь многочисленной группы населения с его интересами и нуждами» игнорировалось [7; 128-129].

С целью снижения административных и фискальных нагрузок на рассматриваемую нами группу населения Кубани передовыми людьми того времени предлагалось заменить непомерно высокие суммы посаженной платы на налог с доходов иногороднего, проживающего в станице, а в худшем случае – снизить эту плату до таксы за площадь, которую занимают жилые и торговые постройки (а не за всю площадь приусадебной земли – С.К.). Указывалось на «произвольные и развращающие поборы в виде магарычей» за выдачу станицами разрешений неказачьему населению на ремонт старых построек

и возведение новых. Отмечалась необходимость дать иногородним право на возведение и ремонт любых сооружений на пользуемой земле, ограничив такое право лишь «обычными условиями, требуемыми строительным уставом» [7; 132-133].

Но власти ограничивались мерами притупления, так сказать, косметического характера. Так, был издан циркуляр начальника Кубанской области (от 9.01.1897 г. № 226), согласно которому общая сумма накопившихся недоимок по посаженной плате уплачивалась в рассрочку не менее как на 10 лет, а сроки её ежегодной уплаты впредь определялись станичным сбором с участием доверенных лиц от иногородних. Относительно запрета на сооружение построек без разрешения станичного общества циркуляр требовал, чтобы отказ в даче согласия на такую постройку был всегда обоснован. Эти решения Л.П. Мельников рассматривал как благую реакцию «против духа узкоклассовой нетерпимости и эгоизма», которая требовала также «коренных законодательных реформ..., которые исключили бы возможность возобновления и крайнего развития сословной вражды» [7; 130-131].

В то же время следует отметить, что, в отличие от казачьих поселений равнинных районов, в нагорных станицах на территории Верхней Кубани с их суровыми для жизнеобеспечения условиями отношения между казаками и иногородними выстраивались в более приемлемом русле. По итогам ревизии, проведенной в 1893 г. в населенных пунктах Баталпашинского и Майкопского отделов, признавалось, что «присутствие в нагорных станицах невойскового сословия отвечает интересам коренных жителей» [12; 2]. Это объяснялось тем, что иногородние несут повинности наравне с казаками, дают «материальную выгоду станичным обществам, уплачивая посаженную плату, поддерживая торговлю лесом, известью, алебастром, фруктами

и изделиями из леса». Кроме того, «общность интересов в борьбе с природными условиями почти везде произвела взаимное уважение войсковым и невойсковым населением», поэтому были «нередки случаи принятия обществами в свою среду иногородних семей» [12; 2-3].

Кстати, Л.М. Мельников позднее также признавал, что картина конфликта между казаками и иногородними присуща почти для всей Кубани, «исключая, однако, многие закубанские станицы, затерянные в горах», где казачье население, с одной стороны, еще не осело «прочно на отведенных местах», а с другой – природные богатства там лишь начинают осваиваться, и их хватает для всех [7; 127-128].

Тем не менее, после начала русско-японской войны общественно-политическая ситуация во всей империи заметно обострилась, осложнившись массовыми аграрными волнениями, затронувшими как всю Кубанскую область в целом, так и её Баталпащинский отдел в частности. Выполняя предписания руководства по ужесточению правопорядка, региональные власти одновременно осознавали необходимость разумного, сбалансированного сочетания практики «кнута и пряника». В январе 1905 г. был издан циркуляр начальника Кубанской области, по которому беспорочное взыскание с иногородних посаженной платы не распространялось на их имущество [13; 1]. Вслед за ним вышли циркуляры начальника области о временном освобождении от текущих платежей и недоимок посаженной платы семейств запасных нижних чинов, призванных на фронт, впредь до возвращения последних (4-5.11.1905 г. № 46520.), о сложении недоимок с семейств запасных нижних чинов, призванных на действительную службу осенью 1905 г. (10.11.1905 г. № 47559), и об облегчениях по уплате посаженной платы (14-16.11.1905 г. № 178) [3; 127-131]. Однако в целом данный вид

платежей просуществовал вплоть до падения монархии.

На фоне аграрных волнений 3 ноября 1905 года Николай II издал указ, согласно которому с 1.01.1906 г. уменьшались наполовину, а с 1.01.1905 г. вовсе отменялись, выкупные платежи крестьян. Кроме того, царь предписал правительству дать Крестьянскому Поземельному Банку «возможность успешнее помогать малоземельным крестьянам» через расширение их земельных участков путем покупки, «увеличив для сего средства Банка и установив более льготные правила для выдачи ссуд» [14].

Однако экономические послабления зачастую не сопровождались политическими. Например, после учреждения Государственной Думы полумиллионная масса иногородних на Кубани осталась бесправной и была «лишена избирательных прав» [3; 49-50]. Среди этой группы населения продолжали расти протестные настроения, связанные, в том числе, с нерешенностью вопроса о статусной эмансипации. Протест приобретал разные виды. Это было не только проявление открытого недовольства, но различные формы саботажа. Например, иногородние стали все больше уклоняться от уплаты налогов. В верхнекубанских станицах, как отмечал Л.В. Македон, «в последние года» эта группа населения почти совсем перестала «платить за усадьбы, ссылаясь на какое-то таинственное распоряжение о том, чтобы с них посаженной платы не взыскивали» [15; 161].

В ходе Первой мировой войны царизм в очередной раз предпринял некоторые меры к снижению накала напряженных отношений между казачеством и иногородними. Так, 3.07.1915 г. было принято решение Правительствующего Сената о том, что станичный сбор имел право освобождать лиц невойскового сословия, оседло проживающих на станичных землях, от уплаты посаженной платы, а равно слагать с них недоимки

этой платы [11; 9-10]. Но все эти мероприятия по-прежнему носили паллиативный характер, а потому и не могли полностью решить накопившиеся проблемы.

Таким образом, несмотря на ряд предпринимаемых властями в начале XX в. мер, положение иногородних в регионе Верхней Кубани продолжало оставаться сложным, как с хозяйственной,

так и с правовой точек зрения. Правовые коллизии, закреплявшие неравенство различных групп населения и создававшие привилегии только для одной из них, объективно создавали почву для социальных конфликтов. Это в полной мере проявилось в ходе революционных событий и Гражданской войны, принявшей на Кубани довольно ожесточенный характер.

Примечания:

1. Кубанская справочная книжка на 1894 год / сост. В.А. Щербина. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления: тип. А.П. Сташевского, 1894. 626 с.

2. Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. Санкт-Петербург: Тип. Управления Иррегулярных войск, 1862. 122 с.

3. Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Вып. I: Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906. Т. 1. С. 1-138.

4. Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового Архива // Кубанский сборник. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1901. Т. 7. С. 71-175.

5. Кубанская справочная книжка на 1891 год / сост. Е.Д. Фелицин. Екатеринодар: Тип. А.П. Сташевского, 1891. 501 с.

6. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск: Обл. войска Донского типография, 1891. 51 с.

7. Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар: Тип. И.Ф. Бойко, 1900. Т. 6. С. 73-140.

8. Матюценко П.П. Переселения крестьян в казачьи области Северного Кавказа в политике царизма конца XIX в. // Теория и практика общественного развития. Исторические науки. Краснодар: ИД ХОРС, 2013. № 12/2. С. 23-26.

9. Савельев В.А. О поземельных отношениях крестьянства и казачества на Дону и Кубани в начале XX в. // Вопросы истории Поурупья: материалы науч. конф., посвящ. 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища как памятника средневековой археологии и церковной архитектуры. Армавир; Отрадная, 2012. Вып. I. С. 177-181.

10. Матюценко П.П. Аграрная политика царизма и иногороднее крестьянство Кубани и Терека в период контрреформ в России // Теория и практика общественного развития: междунар. науч. журнал. Москва, 2014. № 21. С. 183-186.

11. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Санкт-Петербург: Изд. Главного управления казачьих войск, 1884. Т. XIX. 194 с.

12. Записка по ревизии станиц Кубанской области – Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов, за время 3-29 августа 1893 года // Кубанская справочная книжка на 1894 год. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления: тип. А.П. Сташевского, 1894. Отд. II. С. 1-113.

13. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар. 1905. 4 февраля.

14. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар. 1905. 29 ноября.

15. Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж: Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцов и К^о», 1908. 106 с.

References:

1. Kuban Reference Book for 1894 / comp. by V.A. Shcherbina. Ekaterinodar: Printing house of the Kuban regional government: Printing house of A.P. Stashevsky, 1894. 626 pp.
2. Regulation on the settlement of the foothills of the western part of the Caucasian mountain range by the Kuban Cossacks and other immigrants from Russia. St. Petersburg: Printing house of Department of Irregular troops, 1862. 122 pp.
3. Shershenko A.I. Legal and economic situation of nonresident people in the North Caucasus in connection with the economic development of the region. Iss. I: Kuban region. Statistical essay // Collection of information about the North Caucasus. Stavropol, 1906. Vol. 1. P. 1-138.
4. Shamray V. Historical reference on the nonresident people in the Kuban region according to the documents extracted from the affairs of the Kuban military Archive // Kuban collection. Ekaterinodar: Printing house of the Kuban regional government, 1901. Vol. 7. P. 71-175.
5. Kuban Reference Book for 1891 / comp. by E.D. Felitsin. Ekaterinodar: Kuban Reference Book of A.P. Stashevsky, 1891. 501 pp.
6. Regulation on the public administration of the villages of the Cossack troops, Highly approved on June 3, 1891. Novocherkassk: Regional troops of the Don Printing house, 1891. 51 pp.
7. Melnikov L.M. Nonresident people in the Kuban region // Kuban collection. Ekaterinodar: Printing house of I.F. Boyko, 1900. Vol. 6. P. 73-140.
8. Matyushchenko P.P. The resettlement of peasants in the Cossack regions of the North Caucasus in the policy of tsarism at the end of the 19th century // Theory and practice of social development. Historical sciences. Krasnodar: KHORS Publishing house, 2013. No. 12/2. P. 23-26.
9. Savelyev V.A. On the land relations of the peasantry and the Cossacks in the Don and Kuban at the beginning of the 20th century // Problems of the history of Poryupye: proceedings of the scient. conf., dedicated to the 50th anniversary of the discovery and study of Illychyovsk hillfort as a monument of medieval archeology and church architecture. Armavir; Otradnaya, 2012. Iss. I. P. 177-181.
10. Matyushchenko P.P. The agrarian policy of tsarism and the nonresident peasantry of the Kuban and Terek during the period of counter-reforms in Russia // Theory and practice of social development: international scient. journal. Moscow, 2014. No. 21. P. 183-186.
11. Collection of government orders for the Cossack troops. St. Petersburg: Publishing house of the Main Directorate of Cossack Troops, 1884. Vol. XIX. 194 pp.
12. Note on the audit of the villages of the Kuban region: Yekaterinodar, Maikop and Batalpashinsk departments, during the period of August 3-29, 1893 // Kuban Reference Book for 1894. Ekaterinodar: Printing house of Kuban regional government: Printing house of A.P. Stashevsky, 1894. Dep. II. P. 1-113.
13. Kuban regional sheets. Ekaterinodar. 1905. February 4.
14. Kuban regional sheets. Ekaterinodar. 1905. November 29.
15. Makedonov L.V. In the mountains of the Kuban Territory. Life and economy of the inhabitants of the upland strip of the Kuban region. Voronezh: The Lithographic Printing house of the Partnership of N. Kravtsov and Co. 1908. 106 pp.

УДК 94(470):331.108.263

ББК 63.3(2)

С89

Н.М. Суетина,

кандидат социологических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, тел.: +79034656804, e-mail: na-ri@bk.ru

М.Г. Зарецкая,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, тел.: +79182202626, e-mail: zarmarina76@mail.ru

ТРУДОВАЯ КНИЖКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена изучению истории становления и развития нормативной базы, регулирующей отношения в сфере труда в России, а именно в отношении трудовых книжек со времен правления Петра I по настоящее время. В статье детально рассматриваются положения нормативных документов государственных органов власти РСФСР, СССР и РФ о трудовых книжках. Развитие нормативной базы в отношении трудовых книжек связано с изменением социально-экономических и политических условий развития общества и государства. История трудовой книжки включает периоды, когда она считалась и удостоверением личности, и основным документом, подтверждающим трудовую деятельность и трудовой стаж. В статье отмечается, что в настоящее время наступил новый период в развитии российского законодательства о труде, который связывают с развитием цифровой экономики. Наступает новый этап учета трудовой деятельности работников – «электронный». Формирование сведений о трудовой деятельности работников будет вестись в электронном виде. Учет информации о трудовой деятельности будет производиться на электронной платформе Пенсионного фонда РФ. С 1 января 2021 г. на работников, которые принимаются на работу впервые, трудовые книжки оформляться не будут.

Ключевые слова: трудовая книжка, трудящиеся, формулярные списки о службе, трудовые списки, сфера труда, трудовая деятельность.

N.M. Suetina,

Candidate of Sociology, Associate Professor of Department of Administrative and Criminal Law of the Maikop State Technological University, Maikop ph.: +79034656804, e-mail: na-ri@bk.ru

M.G. Zaretskaya,

Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of Administrative and Criminal Law of the Maikop State Technological University, Maikop ph.: +79182202626, e-mail: zarmarina76@mail.ru

LABOR BOOK: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. The article is devoted to the study of the history of the formation and development of the regulatory framework governing relations in the sphere of labor

in Russia, namely with regard to labor books from the time of the reign of Peter I to the present. The article considers in detail the provisions of the normative documents of the state authorities of the RSFSR, the USSR and the Russian Federation on labor books. The development of the normative framework concerning labor books is connected with the change in the socio-economic and political conditions of the development of society and the State. The history of the labor book includes periods when it was considered both an identity card and a basic document confirming the labor activity and an employment record. At present a new period has come in the development of Russian labor legislation, which is connected with the development of the digital economy. A new stage of registration of employees' labor activity – electronic – is coming. The formation of information on the employment of employees will be carried out in electronic form. Information on employment will be recorded on the electronic platform of the Pension Fund of the Russian Federation. From January 1, 2021, labor books will not be issued for employees who are hired for the first time.

Keywords: labor book, workers, official lists about service, labor lists, the sphere of work, labor activity.

Общеизвестно, что в исторической науке период правления Петра I получил название «Эпоха преобразований». Предшественниками появления трудовых книжек в России были формулярные списки о службе, которые были введены Петром I в 1722 г. вследствие принятия табеля о рангах [1]. Табель о рангах представлял собой законодательный акт, регулирующий порядок прохождения государственной службы в Российской Империи. Данный документ утвердил три типа чинов: воинские, статские и придворные, а также последовательность получения вышестоящих чинов [1]. Особенностью введения в действие данного документа являлось то, что теперь на государственную службу, дальнейшее продвижение по службе имели право не только представители знатных родов, но и простолюдины. Основным принципом прохождения государственной службы в Российской Империи стала личная выслуга человека перед государем и государством, а не знатность рода, из которого происходил служащий. Формулярные списки о службе были необходимы в то время для доказательства прохождения конкретной службы. В них заносилась информация об имени, чине, должности, социальном происхождении, возрасте, семейном положении гражданина. В дальнейшем табель о рангах, а

также формулярные списки о службе изменялись и дополнялись, но просуществовали до 1917 г.

В ноябре 1917 г. Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов был утвержден декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов, который подписали Я.М. Свердлов, Председатель Центрального Исполнительного Комитета, В.И. Ульянов (Ленин) – Председатель Совета Народных Комиссаров, В.Д. Бонч-Бруевич – Управляющий делами Совета Народных Комиссаров, и Н.П. Горбунов – секретарь Совета [2]. Статьей 5 декрета предусматривалось, что «все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений» [2].

Важнейшей вехой в преобразовании государства явилось принятие в июле 1918 г. Конституции (Основного закона) РСФСР, в главе 5 которой было провозглашено, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест!» [3]. Документом была утверждена всеобщая трудовая повинность.

А уже в октябре 1918 г. был принят Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О трудовых книжках

для нетрудящихся». В соответствии со статьей 1 нормативного акта предусматривалось, что для «нетрудящихся» граждан вместо прежних удостоверений личности, паспортов и иных документов вводятся трудовые книжки. Под «нетрудящимися» гражданами понимались следующие категории: лица, которые жили на нетрудовой доход (поступления с имущества, проценты с капитала); лица, получающие доход от наемного труда; директора и члены советов и правлений акционерных обществ и иных товариществ; частные торговцы, коммерческие посредники и т.п.; лица свободных профессий, которые не выполняли общественно-полезных функций, и лица, не имеющие определенного рода занятий [4]. Обязанность по выдаче трудовых книжек для нетрудящихся была возложена на Местные Советы рабочих и крестьянских депутатов [4]. Обладатели трудовых книжек согласно указанному правовому акту были обязаны выполнять различные повинности и общественные работы. В обязательном порядке «нетрудящийся элемент» должен был приходить в уполномоченный орган для получения отметки о выполнении таких работ и повинностей не реже чем один раз в месяц. В противном случае документ считался недействительным. Особо подчеркнем, что статьей 5 декрета «О трудовых книжках нетрудящимся» было предусмотрено, что только при наличии трудовой книжки «нетрудящиеся элементы» имеют право на переезд и передвижение как в пределах каждого поселения, так и в пределах территории РСФСР [4]. Указанный декрет, возможно, впервые в истории государства ввел зависимость получения социального обеспечения от наличия трудовой книжки, что в дальнейшем трансформировалось в возможность получения социальных преференций от государства благодаря наличию трудового, в том числе специального, стажа. Так, этим декретом

предусматривалось, что только при наличии трудовой книжки «нетрудовые элементы» имели право получения продовольственных карточек. Продовольственные карточки были введены для преодоления продовольственного кризиса, существовавшего в то время. На основе карточной системы в Советской России происходило распределение хлеба (муки), сахара, крупы, подсолнечного масла.

В декабре 1918 г. наступает новый этап развития в сфере регулирования труда – принимается Кодекс законов о труде РСФСР – первый кодифицированный акт в сфере труда Советской России (далее – КЗоТ РСФСР). Статьей 80 КЗоТа РСФСР предусматривалось, что «каждый трудящийся обязан иметь трудовую книжку, в которую заносятся отметки о произведенных им работах и полученных вознаграждениях и пособиях» [5]. В приложении к статье 80 были представлены правила о трудовых книжках. Например, было указано, что «каждый трудящийся при поступлении его на работу в предприятие, учреждение или хозяйство, применяющее чужой труд в форме организованного сотрудничества, предъявляет свою трудовую книжку органам управления предприятием, учреждением или хозяйством, а при поступлении на работу к частному лицу – этому последнему» [5]. В трудовую книжку того времени вносились такие данные, как имя, фамилия и дата рождения трудящегося; все виды выполненных работ, в том числе сдельные и сверхурочные, а также размер вознаграждения за произведенную работу с указанием денежных сумм или вещей, полученных за работу в натуре. Отметим, что помимо вознаграждения обязательным было внесение информации о полученных денежных средствах, если трудящийся получал деньги в связи с нетрудоспособностью из больничных касс или разного рода пособий. Особо подчеркнем следующее, согласно

данному правовому акту в трудовую книжку вносились следующие сведения: периоды прогулов, отпусков, время болезни, а также информация о взыскании, которое было получено по поводу работы. Лицо, которое внесло соответствующую запись в трудовую книжку, должно было поставить личную подпись и дату внесения этой записи, данная обязанность предусматривалась статьей 80 КЗоТа РСФСР [5]. Также, если трудящийся был грамотным, он должен был поставить свою подпись под каждой записью и дату. Таким образом, он удостоверял правильность записи в трудовой книжке. При увольнении трудящегося трудовая книжка выдавалась ему на руки. В дальнейшем он предоставлял этот документ по новому месту работы.

В июне 1919 г. вступает в силу Декрет о введении трудовых книжек в городах Москве и Петрограде, утвержденный Всероссийским центральным исполнительным комитетом [6]. Согласно декрету впервые в истории России вводилась обязанность иметь трудовые книжки для всех граждан государства в возрасте от 16 лет. Декрет устанавливал правовой статус трудовой книжки как документа, удостоверяющего личность на территории РСФСР, а также документа, доказывающего факт участия гражданина в производственном процессе [6]. На основании наличия трудовой книжки у гражданина последнему выдавались продовольственные карточки, денежные средства в случае наступления нетрудоспособности и безработицы. В ноябре 1922 г. Декрет о введении трудовых книжек в городах Москве и Петрограде утратил силу.

В апреле 1923 г. декрет о трудовых книжках для нетрудящихся был также отменен в связи с вступлением в юридическую силу нового Кодекса законов о труде РСФСР. Он был введен в действие 15 ноября 1922 г. Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 9 ноября 1922 г. [7]. Новый

КЗоТ РСФСР не предусматривал ведения трудовых книжек для трудящихся. Основным документом, удостоверяющим личность, становится паспорт. Подчеркнем, что первый КЗоТ РСФСР просуществовал довольно непродолжительное время – около четырех лет. Основной предпосылкой изменения законодательства о труде Советской Республики являлось то, что молодая страна переходит к найму трудящихся с заключением добровольного трудового договора.

В соответствии с новым КЗоТом РСФСР от 1922 г., работа по найму гражданам предоставлялась через специально организованный орган – Народный комиссариат Труда. В соответствии со статьей 10 КЗоТа от 1922 г., «администрация государственных, общественных и частных учреждений и предприятий сообщает в органы Народного Комиссариата Труда периодические сведения о движении рабочей силы по формам и в сроки, устанавливаемые Народным Комиссариатом Труда» [7]. В тексте КЗоТа РСФСР 1922 г., как уже говорилось выше, отсутствовало понятие трудовой книжки. Однако в статье 29 нормативного акта указано следующее: «Заключение трудового договора должно обязательно сопровождаться выдачей расчетной книжки всем рабочим и служащим (кроме лиц, принадлежащих к администрации) во всех предприятиях, учреждениях и хозяйствах, независимо от числа работающих в них» [7]. Заметим, что статьей 42 КЗоТа РСФСР регламентировано следующее: «Наниматель обязан выдать нанявшемуся, по его просьбе, удостоверение о том, сколько времени и в какой должности нанявшийся у него работал. Помещение в удостоверении каких-либо условных знаков воспрещается» [7].

В сентябре 1926 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров «О трудовых списках» введена обязанность всех организаций и предприятий ведения на каждого

служащего трудовых списков, в которые вносились данные о прохождении службы. Эти трудовые списки выдавались на руки трудящимся для их представления при переходе на работу в другие организации и предприятия [8].

С января 1939 г. на основании Постановления Совета Народных Комиссаров от 20 декабря 1938 г. № 1320 для всех рабочих и служащих Союза Советских Социалистических Республик были введены трудовые книжки единого образца [9]. В данном нормативном акте была закреплена обязанность организаций и предприятий вести трудовые книжки, а также обязанность рабочих и служащих предъявлять эти трудовые книжки при устройстве на работу. Также были определены правила заполнения трудовых книжек для администраций организаций и предприятий. Выдача трудовых книжек администрациями предприятий и организаций осуществлялась за плату – 50 копеек [9]. В случае утери трудовой книжки ее владелец подвергался штрафу в размере 25 рублей [9]. Все денежные средства от выдачи трудовых книжек и взимания штрафов поступали в доход государства. Также Постановлением было предусмотрено уголовное наказание за незаконное пользование трудовыми книжками; передачу третьим лицам; подделку и подделку [9]. Вышеуказанный нормативный правовой документ имел юридическую силу вплоть до 1975 г.

В сентябре 1973 г. Советом Министров СССР и Всесоюзным Центральным Советом профессиональных союзов было принято Постановление № 656 от 6 сентября 1973 г. «О трудовых книжках рабочих и служащих». Данное постановление было принято «в целях дальнейшего улучшения и порядка ведения трудовых книжек рабочих и служащих на предприятиях, в учреждениях и организациях, а также повышения воспитательного значения трудовых

книжек в деле укрепления трудовой дисциплины» [10]. В действие же данное постановление вступило в силу 1 января 1975 г. Нормативным актом было установлено, что трудовая книжка является основным документом о трудовой деятельности рабочих и служащих. Отметим интересный факт, что стоимость трудовой книжки в 1975 г., в соответствии с постановлением, составляла также 50 копеек, как и в 1938 г. Образец трудовой книжки был утвержден также этим постановлением.

В апреле 1975 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 310 «О трудовых книжках колхозников» [8]. В действие постановление было введено с 1 января 1977 г. и действует по настоящее время. Правовой акт был принят «в целях дальнейшего улучшения порядка ведения трудовых книжек колхозников, повышения воспитательного значения их и укрепления трудовой дисциплины в колхозах» [8]. В документе определен порядок выдачи и ведения трудовых книжек колхозников.

В апреле 2003 г. было принято Постановление Правительства РФ № 225 «О трудовых книжках», которое ввело трудовые книжки нового образца. Данное постановление вступило в силу 1 января 2004 г. [11]. Постановлением утверждены новые формы трудовой книжки и вкладыша в нее, а также правила ведения и хранения трудовых книжек, изготовления их бланков и обеспечения ими работодателей.

В настоящее же время наступил новый период в развитии российского законодательства о труде, который связывают с развитием цифровой экономики. Федеральным законом от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» с 1 января 2021 г. на работников, которые будут приниматься на работу впервые, трудовые книжки

оформляться не будут. Учет информации о трудовой деятельности будет производиться в электронном виде на электронной платформе Пенсионного фонда РФ. В соответствии со ст. 66.1 указанного закона: «Работодатель формирует в электронном виде основную информацию о трудовой деятельности и трудовом стаже каждого работника и представляет ее в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования, для хранения в информационных ресурсах Пенсионного фонда Российской Федерации» [12]. Федеральным законом предусмотрен переходный период для работодателей и уже работающих граждан. До 30 июня

2020 г. работодатели должны проинформировать работников об изменениях в трудовом законодательстве, касающихся трудовых книжек. А работники могут написать заявление работодателю о том, продолжать или не продолжать ведение трудовой книжки работодателем в бумажном варианте. Но работодатель, в соответствии с законодательством, все равно будет формировать на такого работника информацию о трудовой деятельности в электронном виде.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что история «бумажного варианта» трудовой книжки, начавшись в 1918 г., уже в 2021 г. для граждан, впервые поступающих на работу, уйдет в прошлое. Наступает новый этап учета трудовой деятельности работников – «электронный».

Примечания:

1. Табель о рангах 24 января 1722 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tabel.htm> (дата обращения: 26.01.2020).

2. Об уничтожении сословий и гражданских чинов: декрет от 11 (24) ноября 1917 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/soslov.htm> (дата обращения: 26.01.2020).

3. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 (утратил силу). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 26.01.2020).

4. Из истории трудовой книжки. URL: <http://gasur.ru/activity/measures/expositions/2009/01/> (дата обращения: 27.01.2020).

5. Основные законодательные и правовые акты. Кодекс законов о труде РСФСР 1918 года. URL: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm (дата обращения: 26.01.2020).

6. О введении трудовых книжек в городах Москве и Петрограде: декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета от 25.06.1919 (утратил силу). URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_467.htm (дата обращения: 26.01.2020).

7. О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР (вместе с «Кодексом Законов о Труде РСФСР»), изд. 1922 года: постановление ВЦИК от 09.11.1922 (утратил силу). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3889#09492185047829307> (дата обращения: 26.01.2020).

8. О трудовых книжках колхозников: постановление Совета Министров СССР от 21.04.1975. URL: <http://base.garant.ru/182096/> (дата обращения: 27.01.2020).

9. О введении трудовых книжек: постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 20.12.1938 (утратило силу). URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss6475.htm> (дата обращения: 27.01.2020).

10. О трудовых книжках рабочих и служащих: постановление Совета Министров СССР и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 06.09.1973 № 656. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102080537&rdk=0&&empire=> (дата обращения: 26.01.2020).

11. О трудовых книжках: Постановление Правительства РФ от 16.04.2003 № 225. URL: <http://base.garant.ru/12130601/> (дата обращения: 27.01.2020).

12. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде: федер. закон от 16 декабря 2019 № 439-ФЗ. URL: <http://www.garant.ru/news/1309829/#ixzz6CDsRmaGP> (дата обращения: 27.01.2010).

References:

1. Table of ranks on January 24, 1722. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tabel.htm> (access date: 26.01.2020).

2. On the abolition of social strata and civil ranks: Decree of November 11 (24), 1917. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/soslov.htm> (access date: 26.01.2020).

3. The Constitution (Fundamental Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic: adopted by the 5th All-Russian Congress of the Soviets on 10.07.1918) (no longer valid). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (access date: 26.01.2020).

4. From the history of the work book. URL: <http://gasur.ru/activity/measures/expositions/2009/01/> (access date: 27.01.2020).

5. The main legislative and legal acts. The Code of Labor Laws of the RSFSR of 1918. URL: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm (access date: 26.01.2020).

6. On the introduction of labor books in the cities of Moscow and Petrograd: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 06.25.1919 (no longer valid). URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_467.htm (access date: 26.01.2020).

7. On the introduction of the Code of Labor Laws of the RSFSR (together with the "Code of Labor Laws of the RSFSR") ed. in 1922: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 09.11.1922 (no longer valid). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3889#09492185047829307> (access date: 26.01.2020).

8. On the employment records of collective farmers: Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 21.04.1975. URL <http://base.garant.ru/182096/> (access date: 27.01.2020).

9. On the introduction of employment records: resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of 20.12.1938 (no longer valid). URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss6475.htm> (access date: 27.01.2020).

10. On the employment records of workers and employees: Decree of the Council of Ministers of the USSR and the All-Union Central Council of Trade Unions dated by 06.09.1973 No. 656. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102080537&rdk=0&&empire=> (access date: 26.01.2020).

11. On employment records: Decree of the Government of the Russian Federation of April 16, 2003 No. 225. URL: <http://base.garant.ru/12130601/> (access date: 27.01.2020).

12. On amendments to the Labor Code of the Russian Federation in terms of the formation of information about the labor activity in electronic form: Federal Law of December 16, 2019 No. 439-FZ. URL: <http://www.garant.ru/news/1309829/#ixzz6CDsRmaGP> (access date: 27.01.2010).

УДК 94(560):39(=352.3)-055.2

ББК 63.3(5Туц)

X 98

М.Г. Хуако,

соискатель кафедры всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, научный сотрудник Национального Музея Республики Адыгея, г. Майкоп, тел.: +79955525008, e-mail: slovjna@yandex.ru

**«ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ
ЧЕРКЕССКИХ ЖЕНЩИН»:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
(Рецензирована)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению социополитической и культурной жизни Османской империи в период правления младотурецкого режима с 1908-1918 гг. и до принятия Конституции 1924 г. Именно в этот период наблюдалось ослабление давления центральной власти на социально-политическую и культурную жизнь общества. Являясь частью османского общества, черкесская диаспора также почувствовала эти изменения. Ослабление авторитарного режима способствовало появлению женских движений, обществ. Начали издаваться так называемые женские журналы, на страницах которых стало возможным выражать свою активную социальную и политическую позицию. В эти годы стали создаваться культурные и благотворительные общества черкесов, в том числе и женские. Одним из них стала общественная организация «Общество взаимопомощи черкесских женщин». Основатели общества преследовали не только благотворительную, но и просветительскую цель, в том числе и сохранение национального языка и культуры. Проблема ассимиляционных процессов стояла перед черкесской диаспорой еще в начале XX в., поэтому именно в среде данного общества появилась идея открытия национальной черкесской школы, не имеющей аналогов в свое время.

Ключевые слова: черкесская диаспора, Османская империя, младотурецкий режим, общественные организации, «Общество взаимопомощи черкесских женщин».

M.G. Khuako,

PhD Applicant of the Department of General History of the Faculty of History, Adyghe State University, Researcher of the National Museum of Adyghea Republic, Maikop, ph.: +79955525008, e-mail: slovjna@yandex.ru

**SOCIETY FOR MUTUAL ASSISTANCE
OF CIRCASSIAN WOMEN:
HISTORY OF CREATION AND ACTIVITY**

Abstract. This article is devoted to the study of the sociopolitical and cultural life of the Ottoman Empire during the reign of the Young Turkish regime from 1908 to 1918 until the adoption of the 1924 Constitution. It was during this period that the pressure of central power on the social, political and cultural life of society was reduced. As part of Ottoman society, the Circassian diaspora also felt these changes. The weakening of the authoritarian regime has contributed to the emergence of women's movements, societies. The so-called women's magazines have begun to

be published, on the pages of which it has become possible to express their active social and political position. During these years, cultural and charitable societies of Circassians, including women's societies, began to be established. One of them was the social organization "Society of Mutual Assistance of Circassian Women". The founders of the society pursued not only a charitable but also an educational goal, including the preservation of the national language and culture. The Circassian diaspora encountered the problem of assimilation processes in the early 20th century. Therefore, it was within this society that the idea of opening a national Circassian school, which had no analogues in its time, appeared.

Keywords: Circassian diaspora, Ottoman Empire, Young Turkish regime, public organizations, Society of Mutual Assistance of Circassian Women.

Культурно-просветительскую деятельность в Османской империи черкесская диаспора смогла осуществлять только с установлением власти младотурок в 1908 г. В августе 1908 г. в Стамбуле были опубликованы султанские указы о проведении парламентских выборов и о неприкосновенности жилища, о ликвидации тайной полиции и об отмене цензуры. Один за другим в Стамбуле возникали новые органы периодической печати, общественно-политические и научные организации, общества, клубы. Так, в этом же году было открыто «Черкесское общество единения и взаимопомощи» (ЧОЕВ). Помимо того, что организация занималась культурно-просветительской деятельностью, она выпускала периодические издания на османском, арабском и черкесском языках (на основе арабского алфавита – М.Х.) [1].

Но не только мужчины извлекли пользу из социальных и культурных свобод, которые появились с провозглашением второй конституции 23 июля 1908 г., женщины также стали активно заниматься культурной, социальной и просветительской деятельностью. Несмотря на то, что законом об общественных организациях было запрещено создавать общества по этническому признаку, на практике этот закон нарушался [2; 165].

Именно в этот период на территории Османской империи стали создаваться этнические общественные организации. Кроме этого, широко были представлены религиозные и женские общества.

Женские организации следовали политическим программам комитета «Единение и прогресс» (политическая организация националистов-революционеров – младотурок, основанная в 1889 г. – М.Х.), таковым было женское отделение «Единения и прогресса». В конце XIX – начале XX вв. был создан целый ряд организаций, преследовавших культурные и благотворительные цели. В качестве примера можно привести организацию «Шевкат-и Нисван» (Общество милосердия), основанное в Салониках в 1898 г., «Женское общество прогресса» (Стамбул), «Общество османских женщин» (Стамбул), «Общество современных женщин» (Стамбул) [2; 165 – 166].

Одной из таких женских организаций было «Общество взаимопомощи черкесских женщин». Турецкий исследователь 60-70 гг. XX в. черкесского происхождения Васфи Гюсар в статье «Стамбульское общество взаимопомощи черкесских женщин», опубликованной в журнале «Кавказское культурное общество», указывал дату основания общества – сентябрь 1918 г., но датой основания общества все-таки считается май 1919 г., так как с этого времени оно работало официально [3; 47].

Обществом был разработан и утвержден устав. В первом пункте констатировалось создание общества и ставились планы по открытию его филиалов, оговаривались все организационные моменты, регулирующие его деятельность, цели создания, его состав, указывались источники доходов и обязанности

его членов. Совет директоров «Дианэ» состоял из двенадцати женщин, среди них избирался тайным голосованием председатель, секретарь и казначей сроком на один год.

Организация преследовала, в первую очередь, культурно-просветительские цели, что также следует из устава общества. Вторым пунктом ставился вопрос о поддержании и развитии национальной культуры, а третьим пунктом – изучение родного языка, с этой целью предполагалось открытие национальных школ. И только четвертым пунктом стояла задача помогать обездоленным черкесам, создание для них рабочих мест [4; 29-31].

Основоположницами общества были пять женщин: Харие Мелек Хюнч, Берзек Мекбелек, Эмине Решит Залике, Сеза Пух (Пекху) и Файка Ханым. Мелек Хюнч была образованной женщиной, которая родилась приблизительно в 1880 г. в селении Хаджи Осман в Маньясе, в семье убыхов, во время русско-кавказской войны эмигрировавшей на Кавказ. Она играла ведущую роль в жизни общества с момента создания и до его закрытия. Также она являлась одной из первых женщин-романисток в Османской империи. Ею было написано и опубликовано несколько работ: романы «Горе Зухры» (1910 г.), «Зейнеб» (1926 г.). Мелек Хюнч писала рассказы для газеты «Гъуазэ» («Вестник» – печатное издание, публиковавшееся ЧОЕВ – М.Х.) [3; 47 – 48].

Идея создания общества преследовала несколько целей. В среде черкесской интеллигенции остро стоял вопрос о сохранении адыгской культуры и языка. Особое внимание обращалось на то, что задача вырастить подрастающее поколение в чуждой культурной среде с сохранением национальной идентичности является проблемной.

Преподавание в образовательных учреждениях велось на османском языке, также преподавались арабский и европейские языки.

Поскольку обучение не велось на черкесском языке, все члены организации видели острую необходимость в открытии национальной школы для черкесских детей, хотя в данное учебное заведение могли принимать детей и других национальностей [5].

Здание для школы арендовали в районе Стамбула – Бешикташ Акаретлер, директором школы был назначен Мустафа Батбей, но вскоре, как писал он сам, был вынужден покинуть пост из-за разногласий с советом директоров «Дианэ». Разногласия заключались в том, что обучение должно было вестись на родном черкесском языке. Однако сам Батбей считал, что с юридической точки зрения обучение должно вестись на османском языке, а для желающих обучаться на черкесском можно было сформировать отдельный класс. Но совет директоров настоял на своем, и Мустафа Батбей ушел в отставку, и на его должность была назначена Сеза Пух. Помимо адыгского языка и литературы, в программу обучения были включены уроки географии, османского и французского языков, музыки (в том числе преподавание на национальных инструментах – М.Х.), физической культуры.

Отличительной особенностью школы было то, что и мальчики, и девочки обучались вместе под одной крышей, что было беспрецедентным случаем для исламского государства. Другая особенность состояла в том, что черкесский язык, который преподавался в школе, был на основе не арабского, а латинского алфавита, что также не было характерным для страны того времени, исповедовавшей ислам, тогда как в Турции латинская письменность была введена 3 ноября 1928 г. [3; 47].

Являясь представителями элитарной прослойки общества Османской империи, черкесской интеллигенцией, члены общества осознавали необходимость более широкого охвата аудитории с целью пропагандирования идей общества. В связи с этим

«Общество взаимопомощи черкесских женщин» выпустило журнал – «Дианэ» (по названию совета директоров организации – М.Х.), первый номер которого вышел 10 марта 1920 г. Его планировали издавать раз в две недели, но на сегодняшний день известен только первый выпуск. До наших дней сохранилось два экземпляра, один хранится в частной коллекции, другой – в Библиотеке Конгресса США. Главным редактором журнала была Мелек Хюнч. Журнал состоит из 12 страниц и двух разделов на османском и черкесском (на основе латинского алфавита – М.Х.) языках, содержал статьи и рекламные объявления. Авторы издания позиционировали его как социальное и литературное издание [2; 200- 202].

На страницах журнала поднимались такие вопросы и проблемы, как необходимость поднятия уровня образования и культуры в среде черкесов, проблемы национального языка. В статьях, опубликованных в «Дианэ», авторы призывали адыгскую молодежь изучать родной язык, историю, приобщаться к национальной культуре [6; 5]. Тема ассимиляции как неизбежного процесса для черкесской диаспоры беспокоила идеологов общества, и они неоднократно обращались к данной проблеме, отмечая, что это явление особенно отражается на черкесском языке [6; 8-9].

Следующей проблемой была проблема преемственности адыгских обычаев и традиций. Общественная жизнь адыгов до переселения в Османскую империю регулировалась посредством Адыгэ Хабзэ – этно-философской доктрины, включающей в себя как нормы обычного права, так и моральные принципы, определяющие поведение отдельного человека и нормы жизни общества в целом, которая в новых социально-политических условиях утратила прежнее первостепенное значение. Авторы в своих статьях отмечали, что общественную жизнь черкесов

нельзя рассматривать без Адыгэ Хабзэ, и неоднократно ссылались на него, обращаясь к постулатам данной доктрины [6; 10-11].

Важной деятельностью общества являлась благотворительность: помощь нуждающимся семьям. Школа также нуждалась в финансировании. С целью получения средств в журнале «Дианэ» размещались платные рекламные объявления и взимались взносы с членов общества. В школьном театре ставили пьесы, автором которых была Мелек Хюнч, а денежные средства с продажи билетов являлись одной из статей дохода женской ассоциации.

После провозглашения Турецкой Республики в 1923 г. и установления правления Народной республиканской партии изменился курс правительства по отношению к этническим меньшинствам, был установлен режим республиканского однопартийного правления [7]. Руководство страны стало проводить политику турецкого национализма. В Конституции 1924 г. были закреплены положения об отсутствии в государстве других народов и языков, кроме турецкого. Правительство запретило деятельность ЧОЕВ, черкесских школ и других черкесских организаций. Не исключением было и «Общество взаимопомощи черкесских женщин», издание журнала было запрещено, школа была закрыта, а ее архив, документы и библиотека уничтожены [8].

Общество, подобное «Обществу взаимопомощи черкесских женщин», в среде черкесской диаспоры не имело аналогов в мире. Основатели общества были одними из самых образованных людей своего времени, происходили из знатных и интеллигентных семей и по своим взглядам опережали время, сохраняя национальную самобытность. Темы, поднятые на страницах журнала, не были характерны для женского журнала, в которых обычно обсуждались темы воспитания детей и мода. Они касались не

только женщин, поднимались такие вопросы, как национальные проблемы черкесской диаспоры, затрагивались философские и социальные вопросы. Школа, созданная обществом на основе смешанного гендерного обучения, являлась способом реализации культурно-просветительской цели организации. Несмотря на то, что организация просуществовала сравнительно недолго, она оказала большое влияние на черкесские организации в последующие периоды.

Примечания:

1. Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в Турции. URL: <http://intercircass.org/?p=2161>.
2. Arslan E.Z. Circassian organization in Ottoman Empire (1908-1923): дис. ... канд. ист. наук. Стамбул, 2008. 316 с.
3. Gösar V. İstanbul çerkes Kadınları Teavün Cemiyeti // Kafkasya Kültürel Dergi. Ankara, 1975. № 48. С. 46-49.
4. Берзег С. Документальные сведения о Кавказской диаспоре. Анкара, 1985. 44 с.
5. Karayel E. Çerkes Kadınları Teavün Cemiyeti = Общество взаимопомощи черкесских женщин. URL: <http://www.kafkasevi.com/index.php/article/detail/441>.
6. Публикация идей Общества взаимопомощи черкесских женщин // Ди Анэ. Стамбул. 2004. № 1. С. 1-12.
7. Киреев Н.Г. История Турции XX в. URL: <https://studfiles.net/preview/1623699/>.
8. Сеза Пух. Краткая биография. Стамбульский музей женщин. URL: <http://istanbulkadinmuzesi.com/seza-polar>.

References:

1. Kushkhabiev A.V. Circassian Diaspora in Turkey. URL: <http://intercircass.org/?p=2161>.
2. Arslan E.Z. Circassian organization in Ottoman Empire (1908-1923): Diss. for the Cand. of History degree. Istanbul, 2008. 16 pp.
3. Gösar V. İstanbul çerkes Kadınları Teavün Cemiyeti // Kafkasya Kültürel Dergi. Ankara, 1975. No. 48. P. 46-49.
4. Berzeg S. Documentary information on the Caucasian diaspora. Ankara, 1985. 44 pp.
5. Karayel E. Circassian Women Mutual Assistance Society. URL: <http://www.kafkasevi.com/index.php/article/detail/441>.
6. Publication of the ideas of the Circassian Women Mutual Assistance Society // Di Ane. Istanbul. 2004. No. 1. P. 1-12.
7. Kireev N.G. History of Turkey of the 20th century URL: <https://studfiles.net/preview/1623699/>.
8. Seza Pukh. Short biography. Istanbul Women's Museum. URL: <http://istanbulkadinmuzesi.com/seza-polar>.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354:351/354
ББК 60.561.1
Б 90

А.Н. Булкин,

доктор философских наук, профессор Белгородского университета кооперации, экономики и права, заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права Ставропольского института кооперации (филиал), г. Ставрополь, тел.: +79162481352, e-mail: BulkinDoc@mail.ru

К.А. Зенин,

кандидат социологических наук, доцент, докторант Невинномысского государственного гуманитарно-технического института, г. Невинномысск, тел.: +79255094967, e-mail: 5094977@mail.ru

С.В. Сыпачев,

кандидат социологических наук, начальник управления процессуального контроля и криминалистики Главного военного следственного управления, г. Москва, тел.: +79064567896, e-mail: 4567655@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные для социологии вопросы научной организации консультирования в теории управления и власти. Представлено авторское обоснование перспектив исследования и применения социологического консультирования в стратегии управления современным обществом, в том числе установлено новое содержание понятий «социологическое консультирование», «управленческое консультирование», «стратегия управления». Отмечается, что высокий уровень дифференциации форм социологического консультирования в системе пространственно-временных координат позволяет корректировать диагностику социальной процессуальности с поправкой на коэффициент социологической вариативности. Подчеркивается, что социологическое консультирование расширяет свой эвристический потенциал за счет использования междисциплинарного подхода в интерпретации общественных процессов. Особое значение оно приобретает в объяснении природы и смыслового содержания механизмов управления, разработке эпистемологических критериев оценки эффективности перспективных управленческих решений. На основе обобщения параметрики и функционала социологического консультирования в контексте выстраивания управленческих коммуникаций авторы определяют его базовые установки, к числу которых относятся нормативно-правовые принципы, структурное наполнение полномочий субъектов управления и документированные формы отчетности и социального проектирования. Делается вывод о перспективности и общественной востребованности социологического консультирования в процессе выстраивания стратегии управления.

Ключевые слова: наука, социология, власть, социальное управление, общество, гражданин, индивид, стратегия управления.

A.N. Bulkin,

Doctor of Philosophy, Professor of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Head of the Department of Labor and Entrepreneurial Law of the Stavropol Institute of Cooperation (branch), Stavropol, ph.: + 79162481352, e-mail: BulkinDoc@mail.ru

K.A. Zenin,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Doctoral Candidate of Nevinomyssky State Humanities-Technical Institute, Nevinomyssk, ph.: +79255094967, e-mail: 5094977@mail.ru

S.V. Sypachev,

Candidate of Sociology, Head of the Department of Procedural Control and Forensics of the Chief Military Investigation Directorate, Moscow, ph.: +79064567896, e-mail: 4567655@mail.ru

SOCIOLOGICAL CONSULTING IN MANAGEMENT STRATEGY

Abstract. This article deals with the issues of scientific organization of consulting in the theory of management and power which is relevant to sociology. The authors justify the prospects of the research and application of sociological consulting in the strategy of management of modern society, including establishing the new content of the concepts “sociological consulting”, “administrative consulting”, and “strategy of management”. The high level of differentiation of forms of sociological consulting in the system of space-time coordinates provides an opportunity to correct diagnostics of social procedure with adjustment for the coefficient of sociological variation. It is emphasized that sociological consulting expands its heuristic potential by using an interdisciplinary approach in the interpretation of social processes. It is of particular importance in explaining the nature and meaning of management mechanisms, in developing epistemological criteria for assessing the effectiveness of promising management decisions. Based on the generalization of parameters and functionality of sociological consulting in the context of building management communications, the authors define its basic principles, which include regulatory principles, structural investing with full powers of management entities and documented forms of reporting and social design. It is concluded that the sociological consulting in the process of building a management strategy is promising and highly-demanded.

Keywords: science, sociology, power, social management, society, citizen, individual, management strategy.

В перспективах научного исследования современного общества и социального управления возрастающее значение приобретает специфическое социологическое консультирование, а также сопутствующая рассматриваемым процессам актуальная диагностика управленческой динамики. Так, в контексте социологии управления проективный управленческий консалтинг приоритетно обращён к исследованию общества как целостного социального организма. Соответственно, дифференциация социальных процессов в

социальной организации предполагает прямой интерес к исследованию социологических аспектов в стратегиях управления.

Актуальность соответствующих исследований преимущественно определяется объективно возрастающей сложностью комплекса взаимоотношений личности и общества. По нашему мнению, массовое поведение людей получает в современных условиях значительный вероятностный потенциал. Здесь свойства вероятности могут быть обращены как к решению узловых проблем

социальной коммуникации, так и к исследованию динамики процессов для социальной структуры в личностных ориентациях. Многообразие вариантов для моделей поведения и ценностных установок жизни конкретного человека определяет комплекс социологически значимых компонентов соответствующей психологии при восприятии внешних управленческих воздействий.

Таким образом, наиболее общим моментом в системах организации и исполнения для социального управления становится социологическое консультирование. По нашему мнению, данный авторский тезис содержит идею о том, что феноменальность социологического консультирования составляет несомненный научный интерес с точки зрения представлений и теорий в структуре общей теории власти, администрирования и управленческого контроля.

Определяющим условием эффективности профессионального социологического консультирования становится комплекс особенностей социологического подхода, а не сходство такого консультирования с общими гуманитарными установками администрирования и распределения власти. Достаточно отметить, что в реализации специфических процедур социологического консультирования, в отличие от норм правовых кодексов и законодательных предписаний, всегда прямо и приоритетно определяется социальная составляющая. Однако по внутреннему содержанию социальных коммуникаций в оценочном сравнении целей, ожидаемых и достигаемых результатов, ведущим признаком развития становятся их различия, а не сходство.

На этом фоне следует отметить, что управленческая феноменальность общественного мнения до настоящего времени не имеет чётких научно признанных определений. Яркой чертой общественного мнения является активность, что

способствует его воздействию на протекание социально-политических процессов [1; 169]. Однако в совокупности форм массового, общественного, индивидуального сознания социологическое консультирование в стратегиях управления предпочтительно обретает научную основу в комплексе идей, ценностей, ориентаций сознания и познания. Здесь динамика социально значимых настроений индивидуального сознания и общественного мнения содержит весомый потенциал духовности, культурной, экономической, общественно-политической составляющих социологического консультирования в стратегии управления.

Как отмечают современные авторы, устойчивой и традиционно признанной в праве формой управленческого консультирования является совокупность правил административной юридически обоснованной ответственности. Так, С.Г. Побережный пишет: «Объектом административных правонарушений могут быть общественные отношения, складывающиеся в сфере государственного управления: общественный порядок, здоровье населения и общественная нравственность, порядок управления, дорожное движение и т.д. ...Субъективная сторона представляет собой психическое отношение субъекта к совершённому противоправному деянию и его последствиям. Оно может быть выражено в форме умысла или неосторожности» [2; 134-135]. Таким образом, специфической процессуальной формой нормирования и развития динамики социологического консультирования в стратегии управления является административное производство при планировании, в отчётности и для приёмов контроля выполнения предписаний власти. Действительно, на практике в настоящее время в системе управленческого делопроизводства присутствуют различные по оформлению и нормативному содержанию распоряжения, акты, предписания.

Соответственно, дифференциация форм социологического консультирования находит отражение во всей совокупности координат социального пространства и времени. Это даёт основание вносить в нормирование и распределение прав и обязанностей граждан некоторый коэффициент социологической вариативности. Здесь речь может идти о том, что в отличие от процессуальных решений, определений и постановлений, образующих структуру современного права, социологическое консультирование должно быть обращено к общим социальным фрагментам материально-правовой реальности. Таким образом, оно может осуществляться в контексте психологических установок, духовных идеалов и нравственных ценностей индивида, группы, общественных образований для определённых этапов социального времени.

По своей сущности социологическое консультирование созвучно комплексу признаков управления и власти, однако не дублирует их в прямой постановке. В своё время на рубеже 19-20 вв. известный учёный Макс Вебер сформулировал следующее определение: «Власть – это возможность осуществлять и проводить в данных общественных отношениях собственную волю, даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чём такая возможность основывается» [3; 646]. На этом фоне научные построения в области управленческого социологического консультирования более всего относятся к социальной психологии, культурологи, политологии, педагогике и собственно к социологии. В предмете своего механизма социологическое консультирование позволяет осуществлять оценку и переоценку накопленного опыта управленческого воздействия, а также формулировать перспективные установки для развития и совершенствования актуальных для рассматриваемой сферы способов. В социологическом контексте ведущей

фигурой в управлении является субъект как участник и исполнитель соответствующих решений власти. Таким образом, социологический подход позволяет оформить и закрепить следующие установки управленческого консультирования:

- социально обозначенные формы и виды управленческих коммуникаций;

- нормы права, определяющие социально ориентированные основания управленческого консультирования (в т.ч. для альтернативной процедуры медиации);

- субординацию и полномочия руководителей и исполнителей по условиям соблюдения форматов управленческого консультирования в общественной практике;

- актуальные для социальной инженерии профессионально документированные варианты отчётности и социологического проектирования в управленческом консультировании.

Соответственно, процессуальная составляющая социологического консультирования должна быть дополнена экспертными инстанциями, которые способны предложить квалификационные параметры при оценке подлежащих реализации управленческих норм, форм и принципов. Так, формы общественных отношений, складывающиеся в материальной, экономической (финансовой), духовной сферах, существенно отличаются друг от друга, поскольку изначально предполагают процедурное своеобразие, уникальность, содержательную дифференциацию.

Мы предполагаем, что по своему содержанию обобщённые представления о социологическом консультировании в стратегиях управления имеют значительную научную ценность. В связи с этим можно говорить о социологическом консультировании как интегральном научном понятии, приобретающем познавательный вес и методологическое значение посредством включения в процедуры обоснования и

реализации различных по масштабам и направленности стратегий управления.

В качестве расширенного вывода отметим ряд положений, позволяющих комплексно обосновать актуальность социологического консультирования в стратегии управления:

– следование принципу единства научной методологии на разных уровнях управления и распределения властных полномочий;

– последовательное и обоснованное внедрение эффективных методик снижения интеллектуальных, финансовых, исполнительских и кадровых затрат в управлении;

– развитие цифровых технологий в стратегиях управления по условиям совершенствования информационного обеспечения для социальной инженерии;

– повышение заинтересованности управленческого и исполнительского аппарата в профессиональных и социальных результатах для процессов постановки задач, отчётности и проективных оценок соответствующей деятельности.

Таким образом, установленные и перечисленные подходы соответствуют профессиональным и научным установкам в ожиданиях успешности и универсализма социологического консультирования.

Примечания:

1. Ильинова Н.А., Соколов Т.В., Тугуз Ф.К. Общественное мнение региона о кризисной ситуации с самшитом колхидским: на материалах социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Вып. 4. С. 169-180.

2. Побережный С.Г. Правовое обеспечение профессиональной деятельности: монография. Белгород: БУКЭП, 2017. 110 с.

3. Вебер М. Политика как призвание и профессия (Социологическая мысль Запада) / сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдов // Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. 808 с.

References:

1. Ilyinova N.A., Sokolov T.V., Tuguz F.K. Public opinion of the region about the critical situation with Samshit Kolhidi: on the materials of a sociological research // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Area studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. 2019. Iss. 4. P. 169-180.

2. Poberezhny S.G. Legal support of professional activities: a monograph. Belgorod: BUKEP, 2017. 110 pp.

3. Weber M. Politics as a vocation and profession (Sociological thought of the West) / comp., general ed. by Yu.N. Davydov // Weber M. Selected Works. Moscow: Progress, 1990. 808 pp.

УДК 37.013.78
ББК 60.561.9
Г 37

А.В. Герасимов,

старший преподаватель кафедры естественно-математического образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования, г. Симферополь, тел.: +79787570240, e-mail: gersimf@gmail.com

МИССИЯ И ФУНКЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье осуществлена попытка социально-философского анализа трансформации миссии, цели, задач и функций современного образования как подсистемы социума. Рассмотрены фундаментальные функции образования. Отмечено, что они претерпевают сущностные изменения в условиях информационного общества. Оставаясь базовыми, эти функции наполняются новыми смыслами с тем, чтобы современное образование отвечало вызовам времени. В развивающемся информационном обществе сфера образования сталкивается с ситуацией, когда ее цель, задачи и актуальная миссия в эпоху трансформации информационной культуры напрямую зависят от ряда процессов, рассматриваемых в статье. На основе анализа функциональных и дисфункциональных деформаций системы образования в условиях информационной революции автор приходит к выводу об ослаблении ее гуманистического потенциала. В этой связи предлагается необходимым наполнение гуманистической миссии образования личностно-ориентированным содержанием, предполагающим постепенный переход от субъект-объектных взаимоотношений участников образовательного процесса к субъект-субъектным. Подобная модель развития образовательного пространства, органично встраивающаяся в систему традиционных ценностей образования, способна обеспечить превращение информационной культуры в компонент общей культуры человека и, таким образом, повысить степень адаптации личности к вызовам современности.

Ключевые слова: образование, философия образования, миссия образования, функции образования, информационная культура, информационное общество, глобализация.

A.V. Gerasimov,

Senior Lecturer of the Department of Natural and Mathematical Education, the Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, ph.: +79787570240, e-mail: gersimf@gmail.com

MISSION AND FUNCTIONS OF EDUCATION IN MODERN CONDITIONS OF INFORMATION CULTURE DEVELOPMENT

Abstract. The article attempted a social-philosophical analysis of the transformation of the mission, purpose, tasks and functions of modern education as a subsystem of society. Fundamental functions of education are considered. It is noted that they are undergoing substantive changes in the conditions of the information

society. By remaining basic, these functions are filled with new meanings so that modern education meets the challenges of time. In a developing information society, the sphere of education is faced with a situation where its purpose, objectives and current mission in an era of transformation of information culture are directly dependent on a number of processes considered in the article. Based on the analysis of functional and dysfunctional deformations of the education system in the context of the information revolution, the author concludes that its humanistic potential has been weakened. In this regard, it is proposed to fill the humanistic mission of education with personality-oriented content, involving a gradual transition from subject-object relations of participants of the educational process to subject-subject. Such a model of the development of an educational space, which is limited to the system of traditional values of education, can make information culture a component of the general culture of man and thus increase the degree of adaptation of the individual to the challenges of modern times.

Keywords: education, philosophy of education, mission of education, functions of education, information culture, information society, globalization.

Научный интерес в исследовании такого социального института, как образование, не ослабевал никогда, получая лишь дополнительные векторы и направления, связанные с социально-историческим развитием социума. Так, и на современном этапе осмысления сущности и различных аспектов феномена образования мы сталкиваемся с осознанием необходимости пристального внимания к его миссии и функциям в условиях перехода к информационному обществу.

Современный этап развития цивилизации характеризуется возросшей ролью информационных и коммуникационных технологий. Как и другие глобальные процессы, социальные трансформации в условиях информационного общества происходят в разных сферах жизнедеятельности: экономике, политике, культуре и многих других. Несомненно, они же оказывают прямое влияние на систему образования. В данном контексте актуальным представляется исследование процессов в данной сфере, которые вызывают исследовательский интерес у представителей разных отраслей современного гуманитарного знания: философов, социологов, педагогов, культурологов и т.д. Причем с каждым новым витком развития информационной культуры появляется все больше и больше новых аспектов

для анализа и переосмысления миссии образования и его функций.

В связи с тем, что информационное общество является источником постоянных вызовов для сферы образования, данной подсистеме социума необходимо не только адаптироваться к новым условиям, но и выдвигать конструктивные ответы, которые проявляются в изменениях сущности самого феномена с тем, чтобы он оставался адекватным современной социокультурной ситуации. Целью образования в XXI веке становится формирование не только компетентного специалиста, но и самореализующейся личности. Более того, с позиции современной науки мы должны говорить о смене образовательных парадигм, что находит отражение и в пересмотре содержания функций и миссии образования.

В данной работе нами предпринята попытка выявления новых аспектов миссии образования в условиях информационной культуры, а также трансформации его функций.

Традиционно образование рассматривается как процесс, подразумевающий развитие человека в ходе получения знаний, приобретения навыков, реализации творческих потенций.

У образования как одной из древнейших форм социальной деятельности человека существуют конкретные цели: приобщение к

культурному наследию, достижениям предыдущих поколений, их сохранение и дальнейшая трансляция. Не менее важной целью образования является социализация личности, «вживание в культуру» [1; 507].

Для достижения данных целей образование выполняет определенные функции: формирует профессиональную структуру, социализирует людей для становления личности, использует уже накопленные достижения культуры.

Традиционно философы, социологи, педагоги, психологи, культурологи выделяют следующие фундаментальные функции образования.

Первая – основная – гуманистическая, во многом детерминирующая главную цель человеческого сообщества: формирование благоприятных условий, в которых возможны эффективное развитие и самореализация личности.

Не подлежит сомнению тот факт, что образование как сложная социокультурная система находится в тесной взаимосвязи с другими подсистемами культуры и общества, проникает практически во все области жизни социума. Образование является той социальной системой взаимодействия людей, базовая функция которой полностью соответствует главной цели общества.

В контексте изучения гуманистической функции становится очевидным, что в последнее время ее содержание претерпевает существенные изменения. Для современного уровня развития общества гуманизм в его традиционном понимании, опирающемся на антропоцентрические концепции, утрачивает свою актуальность, так как не отвечает новым тенденциям устойчивого развития, от которого зависит сохранение общественных систем и самосохранение человека как вида.

С позиций современной социальной философии, человек представляется уже не центром Вселенной, а одной из подсистем социокультурного

бытия, которая, как и другие, отличается открытостью, неравновесностью, диссипативностью [2; 34]. Таким образом, сегодня следует говорить уже о неогуманистическом содержании ключевой функции образования, учитывая одинаковую важность и значимость для общества всех его взаимодействующих подсистем.

Несомненно, мы не должны упускать тот факт, что фундаментальной функцией образования является профессионально-экономическая, которая реализует взаимосвязь системы образования с трудовой деятельностью. С этой точки зрения у образования оказывается системообразующая функция, в которой заключается способность данной подсистемы обеспечивать общество квалифицированными специалистами в разных отраслях хозяйственной деятельности.

Среди базовых функций образования также выделяется функция социальной дифференциации. Именно через образование на протяжении столетий осуществляется дифференциация профессиональных видов деятельности человека, воспроизводство иерархической структуры социума, социальные перемещения и мобильность. На современном этапе развития общества его большая открытость как системы обуславливает оптимальное функционирование так называемого «социального лифта».

Не менее важной является и социально-идеологическая функция образования, которая обладает мощным потенциалом формирования моральных качеств личности, активной гражданской позиции, патриотизма (и как любви к своей стране в целом, и как любви к малой родине, что является особо важным аспектом региональной культуры), навыков медиации (умения видеть угрозу конфликта и предотвращать его еще на стадии возникновения), способности вести конструктивный диалог в случае необходимости

решения социальных и бытовых задач, проблем или даже конфликтов цивилизованным путем.

Еще одной фундаментальной функцией образования всегда была и остается экологическая. Проблемы экологии давно уже вышли на глобальный уровень. И в последнее время становится очевидным, что человечество движется в этом вопросе к «точке невозврата»: ежегодно День экологического долга (когда люди израсходуют столько ресурсов, сколько природа способна восстановить за год, за срок менее года) наступает все раньше и раньше. Если в 1970 г. этой датой стало 23 декабря, в 2000 г. – 4 октября, то в 2019 г. – 29 июля.

Еще Д.С. Лихачев отмечал, что понятия экологии природы и экологии культуры, души тесно связаны [3]. Экологическая функция образования, таким образом, возвращает нас к его гуманистической функции, так как обе они нацелены на решение вопросов выживания человечества как глобального сообщества и как части природы.

Учитывая то, что феномен образования, среди сущностных характеристик которого трансляция информации является одной из основополагающих, существует гораздо дольше, чем информационное общество, следует, что для последнего именно институт образования должен быть крайне важен. Несмотря на множественные трансформации сферы образования, она обладает непреходящей значимостью и ценностью для человечества, особенно на современном этапе его развития. Именно благодаря эффективному институту образования возможна переориентация профессиональной деятельности в той или иной области, что оказывается крайне важным в мире, где постоянно происходят перемены.

Образование обеспечивает передачу универсалий культуры, ее базовых идей и ценностей, формирование личности человека как творения

и творца культуры, а также ее потребителя. В то же время образование оказывается, в определенном смысле, «фильтром», через который проходят те смыслы и концепты, которые важны для существования того или иного общества. С этой точки зрения образование может быть рассмотрено и как преграда для трансляции определенных культурных форм.

Это также обуславливает первостепенную значимость образования в системе культуры информационного общества. Прежде всего, это связано с интенсификацией скоростей трансляции данных, непрерывным продуцированием новой информации, которая, как показывает практика, должна проверяться, так как зачастую она оказывается недостоверной, искаженной, ложной. В связи с этим человеку информационного общества следует вооружиться эффективным инструментарием для ориентирования в нескончаемых потоках информации разного рода, чтобы оперировать ею как ценным ресурсом. Как и любой другой вид ресурсов, информация требует накопления знаний и опыта для ее успешного применения в жизнедеятельности.

Таким образом, для информационного общества образование, в свою очередь, является одним из важнейших и потенциальных ресурсов. Тем не менее, из-за специфики развития системы образования его динамика не коррелирует с кардинальными трансформациями современной культуры. Такое несоответствие существующего сейчас института образования вызовам информационного общества становится одним из серьезнейших социальных противоречий.

На данный момент в образовании упор делается на его прагматическое содержание, в то время как для устойчивого развития общества нужны не только специалисты в узких областях, но и социально ориентированные граждане, личности.

Именно они будут органически вписываться в нынешнюю (и предстоящую) культурную ситуацию, грамотно и эффективно применяя свои способности и возможности, то есть собственные жизненные ресурсы. Посредством этого в развивающемся информационном обществе образование в соответствии с новой парадигмой продолжит осуществлять свои функции, среди которых одной из самых важных остается культуротворческая.

Г.П. Ильин полагает, что трансформация функций образования в зависимости от социокультурной обстановки той или иной эпохи всегда детерминируется спецификой социальных отношений и тем, как осуществляется образовательное воздействие, какие применяются средства передачи культурного опыта. Исследователь обозначил три крупных стадии изменений сущности функций образования:

– «от естественного отца к духовному, от культуры семейных и других традиций к культуре слова;

– от автора речи к функции высказывания (от культуры слова к книжной культуре);

– от знаний в виде конечной истины к разнообразной информации (от книжной к экранной культуре)» [4].

И именно для третьей стадии характерно преобразование, уже не отвечающее современному историко-культурному процессу условности субъект-объектных взаимоотношений участников образовательного процесса: «в условиях демократизации общества экранная культура способствует небывалой диверсификации и мультипликации источников образования, в связи с этим на роль авторитетного источника знаний о мире, наряду с учителем, претендуют многочисленные представители средств массовой информации» [5; 20].

Очевидно, что помимо фундаментальных функций феномен образования в информационную эпоху приобретает и новые,

характеризующиеся своей спецификой, а содержание основных претерпевает изменение.

Целью образования сегодня становится выработка информационной культуры как компонента общей культуры каждого человека. И здесь речь идет не просто о формировании определенного спектра умений и навыков технической работы с разными данными (например, посредством компьютеров, разнообразных гаджетов, средств массовой коммуникации и т.д.). Намного важнее воспитать в современном человеке способность объективно, оценочно, эффективно анализировать транслируемую информацию, проверять ее на истинность и релевантность, применимость в той или иной сфере, работать с текстами разного рода таким образом, чтобы суметь отличить текст содержательный от пустого, вне зависимости от того, в какой форме они представлены.

Система образования для гармоничного и коррелирующего развития систем личности и социума должна вырабатывать совокупность эффективных методов и методик работы с современными информационно-коммуникационными технологиями, которые будут отвечать стратегии опережающего обучения, став приоритетными в системе образования в условиях глобализирующегося мира.

Актуализация индивидуальности личности функционально противопоставлена процессам унификации и массовизации сознания, являющихся следствием того, что людям предлагается одна и та же информация, и ее потребление является глобальной тенденцией. Исследователями были введены в научный оборот такие термины, как «лоскутное мировоззрение», «мозаичное мышление», «клиповое сознание», характеризующие человека информационного общества, когда он ежедневно потребляет – вольно или невольно – огромные массивы избыточной и несистематизированной

информации. В этом потоке практически не остается времени на ее анализ, глубокое постижение, выявление множества смыслов.

Образование в силах воздействовать на сознание людей, стабилизируя его, формируя индивидуальную основу системы конкретной личности, определяя ее самореализацию. Это способствует преодолению фрагментарности восприятия информации и возвращению к целостности видения мира человеком, его осмысления, а также благоприятно для самоидентификации.

В условиях развития информационного общества еще большее значение приобретает интегративная функция образования. Именно образование способствует грамотному познанию других культур, обнаружению в них общих смыслов, что позволяет формировать пространства взаимопонимания. Теперь не только человек и сообщество оказываются системно связанными между собой, но и человечество в целом становится единой системой. Как отмечает Н.Р. Вакулич, «образование выступает в роли метадоктрины, задающей направленность на объединение различных мировоззренческих моделей мира с целью сплочения социума вокруг определенных ценностей, что особенно актуально в сложившихся социокультурных условиях нестабильности, переменчивости» [6].

В условиях непрерывных и быстрых изменений в социальном бытии особую роль играет социально-адаптационная функция образования, позволяющая человеку эффективнее ориентироваться в постоянно становящемся мире. Моменты необходимости адаптации личности к новым условиям в информационном обществе появляются очень часто, актуализируя вопросы самосохранения и саморазвития индивида. С одной стороны, постижение опыта прошлого человечества, усвоение накопленных ранее знаний преобразуется системой

образования в необходимость активизации поисковой активности в сфере получения информации, обеспечивая способность личности к оптимизации и увеличению своих возможностей. С другой стороны, здесь важно осознавать необходимость создания таких образовательных систем, которые позволят индивиду быть более гибким за счет развития его креативных и интеллектуальных потенциалов, что сказывается на способности более качественно осваивать новую информационную среду и адаптироваться к ней. Данная функция осуществляется посредством выработки способностей личности осознанно воспринимать новации в культуре, ориентироваться в различных сферах – подсистемах социума, не утрачивая собственную мировоззренческую позицию и идеалы.

Возвращаясь в контексте вышесказанного к фундаментальной функции образования – гуманистической или, как сейчас принято говорить, неогуманистической, мы констатируем ее возрастающую значимость, которая проистекает из необходимости гуманизации социальных процессов в условиях глобализации в ответ на дегуманизацию культуры. Несомненно, информационная культура способствует обогащению мыслительных процессов, предлагает больше возможностей, связанных с использованием компьютерных и информационных технологий, актуализирует необходимость креативности и мобильности, адаптивности к жизни в потоке информации. Но также мы сталкиваемся и с отрицательными аспектами информационной культуры, когда, например, сетевые средства массовой коммуникации выявляют многочисленные негативные аспекты современного бытия: доступность нелегальных материалов, так называемый инфотерроризм, интернет-площадки, на которых формируются деструктивные объединения молодежи, идеология которых

далека от гуманистической, зависимость от компьютерных и сетевых игр, которые вызывают волны эскапизма в иллюзорную реальность, а следствием часто становится «компьютерное одиночество», когда общение посредством СМК вытесняет общение живое. Н.Р. Вакулич отмечает, что «замыкание человека в виртуальном пространстве способно деструктурировать его внутренний мир, привести к убежденности в относительности реального и нереального, духовного и бездуховного, мертвого и живого, зачастую размывая ту призрачную грань между ними, которая существует в сознании отдельного человека» [6].

Современному информационному обществу необходимы положительные идеалы и ценности – особенно в тех ситуациях, когда оно сталкивается с кризисами. Образование способно не допустить утрату человеком человеческого, отчуждения от самого себя.

Образование, призванное поддерживать формирование позитивного мировоззрения посредством объективного постижения картины мира, применения научных методов познания, обеспечение условий для успешного диалога и взаимопонимания, способствует не только открытию нового, но и сохранению традиций, отраженных в прочных взаимоотношениях между людьми и общих ценностях. Как пишет Л.Л. Литвиненко, «образование как феномен культуротворчества обеспечивает коммуникацию ценностей, организует взаимодействие ценностных потоков отдельных людей, расширяет индивидуальное «Я» до пределов общества» [6]. Это обуславливает реализацию коммуникативной функции образования в информационном обществе.

Образование, несомненно, должно в практической плоскости обеспечивать подготовку высококвалифицированных специалистов, но и, что не менее важно, способствовать формированию и развитию личности,

участвовать в воспитании гражданственных чувств, обеспечивать усвоение актуальных способов и форм коммуникации, готовить человека к жизни в постоянно трансформирующемся и становящемся мире, предоставлять возможность для развития способностей постижения большого объема новой информации, выделяя в ней истинные факты, учить находить оптимальные решения с прогнозированием их последствий и пониманием своей ответственности за них.

Учитывая сложность современных социальных процессов, в миссию образования необходимо включить необходимость его воздействия на развитие общественных и государственных институтов, формирование гуманистически ориентированной личности, способной отвечать вызовам информационного общества. Все это поднимает феномен образования над преобладающими в современном обществе рыночными отношениями, когда социальные явления оцениваются с точки зрения их привлекательности и востребованности для потребителя. Образование – это не просто комплекс услуг (а именно такое его понимание свойственно обществу потребления), а важнейшая подсистема социума и культуры.

На основании рассмотрения современных аспектов феномена образования как ответа на процессы, происходящие в информационном обществе, можно сделать вывод, что образование как сложная социокультурная система находится в тесной взаимосвязи с другими подсистемами культуры и общества, проникает практически во все области жизни социума. Несмотря на множественные трансформации сферы образования, она обладает непреходящей значимостью и ценностью для человечества, особенно на современном этапе его развития.

Анализ процесса трансформаций фундаментальных и традиционных функций образования на

современном этапе его развития позволяет говорить о том, что он вызван трансформациями самой социокультурной сферы. Фундаментальные функции образования сейчас обогащаются новыми смыслами.

С позиций социальной философии необходимо говорить уже не о гуманистической функции образования (так как гуманизм в его традиционном понимании, опирающемся на антропоцентрические концепции, не отвечает новым тенденциям устойчивого развития), а о неогуманистической, учитывая одинаковую важность и значимость для общества всех его взаимодействующих подсистем, от чего зависит их сохранение и самосохранение человечества. Трансформации этой и других функций образования связаны напрямую с современными историко-культурными процессами и переходом от субъект-объектных взаимоотношений участников образовательного процесса к субъект-субъектным.

Цель, задачи и актуальная миссия образования в эпоху информационной культуры так же напрямую зависят от современных трансформационных процессов.

Целью образования сегодня становится выработка информационной культуры как компонента общей культуры каждого человека, способного объективно анализировать

транслируемую информацию, проверять ее на истинность и релевантность, применимость в той или иной сфере; формирование условий, в которых будет возможен оптимальный переход системы личности в своем развитии от потребления разнородной информации через стадию продуктивного восприятия культурных ценностей к способности их производить.

Среди ключевых задач современного образования – определить, каково воздействие технологий информационного общества на систему личности человека, каким образом они влияют на социум, систему культуры в целом и на развитие его подсистемы образования в частности.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в новых условиях социокультурного пространства – развития информационного общества и культуры – миссией образования является предоставление эффективных способов и методов осознания людьми того, что интенсифицирующаяся информатизация общества будет иметь смысл только при соответствующем развитии личности как подсистемы социума, ее внутренней культуры и культуры в целом.

В соответствии с современными миссией, целью и задачами образования оно приобретает новое наполнение и содержание его функций.

Примечания:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 424 с.
2. Кокорина Е.Г. Синтетичность как особенность культуры переходного периода: дис. ... канд. культурологии: 26.00.01. Симферополь, 2010. 226 с.
3. Лихачев Д.С. Русская культура. Санкт-Петербург, 2000. С. 91-101.
4. Ильин Г.П. Образование после образования (от педагогической парадигмы к образовательной) // Новые знания. 2001. № 1. С. 64-69.
5. Болдова Т.А. Образовательный и научно-исследовательский интерфейс Интернета // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2011. № 4 (3). С. 20-25.
6. Задорина О.С. Основы дидактики. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. 180 с. URL: <https://cyberpedia.su/13x8adb.html> (дата обращения 20.07.2109).

References:

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 pp.

2. Kokorina E.G. Synthetics as a feature of the culture of the transition period: Diss. for the Cand. of Culturology degree: 26.00.01. Simferopol, 2010. 222 pp.
3. Likhachyov D.S. Russian culture. St. Petersburg, 2000. P. 91-101.
4. Ilyin G.P. Education after education (from the pedagogical paradigm to the educational one) // *Novye Znaniya*. 2001. No. 1. P. 64-69.
5. Boldova T.A. Educational and research interface of the Internet // *Bulletin of Vyatka State Humanitarian University*. Kirov, 2011. No. 4 (3). P. 20-25.
6. Zadorina O.S. The basics of didactics. Tyumen: Publishing house of Tyumen State University, 2012. 180 pp. URL: <https://cyberpedia.su/13x8adb.html> (access date 20.07.2109).

УДК 316:351.74

ББК 60.561.4

Г 82

В.Н. Гришай,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права, г. Эссентуки, тел.: +79888608647, e-mail: vngprof@gmail.com

А.В. Тищенко,

соискатель кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права, г. Эссентуки, тел.: +79880954345, e-mail: alex.tischenko2017@gmail.com

А.В. Костюк,

адъюнкт Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79186353655, e-mail: kostyukanna777@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ПОЛИЦИИ: ЗНАЧЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ *(Рецензирована)*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отношения населения к правоохранительным органам. Обосновывается, что от социального восприятия и имиджевого статуса полиции в значительной степени зависит эффективность деятельности правоохранительных органов. Рассматриваются основные аспекты влияния доверия по отношению к полиции на уровень правопорядка в современном обществе. В связи с проведенной оценкой обосновывается высокая значимость социального восприятия сотрудников полиции. В статье проводится последовательное рассмотрение и анализ основных факторов формирования социального восприятия полиции, среди которых выделяются структурные и культурно-информационные. Отмечается, что реализация конструктивных мер по улучшению отношения к полиции в общественной среде не должна ограничиваться отдельными управленческими решениями и требует комплексного набора мер, включающих как оптимизацию института полиции, так и формирование информационного воздействия на население, ориентированного на передачу положительного образа сотрудника полиции и преодоление негативных социальных ожиданий. При этом обосновывается, что в современных условиях развития информационных технологий происходит смещение общего значения факторов социального восприятия служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов в сторону информационных предпосылок его формирования.

Ключевые слова: общество, полиция, отношение к полиции, общественное сознание, общественная структура, культура, информационная коммуникация.

V.N. Grishay,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of General Humanities and Natural-Science Disciplines, Essentuki Institute of Management, Business and Law, Essentuki, ph.: +79888608647, e-mail: vngprof@gmail.com

A.V. Tischenko,

PhD Applicant of the Department of General Humanities and Natural-Science Disciplines, Essentuki Institute of Management, Business and Law, Essentuki, ph.: +79880954345, e-mail: alex.tischenko2017@gmail.com

A.V. Kostyuk,

Junior Scientific Assistant of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79186353655, e-mail: kostyukanna777@mail.ru

PUBLIC ATTITUDES TOWARDS THE POLICE: IMPORTANCE AND MAIN FACTORS OF FORMATION

Abstract. The article considers the peculiarities of the attitude of the population towards law enforcement agencies. It is justified that the effectiveness of law enforcement agencies depends to a large extent on the social perception and image status of the police. The main aspects of the influence of trust in the police on the level of law and order in modern society are considered. In connection with the evaluation, the high importance of social perception of police officers is justified. The article provides a consistent review and analysis of the main factors in the formation of social perception of the police, among which structural and cultural information are distinguished. It is noted that the implementation of constructive measures to improve the attitude towards the police in the public environment should not be limited to individual management decisions and requires a comprehensive set of measures, including both the optimization of the police institution and the formation of an information impact on the population, aimed at transmitting a positive image of the police officer and overcoming negative social expectations. At the same time, it is justified that in modern conditions of development of information technologies there is a shift of the general importance of factors of social perception of official activity of law enforcement officials towards information prerequisites of its formation.

Keywords: society, police, attitude to police, public consciousness, social structure, culture, information communication.

Деятельность правоохранительных органов связана, вопреки распространенному заблуждению, не только с расследованием уже совершенных преступлений, но также с пресечением и предотвращением противоправных действий. В этом плане крайне высокую значимость приобретает именно профилактический аспект работы сотрудников правоохранительных органов. Безусловно, поимка преступников приводит к пресечению их деструктивной деятельности, но не меньшую значимость имеют действия, ориентированные на противодействие вовлечению членов общества в преступную активность.

Тематика преступности и причин ее развития – крайне востребованная в социальном дискурсе. Так, в исследованиях Э. Дюркгейма находит отражение категория социальной аномии как основания отклоняющейся социальной активности [1]. В дальнейшем данная категория

находит отражение в работах Р. Мертона, подробно рассмотревшего структурный и социокультурный аспекты предрасположенности членов общества к аномичным формам активности [2; 299-313]. В работах Э. Фромма дается последовательный анализ психологических оснований социальной деструктивности [3] и т.д. Ключевое значение в данном случае имеет то, что преступность как социальный феномен имеет широкий спектр предпосылок, и противодействие преступности предполагает купирование как можно большего числа движущих факторов ее возникновения. По этой причине деятельность сотрудников полиции, их функциональные задачи нельзя рассматривать однобоко – исключительно как осуществление оперативных розыскных мероприятий.

Сотрудник полиции влияет на членов общества не только угрозой наказания и определенными гарантиями его неотвратимости в случае

правонарушения. Важное значение имеет личный пример, который показывают сотрудники полиции. Также немаловажное значение имеет воспитательная и разъяснительная работа, осуществляемая сотрудниками правоохранительных органов по отношению к населению. Это определяет не только расширенный набор социальных характеристик, которыми должны обладать сотрудники правоохранительных органов, но также и совокупность внешних факторов, определяющих благоприятные результаты деятельности правоохранителей. Одним из важнейших факторов в данном случае выступает социальное отношение к сотрудникам полиции, сложившееся на уровне общественного сознания.

Чем более благоприятным является данное социальное отношение, чем выше уровень доверия по отношению к правоохранительным органам, тем, соответственно, большим конструктивным потенциалом обладают действия сотрудников полиции. Вместе с тем справедливо и обратное – ухудшение социального восприятия сотрудников правоохранительных органов влечет за собой ряд тяжелых последствий, к числу которых следует отнести неготовность населения к конструктивному диалогу с сотрудниками правоохранительных органов, неприятие производимой ими разъяснительной работы, отказ от сотрудничества и т.д. Рассмотрим подробнее, почему эффективность работы сотрудников полиции находится в существенной зависимости от отношения к ним населения.

Выше уже был освещен такой аспект, как воспитательная деятельность сотрудников полиции, осуществляемая на уровне проводимых с гражданами бесед, личного примера и т.д. Вместе с тем оказание воспитательного воздействия возможно лишь в том случае, если субъект воспитательной активности обладает достаточно высоким

авторитетом в среде аудитории. Соответственно, ухудшение имиджа работников полиции, возникновение негативных предпосылок их социального восприятия – все это в совокупности определяет ухудшение эффективности работы с населением. Одновременно с этим следует обратить внимание на два важных аспекта отношения населения к работникам полиции, в совокупности определяющих эффективность производимых работниками правоохранительных органов действий. Это готовность населения к сотрудничеству в ходе оперативно-розыскных мероприятий и готовность к обращению в правоохранительные органы по случаю обнаружения факта преступления. Рассмотрим данные аспекты подробнее.

Исходным пунктом оперативно-розыскных мероприятий является получение информации о факте совершения правонарушения. Соответственно, данная информация может иметь либо публичный характер (например, в случае ограбления банка или обнаружения тела), либо являться достоянием отдельных лиц. В последнем случае без обращения в правоохранительные органы не может быть осуществлена процедура по выявлению обстоятельств преступления, лиц, его совершивших, и т.д. Неслучайно исследователи отмечают, что одним из самых эффективных способов оказания помощи следствию является сокрытие факта преступления [4]. К сожалению, зачастую это становится возможным по причине молчания потерпевших или случайных свидетелей преступной деятельности. И здесь мы вновь обращаемся к проблеме доверия населения по отношению к правоохранительным органам. Обращение в правоохранительные органы основывается на представлении о том, что сотрудники полиции смогут эффективно отреагировать на угрозу правовому характеру отношений в обществе. Соответственно, чем выше уровень

правосознания граждан и, одновременно с этим, чем выше оценки профессионализма правоохранителей, тем более вероятным является обращение в полицию по случаю обладания знанием о факте совершения преступления. И, напротив, чем ниже уровень правосознания и чем слабее выражено доверие институту полиции, тем, соответственно, ниже шансы обращения граждан в случае столкновения с фактами противоправной активности.

Что касается готовности населения к сотрудничеству в ходе оперативно-розыскных мероприятий, следует отметить, что данный аспект зависит от ряда факторов, к числу которых относятся:

- уровень правосознания;
- характер отношения к правоохранительной сфере (готовность или неготовность к взаимодействию как таковому);
- степень доверия возможностям полиции по защите интересов свидетелей (что включает в себя конфиденциальность информации об отдельных аспектах расследования на стадии его осуществления, наличие программ по защите свидетелей, степень эффективности их реализации и т.д.).

Как становится видно из приведенных выше положений, чем благоприятнее является отношение населения к правоохранительным органам, тем, соответственно, выше готовность населения к сотрудничеству. При этом существуют и негативные факторы отношения к правоохранительным органам, которые в значительной мере влияют на эффективность их работы. К их числу можно отнести:

- знание о фактах коррупционной деятельности правоохранителей;
- неверие в эффективность правоохранительной деятельности и, как следствие – представление о бессмысленности обращения в органы защиты правопорядка;
- идеи внесударственного разрешения конфликтов, выходящих

за рамки нормативной определенности отношений.

Рассмотренные выше аспекты взаимосвязаны между собой: так, принятие идеи самосуда или иных форм разрешения правовых конфликтов вне отвечающих за это общественных институтов основывается на недоверии к правоохранительным органам, которое, в свою очередь, может в значительной мере подпитываться регулярными сообщениями в информационной среде о различного рода должностных нарушениях, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов. В любом случае, как показал проведенный обзор, отношение к правоохранительным органам в социальной среде и, в частности, ожидания, направленные в сторону правоохранительных органов, в существенной мере определяют перспективы их взаимодействия с населением. Поэтому проблема отношения к правоохранительным органам в современном обществе имеет крайне серьезное значение.

Рассмотрим подробнее специфику социального отношения к правоохранительной системе, его природу, составляющие элементы, факторы формирования. Прежде всего, следует отметить, что отношение к правоохранительным органам представляет собой составляющую социальной картины мира, которая формируется у каждого из членов общества в ходе его индивидуального социального развития. Вместе с тем, с учетом того, что члены общества взаимодействуют друг с другом, в том числе на культурно-информационном уровне, а также учитывая тот факт, что представители одного общества и одной культуры имеют сходные предпосылки формирования мировоззрения, правомерно допущение о наличии массовых проявлений социально-мировоззренческого аспекта, которые могут быть в совокупности выражены как общественное сознание. С учетом того, что общественное

сознание формируется благодаря взаимодействию множества носителей индивидуального социального мировоззрения, отдельные аспекты его формирования схожи с механизмами формирования, изменения, деформации индивидуальной социальной картины мира.

Отражение деятельности правоохранительных органов в общественном сознании связано, с одной стороны, с совокупным опытом взаимодействия членов общества, с другой стороны – с теми формами интерпретации, которые данный опыт приобрел в ходе коммуникативного процесса. При этом следует отметить, что даже получаемый социальный опыт несвободен от момента интерпретации, поскольку, как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, социальная реальность «достраивается», конструируется субъектом познания в соответствии с существующими у него представлениями и ожиданиями [5]. А впереди конструируемой реальности, еще до завершения процесса конструирования, уже присутствует и смысл, и образ искомого [6]. Таким образом, в условиях неполноты информации совершаются определенные выводы, которые воспринимаются как непосредственный опыт, и этот опыт становится объектом дальнейшей информационной трансляции. Очевидно, что от исходных предпосылок социального восприятия правоохранительных органов в существенной мере зависит то, какой опыт извлекут из этого члены общества.

Вместе с тем, с учетом того, что конечное отношение к правоохранительным органам формируется на стыке реальных процессов взаимодействия населения с правоохранительными органами и тех культурно-мировоззренческих предпосылок, которые определяют исходные ожидания в адрес сотрудников правоохранительных органов, очевидно, что значение имеют оба фактора, и, соответственно, вопрос об улучшении отношения к сотрудникам

правоохранительных органов приобретает новое значение, связанное с необходимостью введения целого комплекса мер, ориентированных на факторы социального восприятия полиции различной природы.

На уровне социальной структуры наиболее важным фактором является состояние самого института полиции и характер взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с населением. В частности, например, немаловажное значение имеет профессионализм работников полиции, уровень их культуры, проявляемый в ходе взаимодействия с населением, вежливость, корректность и т.д. Также немаловажное значение имеет профессионализм в ведении оперативно-розыскных мероприятий, строгость следования должностным инструкциям, неподкупность и т.д. Все это в совокупности определяет сведение к минимуму реальных предпосылок формирования негативного отношения к сотрудникам полиции в общественной среде. Вместе с тем, как уже было показано ранее, социальное отношение во многом формируется исходя из первоначальных ожиданий, которые, в свою очередь, могут быть сформированы со слов других людей, имевших опыт взаимодействия с правоохранительными органами в прошлом.

В таком случае актуальные изменения в характере деятельности сотрудников правоохранительных органов могут лишь частично повлиять на характер социального отношения к ним, на уровне несоответствия реальной практики негативным ожиданиям. Вместе с тем отношение к полиции большинства членов общества может оставаться на стабильно негативном уровне, связанном с предшествующим негативным состоянием правоохранительной структуры и ее активным отражением на уровне культурно-информационного пространства.

Рассмотренные выше аспекты проблемы отношения к

правоохранительным органам свидетельствуют о том, что ключевую роль в формировании конструктивных установок социального восприятия (либо, напротив, полного ухудшения отношения к полиции) играет информационно-коммуникационная сфера, на уровне которой, с одной стороны, транслируется социальный опыт взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов, с другой – даются оценки правоохранительной сферы и ее представителей, с третьей – формулируются основные социальные ожидания, направленные на сотрудников полиции. Что немаловажно, в современных условиях имеет место крайне интенсивный уровень информационной коммуникации, в результате чего опосредованные формы социального восприятия приобретают доминирующее значение в общей системе источников социального знания. При этом современные информационные процессы характеризуются стихийным воспроизводством информационных сообщений с последующей их массовой трансляцией, в связи с чем характер информационного отражения социальной реальности в значительной мере далек от отображения реального положения дел.

По факту, культурно-информационный срез социального восприятия все сильнее отрывается от отражения реальных общественных отношений ввиду неоднородности

репрезентации социальных явлений. По этой причине наиболее эффективные механизмы воздействия на общественное сознание также связаны с областью культурно-информационного взаимодействия, что включает в себя такие элементы, как деятельность средств массовой информации, различного рода культурная продукция, содержание информационного взаимодействия членов общества.

В целом следует отметить, что в настоящее время уже присутствуют позитивные тенденции отражения деятельности правоохранительных органов в отечественном культурном пространстве, что во многом связано с продуктами кинематографа, а также литературными произведениями, в которых дается «взгляд изнутри» на деятельность правоохранителей и прививается позитивное отношение к ним. Одновременно с этим, позитивное значение имеет отражение успехов правоохранительных органов в СМИ, как на уровне выражения успехов в борьбе с противоправной деятельностью, так и на уровне внутренних преобразований в институте полиции, способствующих более эффективному его функционированию. По мнению авторитетных экспертов, в условиях развития современных информационных технологий именно культурно-информационная сфера имеет приоритет в рамках задачи по улучшению отношения общества к работникам полиции.

Примечания:

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / под ред. В.А. Базарова. Москва: Мысль, 1994. 399 с.
2. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). Москва: Прогресс, 1966.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности = Anatomie der menschlichen Destruktivität (1973) / пер. с англ. Э.М. Телятникова; вступ. ст. П.С. Гуревич. Москва: АСТ: Хранитель: Мидгард, 2007. 624 с.
4. Николайчук И.А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2000. 360 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Москва: Медиум, 1995.

6. Ильинова Н.А. Конструктивизм и трансцендентализм: воображение и право на бытие в современной философии // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 68-76.

References:

1. Durkheim E. Suicide: A Study in Sociology / ed. by V.A. Bazarov. Moscow: Mysl, 1994. 399 pp.

2. Merton R. Social structure and anomie // Sociology of crime (Modern bourgeois theories). Moscow: Progress, 1966.

3. Fromm E. Anatomy of human destructivity = Anatomie der menschlichen Destruktivität (1973) / transl. from English by E.M. Telyatnikov; introductory article by P.S. Gurevich. Moscow: AST: Khranitel: Midgard, 2007. 624 pp.

4. Nikolaychuk I.A. Concealment of crimes as a form of opposition to the investigation: Diss. for the Dr. of Jurisprudence degree: 12.00.09. Krasnodar, 2000. 360 pp.

5. Berger P., Luckman T. Social construction of reality. Moscow: Medium, 1995.

6. Ilyinova N.A. Constructivism and transcendentalism: imagination and the right to be in modern philosophy // Social and Humanitarian Knowledge. 2016. No. 7. P. 68-76.

УДК 316.77
ББК 60.524.224.56
Ж 84

А.А. Жуйков,

кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Новороссийск, тел.: +79887657770, e-mail: dremagel@mail.ru

И.В. Мащенко,

аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79183787230, e-mail: 3787230@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЧЕСТВА ИНФОРМАЦИИ КАК СИСТЕМНЫЙ ВЫЗОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО СОЦИУМА XXI В.

(Рецензирована)

Аннотация. Современное общество, получившее наименование «информационное», закономерно базируется на информации как одном из основных ресурсов развития. Однако информация, проникая во все сферы и подсистемы социума XXI в., предопределяя облик социальных явлений и процессов, зачастую оказывается недостоверной, некачественной и необъективной. Подобная тенденция связана как с целенаправленными действиями акторов социальной коммуникации в целях достижения определенных политических, экономических и иных целей, так и с флуктуациями самой коммуникационной системы под воздействием ряда объективных и субъективных факторов. Среди указанных факторов авторы выделяют: информационную перегрузку коммуникативного процесса, злонамеренные действия по снижению качества информации, распространение т.н. «вредной информации», появление кибербуллинга и т.д. В этой связи отмечается необходимость разработки программного и методологического инструментария социологической диагностики динамических свойств информационно-коммуникативного пространства; рекомендаций управленческим структурам по оценке деструктивных последствий снижения качества информации; социально-управленческих технологий реагирования на киберинформационные вызовы постиндустриального общества. Делается вывод о том, что в современном социокоммуникативном пространстве наблюдается нарастание дисфункционального производства информации как основного ресурса общественного управления.

Ключевые слова: общество, постиндустриальное общество, информация, качество информации, коммуникация, Интернет, массовая аудитория.

A.A. Zhuykov,

Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Humanities, Socio-Economic and Information-Legal Disciplines, Novorossiysk Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Novorossiysk, ph.: +79887657770, e-mail: dremagel@mail.ru

I.V. Maschenko,

PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183787230, e-mail: 3787230@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE INFORMATION QUALITY AS A SYSTEMIC CHALLENGE TO THE POST-INDUSTRIAL SOCIETY OF THE 21ST CENTURY

Abstract. The modern society, which has been called “information,” is naturally based on information as one of the main resources of development. However, information penetrating into all spheres and subsystems of society of the 21st century, determining the appearance of social phenomena and processes, often turns out to be unreliable, poor quality and biased. This trend is related both to the targeted actions of social communication actors in order to achieve certain political, economic and other goals, and to the fluctuations of the communication system itself under the influence of a number of objective and subjective factors. Among these factors, the authors highlight: information overload of the communicative process, malicious actions to reduce the quality of information, dissemination of so-called “harmful information,” appearance of cyberbullying, etc. In this regard, there is a need to develop software and methodological tools for sociological diagnostics of dynamic properties of information and communication space, recommendations to management structures to assess the destructive consequences of the decline in the quality of information, and social and management technologies to respond to the cyberinformational challenges of post-industrial society. It is concluded that in the modern sociocommunicative space there is an increase in dysfunctional production of information as the main resource of public administration.

Keywords: society, post-industrial society, information, quality of information, communication, Internet, mass audience.

Современное глобальное информационное общество насчитывает историю в несколько десятилетий, с начала 1960-х г., когда первые подобные инновационные социальные системы стали складываться в ряде экономически развитых стран (США, Япония и др.). За этот период времени информация значительно прибавила в социальной значимости, проникла в основные сферы и подсистемы социума, стала не только фактором экономического производства, но и социального прогресса, т.е. основополагающим элементом институциональной матрицы. Именно поэтому атрибутивные характеристики информации играют ключевую роль в генезисе и развитии облика современного социума. В этом аспекте снижение качества информации выглядит не просто как отдельная (частная) дисфункция социальной системы, а именно как экзистенциальная угроза постиндустриальному миропорядку, его социокультурным основам.

Критическая важность качества информации связана с ее важной

ролью как в системе воспроизводства экономических благ, так и в общей институциональной конструкции новой социальной системы. В этой связи А.Ю. Быков определяет информацию как «сведения, передаваемые одними людьми другим людям устным или каким-либо другим способом (например, с помощью условных сигналов, с использованием технических средств и др.), а также сам процесс передачи или получения этих сведений» [1; 102-108].

Б.С. Украинцев отстаивает идею о том, что информация возникает лишь в высокоорганизованной материи и связана с процессом управления. Он отмечал, что «без процессов управления не может быть информации» [2; 11-23].

В постиндустриальном обществе наблюдается глубокая трансформация информационных потребностей и ожиданий людей – это вполне закономерный процесс, происходящий в контексте общего прогрессивного развития социума. И.В. Лысак отмечает, что «информация превращается в массовый

продукт. Растущую потребность в информации начинают испытывать не только руководители, но миллионы и сотни миллионов граждан. Это связано с децентрализацией (повышением степени свободы индивидумов, групп и регионов) современного общества, когда важнейшие решения о своем поведении индивидумы и организации принимают самостоятельно, независимо от центральной власти» [3; 101-110].

Однако информация существует не сама по себе, а в связи с различными социальными явлениями, процессами. Так, исследователи обращают особое внимание на широкие возможности влияния посредством информации на сознание людей. Такое воздействие «в условиях постиндустриального общества можно рассматривать под разным углом: начиная от культуры и коммуникаций, заканчивая прямым применением власти, независимо от того, случаен этот процесс или целенаправлен. Человек постиндустриального общества зависим от информационного потока, он живет и ориентируется с его помощью» [4; 160-166].

Вместе с тем критическая зависимость современного человека от информации и информационных технологий представляет существенную опасность как для него самого, так и для социальной системы в целом. Поиск информации, ориентация на нее приводят к взаимосвязанному процессу, описанному еще классиками рынка: в социально-информационной сфере спрос порождает предложение. Именно поэтому происходит интенсификация информационных потоков, которая затем, с неизбежностью, ведет к снижению их качества, появлению все большей доли энтропийной информации. Этому, в частности, способствует рост численности интернет-пользователей, непрофессионально производящих информацию, а также действия институциональных масс-медиа. Кроме того, информация как один из

ресурсов третичной сферы постиндустриального общества испытывает влияние бизнеса, который вкладывает в ее производство немалые средства, производя много рекламы, сообщений PR и т.д. Возникает парадокс: стремясь усилить влияние на сознание целевых аудиторий, бизнес, наоборот, лишь снижает его, «захламляя» информационное пространство, производя бесконтрольно массу информации.

Таким образом, одним из основных факторов снижения качества информации является ее переизбыток, т.е. информационная перегрузка. С точки зрения А.Д. Елякова, «феномен информационной перегрузки заключается в том, что количество полезной информации превосходит объективные возможности ее восприятия человеком. Нормальная жизнедеятельность социума может быть парализована избытком информации, хаосом при ее получении, хранении, передаче. Особую озабоченность вызывает энтропия, приводящая к нивелированию информации как фактора производства в постиндустриальном обществе за счет быстрого увеличения ее количества» [5; 119-120].

Нельзя исключать и злонамеренных действий по снижению качества информации, которые предпринимаются различными акторами коммуникативного процесса. Это может происходить в случае политической и экономической конкуренции, вследствие доминирования иррациональных сторон личности человека, активности различных экстремистов, радикалов и т.д. В этом случае достигаются эффекты по воздействию на сознание и поведение людей с помощью оперирования именно некачественной информацией (панической, провокационной, дезинформационной). Анонимность Интернета, его надгосударственный характер позволяет коммуникаторам осуществить, в том числе, противоправные деяния, минуя границы национальных

государств, избегая справедливой юридической ответственности. Подобная некачественная информация обычно принимает форму слухов, домыслов и т.п.

Очевидно, что информация может быть дифференцирована согласно социальным последствиям, которые несет ее трансляция на численно большие географически рассредоточенные аудитории. Особую опасность для современного социума несет вредная (вредоносная) информация.

В.Н. Лопатин характеризует «вредную информацию» как такую, распространение которой наносит вред интересам общества, законным интересам и правам граждан. Предлагается и классификация подобной информации: 1) ложная информация; 2) информация, содержащая посягательство на честь, доброе имя и деловую репутацию; 3) информация, направленная на разжигание ненависти, вражды и насилия; 4) непристойная информация; 5) информация, оказывающая деструктивное воздействие на людей [6; 256-259].

Широкий спектр вредоносной информации существенно усложняет возможности ее научного анализа, в том числе и социологического. В частности, с развитием возможностей сети Интернет приобретает особую актуальность феномен кибербуллинга («травля, совершенная средствами электронной коммуникации»). Исследование, проведенное среди учащихся старших классов из городов-миллионников и федеральных центров, показывает, что каждый второй подросток становится жертвой кибербуллинга. Основной площадкой травли стали социальные сети. Мотивы интернет-агрессии: желание повеселиться (35%), месть (31%), раздражение (25%)» [7; 99-105].

Таким образом, ухудшение качества информации может быть детерминировано действием различных объективных и субъективных

факторов, которые в условиях постиндустриального общества XXI в. видоизменяются, сосуществуют, взаимно дополняют друг друга. При этом какой-либо определенности в данном вопросе социологические исследования не обнаруживают.

Стоит обратить внимание на то, что «снижение качества информации создает угрозы для института государства в аспекте создания информационной безопасной среды – стабильного, равновесного существования информационно-коммуникационной подсистемы общества, выражающейся в отсутствии дезорганизационно-дисфункциональных индикаторов (маркеров) в ее функционировании» [8; 9]. При этом объективные условия существования государства не оставляют иных возможностей, кроме оптимизации действий в информационной среде – другие варианты исключаются самим постиндустриальным контекстом.

Информационные угрозы институту государства актуализируют вопросы осуществления профилактики и противодействия распространению некачественной информации. В этих условиях важное значение приобретает научный анализ сложившейся обстановки и поиск эффективных решений. Утрата управленческих функций приводит к росту отклонений в информационно-коммуникационной сфере [9; 83-88].

Для социологической науки в настоящее время весьма важна, во-первых, разработка валидного программного и инструментального блоков для диагностики качества информации, особенно динамических свойств данного показателя; во-вторых, формулирование рекомендаций управленческим структурам на основе получаемых данных о причинах и последствиях происходящего снижения качества информации; в-третьих, разработка комплекса прогнозов, направленных на «опережение» развития событий,

разработку социально-управленческих технологий реагирования на проблемную ситуацию.

Ситуация осложняется тем, что работа с информацией в современном обществе не может быть директивной – новый социум получил наименование «открытое общество» именно потому, что в нем преобладают демократические, а не диктаторские стили управления. Поэтому запреты, ограничения в информационно-коммуникационной среде в стратегическом плане оказываются бесперспективными. Для повышения эффективности управления информационными потоками требуются иные, более гибкие и научно обоснованные подходы. Однако они должны быть верифицированы социальной наукой, особенно на эмпирическом уровне.

Таким образом, снижение качества информации является атрибутивной характеристикой современного постиндустриального общества. Парадокс нынешней ситуации заключается в том, что производство информации идет быстрыми темпами в соответствии с классическими рыночными законами спроса и предложения (информация рассматривается как фактор производства в обществе XXI в.). Именно поэтому возможности снижения производства информации и, как следствие, ослабления интенсификации массово-коммуникативного воздействия на аудиторию в настоящее время крайне низки. Информационная перегрузка как следствие информационного перепроизводства становится атрибутивной дисфункцией постиндустриального социума.

Еще одной социально-управленческой проблемой современности выступает то, что обладание информацией становится ресурсом влияния на массовое сознание, а следовательно – атрибутом власти, прежде всего, политической. В борьбе за влияние на сознание людей (избирателей, потребителей и т.п.)

включаются широкие элитарные слои – политические, экономические, культурные. Этот факт свидетельствует о том, что данный тренд вряд ли изменится в ближайшей временной перспективе, так как он детерминирован действием нескольких объективных факторов постиндустриального общества.

Отдельный аспект обозначенной проблемной ситуации составляет активность непрофессиональных коммуникаторов, локализованных, главным образом, в сети Интернет. Именно глобальная компьютерная сеть предоставляет беспрецедентные возможности альтернативным «создателям новостей», чем они активно пользуются, ведя многочисленные блоги, страницы в социальных сетях, проявляя активность на интернет-форумах.

Становится очевидным, что по мере развития информационной цивилизации будет нарастать дисфункция производства информации как основного ресурса социума. Значительное число акторов коммуникации, сосредоточенных на различных уровнях (индивидуальном, групповом, массовом), будут и далее продуцировать значительное число энтропийной информации, а в ряде случаев – и вредоносной. Подобные действия производятся как спонтанно, так и целенаправленно, так как создание напряжений в информационной сфере позволяет достигать определенных целей. При этом адекватных механизмов регуляции, сдерживания, противодействия информационным атакам у постиндустриального общества практически не имеется. Открытый, наднациональный, глобальный характер современного социума не позволяет в полной мере задействовать запретительные, ограничительные механизмы. Более мягкие регулятивные средства зачастую оказываются неэффективными – особенно при росте напряжений внутри системы (в ситуации кризиса, паники и т.п.).

Примечания:

1. Быков А.Ю. К вопросу о понятии «информация» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2007. № 9. С. 102-108.
2. Лысак И.В. Информация как общенаучное и философское понятие: основные подходы к определению // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. № 2. С. 11-23.
3. Костюк В.Н. Информационные процессы в постиндустриальном обществе // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 101-110.
4. Полатайко С.В., Галимова А.М. Постиндустриальное общество и воздействие информационных потоков на качество жизни // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 3. С. 160-166.
5. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социс. 2005. № 4. С. 119-120.
6. Лукина Е.И. Вредоносная информация: сущность и содержание понятия // Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2016. № 4. С. 256-259.
7. Власенко М.С. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет: современное состояние и совершенствование правового регулирования // Вестник Волжского университета им. Татищева. 2019. № 3. С. 99-105.
8. Жуйков А.А. Информационная безопасность в условиях генезиса виртуального пространства трансформирующегося российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2016.
9. Жуйков А.А., Каспаров А.Р., Мащенко И.В. Угрозы информационной безопасности как фактор социальных конфликтов в постиндустриальном обществе: социологический анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Вып. 2. С. 83-88.

References:

1. Bykov A.Yu. On the problem of the concept of “information” // Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2007. No. 9. P. 102-108.
2. Lysak I.V. Information as a general scientific and philosophical concept: basic approaches to the definition // Philosophical problems of information technologies and cyberspace. 2015. No. 2. P. 11-23.
3. Kostyuk V.N. Information processes in post-industrial society // Social sciences and the present. 1996. No. 6. P. 101-110.
4. Polatayko S.V., Galimova A.M. Post-industrial society and the impact of information flows on the quality of life // Scientific journal of NIU ITMO. Ser.: Economics and Environmental Management. 2015. No. 3. P. 160-166.
5. Elyakov A.D. Information overload of people // Socis. 2005. No. 4. P. 119-120.
6. Lukina E.I. Harmful information: essence and content of the concept // Gaps in Russian law // Journal of Law. 2016. No. 4. P. 256-259.
7. Vlasenko M.S. Information security of minors on the Internet: the current state and improvement of the legal regulation // Bulletin of the Volga University of Tatishchev. 2019. No 3. P. 99-105.
8. Zhuykov A.A. Information security in the genesis of the virtual space of the transforming Russian society: Diss. for the Cand. of Sociology degree. Krasnodar, 2016.
9. Zhuykov A.A., Kasparov A.R., Mashchenko I.V. Threats to information security as a factor of the social conflicts in post-industrial society: sociological analysis // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Area studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. 2019. Iss. 2. P. 83-88.

УДК 316.346.32-053.6:316.624

ББК 60.542.15-425

К71

В.В. Косов,

аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79821753905, e-mail: kosov-valeriyy@rambler.ru

СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К СОВРЕМЕННЫМ ПРОБЛЕМАМ ПРОФИЛАКТИКИ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

(Рецензирована)

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию проблемы молодежной преступности в современном российском обществе, а также анализу основных методов предупреждения данного феномена. Автором предпринята попытка охарактеризовать современную систему профилактического реагирования на угрозу криминализации молодежной среды.

В работе отмечается, что с учетом специфических особенностей, присущих представителям молодежной демографической группы, подверженным криминальному влиянию, присущих им отклонений и иных особенностей, оказывающих влияние на их поведение, существует необходимость интенсификации профилактических мер как альтернативы мерам карательного свойства.

В процессе исследования автор отмечает, что наряду с данным подходом в современном российском обществе имеют место мнения о необходимости усиления уголовной ответственности, активизации досуговой деятельности, формирования молодежных объединений конструктивного идейного содержания с целью вовлечения молодежи в общественно-политическую деятельность.

Для восстановления данной функции в общей системе социализирующего влияния необходима корректировка концепции молодежной политики государства, направленной на разработку современных методов последовательной профилактики девиантных качеств личности в молодежной среде.

Для реализации поставленной цели особенно необходимо разработать систему предупредительных мер на ранней стадии возрастного развития, включая в данную деятельность не только наиболее активных агентов социализации, таких как школа, иные образовательные учреждения, но и общественные организации.

Ключевые слова: девиантное поведение, делинквентное поведение, криминальная среда, молодежные группы, молодежная преступность, профилактика.

V.V. Kosov,

PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79821753905, e-mail: kosov-valeriyy@rambler.ru

SPECIFICS OF SOCIOCULTURAL APPROACH TO CONTEMPORARY PROBLEMS OF PREVENTION OF YOUTH CRIME

Abstract. The presented article is devoted to the study of the problem of youth crime in modern Russian society, as well as to the analysis of the main methods of prevention of this phenomenon. The author attempts to characterize the modern system of preventive response to the threat of criminalization of the youth

environment. Taking into account the specific characteristics of members of the youth demographic group subject to criminal influence, their inherent deviations and other characteristics affecting their behaviour, there is a need to intensify preventive measures as an alternative to punitive measures. The author notes that, along with this approach, there are opinions in modern Russian society that it is necessary to strengthen criminal responsibility, intensify leisure activities, form youth associations of constructive ideological content, in order to involve young people in social and political activities. In order to restore this function in the general system of socializing influence, it is necessary to adjust the concept of youth policy of the state aimed at developing modern methods of consistent prevention of deviant qualities of the individual in youth environment. In order to achieve this goal, it is especially necessary to develop a system of preventive measures at an early stage of age development, actively including in this activity not only the most active agents of socialization, such as school and other educational institutions, but also public organizations.

Keywords: deviant behavior, delinquent behavior, criminal environment, youth groups, youth crime, prevention.

Анализируя совокупность основных проблем, оказывающих определенное воздействие на стабильное функционирование современного российского социума, следует обозначить, что одним из основных вопросов, требующих скорейшего урегулирования, является нарушение правовых норм. Бесспорным является тот факт, что в условиях актуализации данной проблематики особую значимость приобретает угроза криминализации современной молодежной среды, поскольку данная демографическая группа является наиболее подверженной асоциальному влиянию.

Следует отметить, что в процессе транзитивных процессов, происходивших в российском обществе на рубеже прошлого и настоящего веков, сформировался ряд негативных тенденций, оказавших целенаправленное влияние на процесс социального взаимодействия в области социализации подрастающего поколения. В частности, прекратилось функционирование многих организационно-правовых форм и организаций, реализующих профилактическую деятельность в сфере предупреждения правонарушений в среде молодежи.

Анализ научной литературы показывает, что данной проблеме посвящен целый ряд научных

исследований, проведенных такими авторами, как А.Г. Адагов, А.В. Артюхов, Я.И. Гилинский, В.В. Емельянова, А.И. Зубков, А.П. Михайлов, С.В. Сергиенко и т.д. В частности, А.И. Зубков в одном из своих исследований отмечает: «В современном обществе ослаблена система дошкольного и школьного воспитания, сократилось число детских досуговых, культурных и спортивных учреждений, задействованных в системе активной профилактики асоциального поведения. В данном аспекте вопрос предупреждения и профилактики преступного поведения в среде молодежи в последнее время актуализирует исследование данной проблематики в современной социологической науке» [1].

В то же время необходимо отметить, что к концу 90-х годов прошлого столетия в государстве предпринимались попытки усиления внимания к воспитанию молодежи, воссозданию профилактической деятельности путем организации массовых досуговых мероприятий. Однако они ограничивались лишь организационной поддержкой различных общественных и политических молодежных объединений, при этом отсутствовала общегосударственная программа по созданию культурно-правового и идеологического содержания данных структур.

Следует отметить, что проблема профилактики асоциального поведения представителей молодого поколения граждан и в современных российских реалиях активно обсуждается не только на уровне официальной власти, но и широких общественных групп. Необходимо отметить и то, что научные исследования данной проблематики представляют собой сочетание теоретических разработок в различных областях науки. В частности, в социологических научных направлениях профилактика девиантного поведения характеризуется как особая система мероприятий, ориентированных на разный уровень социальной организации по преодолению отклоняющегося поведения, направленных на предупреждение факторов, вызывающих социальные отклонения. Я.И. Гишинский в одной из своих работ пишет: «Основой профилактических мер является деятельность, направленная на создание оптимальных условий для нормального осуществления процесса социализации личности, а также обеспечение мер социально-правовой защиты молодого поколения» [2].

Данные исследования приобретают особую актуальность ввиду наметившейся тенденции активизации участия молодых граждан в разного рода радикальных течениях, способных дестабилизировать общее состояние общественной безопасности и характеризующихся явным выходом за рамки общепринятых правил поведения.

Необходимо обозначить тот факт, что в настоящее время не только на уровне федерации, но и многими регионами активно иницируется на законодательном уровне принятие нормативно правовых актов об основах профилактики правонарушений подростков и молодежи. Так, например, на территории Краснодарского края активно реализуется законодательный акт, принятый Законодательным Собранием 21 июля

2008 года N 1539-КЗ «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае». Целью настоящего Закона является создание правовой основы для защиты жизни и здоровья несовершеннолетних, их защиты от факторов, негативно влияющих на физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Краснодарского края [3].

Однако применение данных мер не дает результатов, в полной мере отвечающих запросам и ожиданиям граждан. Различного рода отклонения в поведении молодого поколения граждан остается одной из главных проблем современного общества, требующих скорейшего решения.

Обеспокоенность настоящим вопросом, а также рискогенность последствий неэффективности профилактической деятельности, направленной на противодействие данным процессам, актуализируют значительный научный интерес к данной проблеме. Более глубокого теоретического анализа требует социокультурное содержание основ ювенальной профилактики, поскольку именно данная составляющая главным образом обеспечивает не только уровень восприятия обществом актуальности данной проблематики, но и понимание процессов взаимовлияния правовой культуры и механизмов формирования поведенческих стереотипов молодежи.

Анализируя основные подходы в системе профилактической работы в сфере молодежной преступности, необходимо отметить, что одним из главных компонентов данной деятельности является формирование личностного сознания, нацеленное на интенсификацию культурной составляющей данной проблемы.

Один из исследователей данной проблематики В.А. Тихонов отмечает: «Культурно-правовая

деятельность должна основываться на глубочайшей социальной компетенции, поскольку только тогда она создает систему социальных регулятивов, способствующих стабильному и эффективному развитию и функционированию общества в области противодействия асоциальным практикам» [4].

В одной из своих работ А.П. Михайлов также подвергает анализу роль культурных значений в системе организации предупреждения девиантных практик поведения. Он пишет: «Именно «крушение» идеологической составляющей культуры, возрастание интереса к различным субкультурным течениям в первые два десятилетия текущего столетия предопределили не только динамику развития асоциальных и преступных практик в среде российской молодежи, но и необходимость возникновения новых форм профилактики преступного поведения» [5].

Необходимо также отметить, что в современном обществе идут активные дискуссии относительно средств и методов превентивного воздействия на процессы формирования деструктивных проявлений в молодежной среде. Различными научными и общественно-политическими структурами проводятся исследования, направленные на определение наиболее эффективных методов профилактической работы.

Нами было изучено мнение респондентов относительно наиболее эффективных мер профилактики девиантного поведения в молодежной среде. Наиболее типичные предложения опрошенных были сформулированы следующим образом:

- отказаться от смягчения несовершеннолетним наказания за уголовные проступки;
- увеличить время изучения в образовательных курсах предметов правового направления, с целью изучения основ законодательства, видов ответственности и т.д.;
- увеличить число культурно-досуговых центров просветительского,

оздоровительного, развлекательного характера для молодежи;

- расширить системы учреждений для изоляции подростков с асоциальным поведением;
- возобновить работу организаций идеологического толка, таких как комсомол, пионерия и т.д.;
- активизация через интернет-ресурсы программ, разъясняющих последствия правонарушений, опасность употребления наркотических средств, опасность увлечения интернет-ресурсами суицидальной направленности;
- увеличить максимальные сроки наказания для несовершеннолетних;
- увеличить число молодежных политических организаций и объединений.

Все предложения респондентов были нами сформированы в четыре основные группы средств, направленных на предупреждение асоциального поведения молодежи:

- усиление уголовно-правовой ответственности;
- организация досуговой деятельности;
- организация альтернативных молодежных объединений конструктивного идейного содержания;
- повышение культурно-правового уровня сознания молодежи.

Однако именно повышение культурно-правового уровня сознания молодежи мы считаем наиболее влиятельным фактором на современную ситуацию в российском обществе. Под культурно-правовым сознанием мы понимаем совокупность культурно-правовых знаний в виде норм, включающих в себя понимание форм ответственности и виновности, неизбежности наказания, правомерности поведения, а также обретение убеждений и установок в процессе жизнедеятельности, которая формируется в системе трудовых отношений, общении и поведении субъектов взаимодействия. Следует также отметить, что данная совокупность формируется,

в том числе, под воздействием системы культурного и правового воспитания и обучения.

Наше мнение было подтверждено результатами социологического опроса 300 респондентов с целью выявления их мнения о том, какие же формы наиболее эффективны в современной социальной ситуации. При этом все респонденты были нами разделены на две равночисленные группы по возрастному признаку. В первую группу вошли пред-

ставители молодежи в возрасте от 15 лет до 21 года, а во вторую – представители взрослого населения от 35 до 55 лет (см. табл. 1).

Результаты анкетирования демонстрируют, что респонденты из группы взрослого населения (от 35 до 55 лет) имеют практически схожее мнение с представителями молодежи.

Так, 48,6% респондентов отметили, что усиление уголовно-правовой ответственности является эффективным методом предупреждения

Таблица 1

Распределение мнения респондентов об эффективности методов предупреждения противоправного поведения молодежи

Основным средством предупреждения асоциального поведения молодежи Вы считаете:	Респонденты от 35 до 55 лет					Респонденты от 15 лет до 21 года				
	Да	Нет	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Затрудняюсь ответить
Усиление уголовно-правовой ответственности	22,9	19,1	25,7	24,2	8,1	10,1	39,8	19,7	21,2	9,2
Повышение культурно-правового уровня сознания через обретение специальных знаний, усвоения норм, убеждений, установок	35,1	14,9	25,7	19,2	5,1	34,1	13,8	25,9	18,1	8,1
Организация досуговой деятельности	24,8	22,1	25,1	23,2	4,8	30,6	16,2	28,2	18,3	6,7
Организация альтернативных молодежных объединений конструктивного идейного содержания	30,7	18,1	25,2	18,3	7,7	20,8	26,1	19,1	29,3	4,7

противоправного поведения молодежи, в то время как 43,3% респондентов имеют противоположное мнение. То есть относительно репрессивных мер как эффективной формы профилактического воздействия мнения разделились примерно поровну.

Относительно необходимости повышения уровня правовой культуры как эффективной формы профилактики высказались 60,8%, то есть более половины опрошенных. В то время как всего 34,1% взрослых людей считают данное средство неосновным. Данная позиция примерно совпадает с мнением респондентов из числа представителей молодежи.

Активизацию досуга как эффективный метод превенции признают 49,9% респондентов. 45,2% не считают досуг успешной мерой профилактики маргинальных проявлений среди молодежи. А вот формирование молодежных объединений конструктивного толка как альтернативу асоциальным формированиям более половины взрослых – 55,9% – считают вполне действенной и своевременной мерой.

Следовательно, по мнению респондентов взрослой возрастной группы, наиболее действенными мерами профилактики асоциального поведения являются повышение культурно-правового уровня сознания, а также создание молодежных объединений конструктивного толка.

Анализ опроса респондентов из числа молодежной группы показал следующее. 29,8% опрошенных отметили, что ужесточение уголовно-правовой ответственности может являться эффективной мерой профилактического воздействия, в то время как 61% имеют противоположное мнение. Таким образом, идею усиления репрессивных мер как средства профилактики молодежи не поддерживает.

По вопросу повышения уровня правовой культуры как

эффективного метода профилактики высказались 60%, то есть более половины опрошенных. В то время как 31,9% считают данное средство неосновным.

Вместе с тем отмечается приверженность молодого поколения к организации досуговых мероприятий. Так, активизацию досуга как одну из эффективных форм профилактики признают 58,8% респондентов. А вот организацию молодежных объединений конструктивного толка как альтернативу асоциальным формированиям лишь 39,9% считают вполне действенной мерой.

Таким образом, по мнению молодежной группы опрошенных, наиболее эффективными мерами, направленными на предотвращение асоциальных проявлений в молодежной среде, являются организация массового досуга и формирование культурно-правовых стереотипов в поведенческой модели личности.

Анализ основных подходов в системе профилактической деятельности, направленной на предотвращение процесса криминализации молодежной среды, проведенный автором, дает основание полагать, что одной из ключевых составляющих данной работы является процесс формирования основ сознания личности, усиливающий влияние на культурно-правовой вектор данной проблемы.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что тенденция распространения криминальных практик в молодежной среде современного российского общества формируется в результате дисфункциональности процесса социализации, включающего и профилактическую деятельность государственных институтов. Наряду с этим, процесс культурно-правовых преобразований, происходящий в молодежной среде, во многом обусловлен аномичным состоянием социума.

Примечания:

1. Зубков А.И. Политика государства по предупреждению правонарушений несовершеннолетних и применению к ним принудительных мер воспитательно-го воздействия и наказаний без изоляции от общества // Проблема исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, применения иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2015. 27 с.

2. Гишинский Я.И. Объяснение преступности // Предупреждение преступности. 2002. № 2 (4).

3. О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае: закон Краснодарского края № 1539-КЗ от 21 июля 2008 года. URL: <https://www.garant.ru/>.

4. Тихонов А.В. Социология управления. Москва: Канон +, 2007. 61 с.

5. Михайлов А.П. Преступное поведение несовершеннолетних и молодежи: теория вопроса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Вып. 1 (156).

References:

1. Zubkov A.I. State policy on the prevention of juvenile delinquency and the use of compulsory educational measures and punishments without isolation from society // The problem of the execution of punishments not related to deprivation of liberty, the use of other criminal law measures against minors: coll. of proceedings of the international scient. and pract. conf. Vologda, 2015. 27 pp.

2. Gilinsky Ya.I. Explanation of Crime // Crime Prevention. 2002. No. 2 (4).

3. On measures of prevention the neglect and juvenile delinquency on the Krasnodar Territory: Law of the Krasnodar Territory No. 1539-KZ of July 21, 2008. URL: <https://www.garant.ru/>

4. Tikhonov A.V. Sociology of Management. Moscow: Canon +, 2007. 61 pp.

5. Mikhailov A.P. Criminal behavior of minors and youth: theory of the problem // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 1: Area studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. 2015. Iss. 1 (156).

УДК 316:351.74

ББК 60.561.4

М 38

И.В. Мащенко,

аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79183787230, e-mail: 3787230@mail.ru

СТЕРЕОТИПЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

(Рецензирована)

Аннотация. Автором отмечается социальная значимость деятельности правоохранительных органов в условиях изменяющегося общества. Рассматривается место полиции в структуре правоохранительных органов. Отмечается специфика деятельности российского полицейского, необходимость корреляции его поведения и принимаемых им решений с социальными ожиданиями, существующими в обществе нормами. Анализируется необходимость стереотипного мышления сотрудника полиции в типовых, повторяющихся ситуациях. Осуществляется социологический анализ такого явления, как «социальный стереотип». Указываются его положительные и отрицательные воздействия на общественное мнение. Представляется структура стереотипа и прослеживается его взаимосвязь с традициями и ценностями, господствующими в обществе. Автор утверждает, что усвоение стереотипа происходит в ходе процесса социализации. В качестве характерной особенности стереотипа называется его соотнесение с реальностью: то, что человеку знакомо – хорошо, что незнакомо – плохо. В статье отмечается, что стереотип в профессиональной деятельности полицейского выступает не только его характеристикой, но и применяется при оценке его работы социальным окружением. Анализируя исследование, проведенное Фондом общественного мнения в марте 2020 г., автор приходит к выводу, что при общей положительной личностной оценке работы российской полиции стереотип о работе полиции в массовом сознании сложился отрицательный.

Ключевые слова: правоохранительные органы, полиция, стереотип, массовое сознание, образ полиции, оценка работы полиции.

I.V. Maschenko,

Post-graduate student of Department of Philosophy and Sociology, Adyge State University, Maikop, ph.: +79183787230, e-mail: 3787230@mail.ru

STEREOTYPES IN PROFESSIONAL ACTIVITY OF RUSSIAN POLICE OFFICERS: SOCIOLOGICAL ASPECT

Abstract. The author notes the social importance of the activities of law enforcement agencies in the context of a changing society. The publication considers the place of the police in the structure of law enforcement agencies. The study focuses on the specifics of the activity of the Russian police officer, the need to correlate his behavior and decisions with social expectations and existing norms in society. The need for stereotypical thinking by a police officer in typical, repetitious situations is analyzed. Sociological analysis of such phenomenon as “social stereotype” is carried out. Its positive and negative effects on public opinion are indicated. The

structure of the stereotype is presented and its relationship with the traditions and values prevailing in society is observed. The author claims that stereotyping takes place during the socialization process. A characteristic feature of the stereotype is its relation to reality – what is familiar to the person is good, what is unfamiliar is bad. The article notes that the stereotype in the professional activity of the police officer acts not only as his characteristic, but also can be applied in the assessment of his work by the social environment. Analyzing the study carried out by the Public Opinion Foundation in March 2020, the author concludes that with the general positive personal assessment of the work of the Russian police, the stereotype about the work of the police in mass consciousness is negative.

Keywords: law enforcement agencies, police, stereotype, mass consciousness, police image, assessment of work of the police.

В организации эффективного функционирования общества любого типа одна из ведущих ролей отводится правоохранительным структурам, что приобретает особую актуальность в периоды системных и затяжных во времени социальных преобразований. Эскалация различных конфликтов, повышение напряженности и агрессивности у членов общества, трансформация привычных форм организации жизни – все это предъявляет особые требования как к профессиональным, так и личностным характеристикам сотрудников правоохранительных органов. К правоохранительным органам Российской Федерации, помимо прочих военизированных органов, осуществляющих оперативную, следственную или прокурорскую деятельность на основании специальных законов, относится и полиция. Специфика профессиональной деятельности сотрудника полиции особенным образом воздействует на его личностные устои, предъявляя определенные требования и преобразуя его в соответствии с необходимым набором профессиональных качеств. «Многолетнее, ежедневное решение типовых задач совершенствует не только профессиональные знания, но и формирует профессиональные привычки, определяя стиль мышления и стиль общения, оказывает влияние на установки, мотивы, ценности. Профессии системы ОВД в той же степени накладывают специфический отпечаток на психический образ человека» [1;

41]. Жизнь и деятельность человека, служащего в полиции, определяется его профессиональной деятельностью, ведь сотрудник правоохранительных органов, надевая форму, обязан соответствовать нормам, господствующим в социуме, и общественным ожиданиям, что не может не оказывать воздействия на личностные характеристики полицейского. А социальные ожидания, направленные гражданами на полицейского в форме, известны – соучастие, поддержка, помощь, защита.

Сотрудник полиции в процессе деятельности сталкивается со сложными задачами, от решения которых иногда зависит жизнь и здоровье граждан. Вместе с тем он и сам подвергается различным психологическим стрессам, многостороннему социальному контролю. Соответственно, те решения, которые он принимает, его действия не всегда однозначны и очевидны со стороны, у граждан могут возникать каузальные атрибуции, в том числе и ложные [2; 70]. При этом сотрудник полиции при принятии решений о проверке документов, о задержании и подозрении в нарушении порядка действует в соответствии со стереотипными схемами, которые не осознаются в данный момент. Ведь чаще обычного у полицейского при осуществлении его профессиональных функций по охране порядка просто нет времени на детальный анализ, рассуждения и принятие специфического решения. Поэтому в качестве инструментария принятия им

решения в типовой ситуации полицейский использует такие характеристики ситуации, как удобнее, проще, быстрее – то есть он пользуется стереотипом.

Отношение к стереотипам в современной социологической науке неоднозначно. С одной стороны, под стереотипом понимается упрощенное представление о предмете или процессе, которое укоренилось в массовом сознании. Данное представление не является результатом опыта отдельно взятого человека. Стереотип – это схема, шаблон, усвоение которых позволяет в упрощенной форме познать социальную реальность. Данное понимание стереотипа принадлежит Уолтеру Липпману [3], которого по праву считают основоположником научного исследования социальных стереотипов. Н.П. Суходольская в своей работе «Социальный стереотип в жизнедеятельности людей» [4] отмечает его категоричность: то, что знакомо человеку – это нечто хорошее, что не нужно даже подтверждать опытом, а то, что незнакомо, то характеризуется как нечто плохое.

С другой стороны, под стереотипом понимается динамичная схема взаимодействия человека с его социальным окружением [5]. Ведь такие характеристики стереотипа, как устойчивость, повторяемость, стандартность, упрощенность выражают типические характеристики социального взаимодействия, да и вообще взаимодействия всего живого. Сложившаяся в обществе программа мышления и поведения способствует совершению человеком тех действий, которые ожидаются обществом от конкретного носителя определенной социальной роли. Таким образом, социальный стереотип экономит человеку время и сокращает затраты энергии на поиск «правильных», одобряемых социумом, решений. Ведь ни один человек не может ежесекундно вырабатывать характерные лишь для него способы реагирования на внешние вызовы,

поэтому и существуют стереотипы. Стереотипы аккумулируют коллективный опыт, их усвоение позволяет человеку ориентироваться в различных типовых ситуациях.

Социальный стереотип был структурирован американским ученым Г. Олпортом [6], который выделил в стереотипе два среза: первый включает в себя получаемую индивидом информацию об объективных явлениях социальной реальности. Данная информация, характеризующаяся схематизированным и генерализированным содержанием, преобразуется в стереотип. Когнитивной основой стереотипа выступает неотъемлемое стремление человека ко всеобщему упрощению познания сложных процессов и систем. Поэтому в условиях большого информационного потока человек, сталкиваясь с типичной, не требующей детального анализа ситуацией, включает механизм стереотипизации. Второй срез включает в себя аксиологический аспект, выражающийся в оценке объекта или процесса с позиций симпатии или антипатии, эмоциональной составляющей познавательного процесса. Это, вероятно, выступает основанием для противопоставления стереотипа (используемого человеком бессознательно) и рационального мышления.

Первоначально стереотипы возникают как форма существования традиций и ценностей социума. На уровне отдельной личности они усваиваются в ходе социализации, выступая одним из элементов становления человека своим в данной социальной группе. Каждый конкретный человек не изучает стереотипы в ходе когнитивных процессов, а усваивает и принимает их. В связи с этим в сфере социального взаимодействия социальные стереотипы призваны: объяснять и транслировать существующий социальный порядок, защищать ценностные ориентации конкретных социальных групп, обеспечивать безболезненную дифференциацию

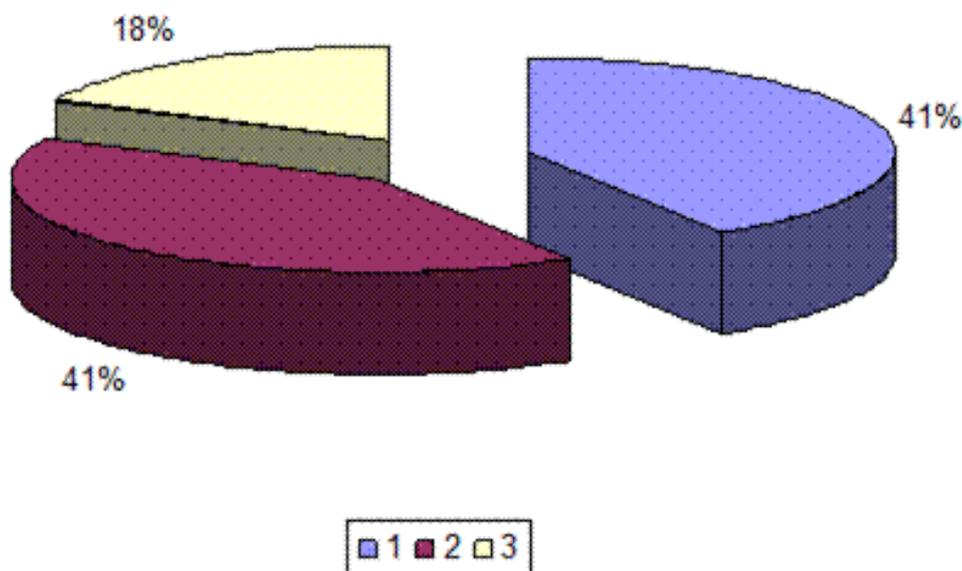
социальных групп, передавать из поколения в поколение накопленный в ходе исторического развития социально-культурный опыт. Личный опыт отдельно взятого представителя социальной группы по необходимости дополняется оценками и мнениями, господствующими в данной социальной группе, в обществе в целом. Для того чтобы масштаб и эмоциональная окраска любого события была понятна всем членам данного социума, необходимо смоделировать такие образы, которые передавали бы его суть и которые были бы понятны и приняты широкими массами. При достаточной степени повторений данный образ станет стереотипным представлением. Качественной характеристикой стереотипа является не стремление к истине, а его эмоциональная оценочная составляющая.

Следует отметить, что стереотипы имеют место не только у самих полицейских в ходе реализации их профессиональных функций, но они распространены и в самом обществе по отношению к полицейским. Стереотип в восприятии полицейского

выступает в качестве одной из форм существования образа полиции в целом. Опираясь на эмоциональное восприятие социального объекта, стереотип формирует положительный или отрицательный образ. Для формирования положительного стереотипа по отношению к сотрудникам полиции необходимо соблюдение трех неизменных составляющих деятельности полиции: информирование, убеждение, ожидаемое поведение.

Стереотип в восприятии полицейского формирует соответствующее общественное мнение и отношение к сотрудникам в форме, поэтому, опираясь на исследования, инициированные Фондом общественного мнения (ФОМ), проанализируем отношение россиян к полиции.

По результатам опроса 1500 респондентов [7], принявших участие в исследовании ФОМ в марте текущего года, 64% опрошенных, к полиции относятся положительно. Однако мнения по поводу преобладающего отношения к полиции среди населения разделились практически поровну (рис. 1) – положительно (41%), отрицательно (41%).

1 – положительно; 2 – отрицательно; 3 – затрудняюсь ответить

Рисунок 1. Преобладающее у населения отношение к работникам полиции, по мнению респондентов

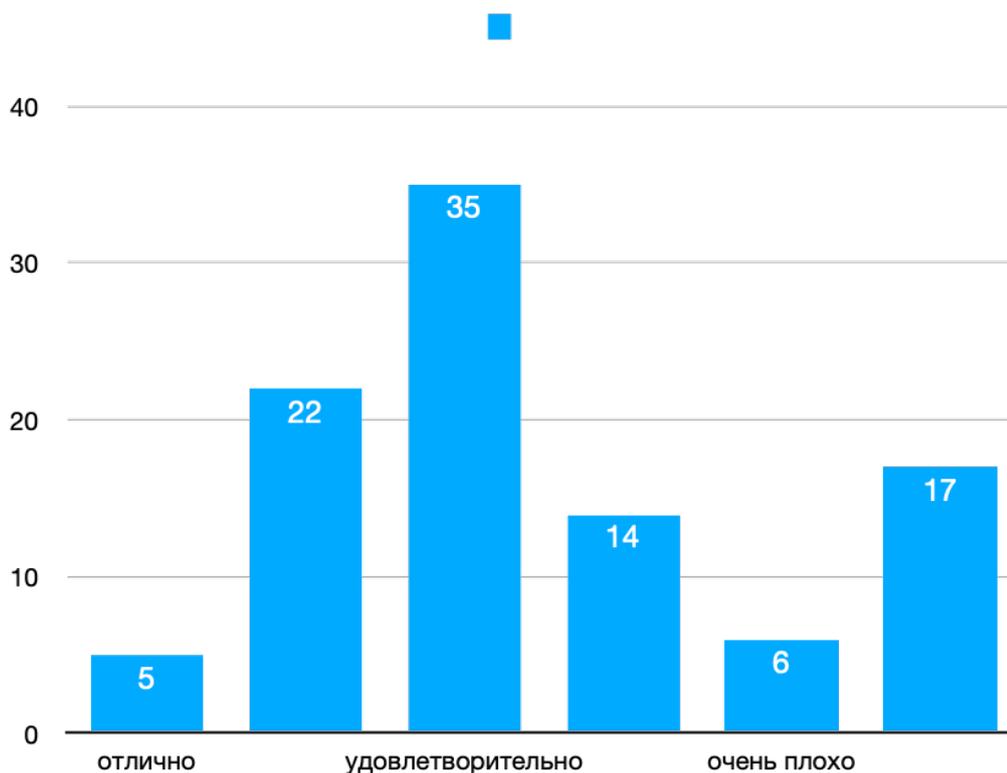

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, работает сегодня полиция, как она справляется со своими обязанностями – отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?» (в %)

В качестве промежуточного вывода можно сказать о том, что стереотип в восприятии современного полицейского у россиян неоднозначен. Хотя на уровне конкретной личности преобладающая часть опрошенных положительно относятся к полицейским. Скорее всего, такие результаты при характеристике отношения к полицейским мы получаем из-за достаточно низкой оценки работы полиции (рис. 2). Всего 27% опрошенных оценили работу полицейских на «отлично» и «хорошо», 55% дали низкие оценки («удовлетворительно», «плохо» и «очень плохо»).

При этом хочется отметить, что 44% опрошенных в последнее время не имели никаких дел с полицией. Из взаимодействующих в последнее время с полицией у 31% респондентов осталось положительное впечатление, а в целом оценки эффективности ее работы достаточно низкие (рис. 2). Какова же причина? На наш

взгляд, причина невысокой оценки эффективности работы полиции заключается в сформировавшемся в массовом сознании отрицательном стереотипе в восприятии полиции и ее деятельности. Как же иначе можно объяснить расхождение в оценке собственного отношения к полицейскому и отношения к нему же всего социума?

Подводя итог, хочется отметить, что стереотипы являются неотъемлемой составляющей профессиональной деятельности полицейского. С одной стороны, полицейскому свойственно стереотипное мышление при принятии решений в типовых ситуациях, что несколько упрощает его работу и сокращает время при реализации его профессиональных контролирующих функций. А с другой стороны, социальный стереотип в восприятии полицейского больше отрицательный, чем положительный, хотя

преобладающая часть населения в личностном плане к полицейским относится положительно. Данные проанализированного исследования заставляют нас задуматься о необходимости реализации российской полицией мероприятий по изменению социального стереотипа в восприятии сотрудника полиции и оценке его деятельности.

Примечания:

1. Шабанова К.Г. Специфика «эмоционального выгорания» у сотрудников линейных подразделений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2. С. 41-45.
2. Трофимова Е.Л., Султанов Е.О. Стереотипы сотрудников силовых структур в условиях реформирования системы правоохранительных органов // Психология в экономике и управлении. 2013. № 2. С. 68-74.
3. Липпман У. Общественное мнение. Москва: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
4. Суходольская Н.П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей // Философия и общество. 2007. № 3 (47). С. 152-160.
5. Меренков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 290 с.
6. Allport G. The Nature of Prejudice. N. Y., 1958. 77 p.
7. Работа полиции. Отношение к полицейским / Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14363> (дата обращения: 20.03.2020).

References:

1. Shabanova K.G. The specifics of “emotional burnout” among employees of linear units // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2007. No. 2. P. 41-45.
2. Trofimova E.L., Sultanov E.O. Stereotypes of law enforcement officers under the reform of the law enforcement system // Psychology in Economics and Management. 2013. No. 2. P. 68-74.
3. Lippman W. Public opinion. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004. 384 pp.
4. Sukhodolskaya N.P. Social stereotype in the life of people // Philosophy and Society. 2007. No. 3 (47). P. 152-160.
5. Merenkov A.V. Sociology of stereotypes. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2001. 290 pp.
6. Allport G. The Nature of Prejudice. N.Y., 1958. 77 pp.
7. The work of the police. Attitude towards policemen / Public Opinion Foundation. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14363> (access date: 03.20.2020).

УДК [316.346.32-053.2:392.8]:316.32

ББК 60.542.14-6

М 67

С.Ю. Митрофанова,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева; доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета, г. Самара, тел.: +79272668424, e-mail: mit_s@mail.ru

МАКДОНАЛЬДИЗАЦИЯ ДЕТСТВА КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ТИП РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье обсуждается понятие макдональдизации детства в контексте последствий процессов глобализации в современном обществе. На основе идеи Дж. Ритцера о макдональдизации как типе рациональности, имеющем место в современном обществе, доказывается правомерность проекции данной трактовки на пространство детства. Указано, что макдональдизация детства является одним из значимых типов рациональности, набирающих обороты в современном пространстве детства. В статье даны авторские определения понятиям: макдональдизация детства и рефлексивность детства. Обсуждается понимание тенденции глобализации детства, охарактеризованы особенности макдональдизации детства как одного из типов рациональности современного общества. Обоснована необходимость анализа процессов макдональдизации, их взаимосвязь с другими проявлениями глобализации: усиление мировой стратификации и социального неравенства детства, глобализация рисков детства и рост его рефлексивности, увеличение роли потребления в детстве, роста детских мобильностей.

Доказывается, что последствия глобализации отражают специфику и направленность изменений в пространстве современного детства. Делается акцент на их взаимозависимости и противоречивости. Показано, что трактовка процессов макдональдизации детства отчасти может противоречить такому последствию процессов глобализации, как усиление рисков детства. Рассматриваются такие проявления глобализации, как рост сферы потребления современных детей, увеличение мобильностей детей. В статье отмечается, что обсуждение макдональдизации детства и других тенденций глобализации детства вводит в повестку дня социологии детства ряд тем, которые пока не находят должного отражения в социологической литературе о детстве.

Ключевые слова: макдональдизация детства, глобализация детства, стратифицированность детства, рефлексивность детства, мобильность детства.

S.Yu. Mitrofanova,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Science, Samara National Research University named after S.P. Korolev; Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science and History of the Fatherland, Samara State Technical University, Samara, ph.: +79272668424, e-mail: mit_s@mail.ru

THE MCDONALDIZATION OF CHILDHOOD AS A CONSEQUENCE OF GLOBALIZATION AND THE TYPE OF RATIONALITY IN MODERN SOCIETY

Abstract. The article discusses the concept of McDonaldization of childhood in the context of the consequences of globalization processes in modern society. The validity of the projection of McDonaldization on the space of childhood is proved based on the idea of G. Ritzer about McDonaldization as a type of rationality that takes place in modern society. It is proved that the McDonaldization of childhood is one of the significant types of rationality that are gaining momentum in the space of childhood. The author's definitions of the concepts are given in the article: McDonaldization of childhood and reflexivity of childhood. The understanding of the trend of childhood globalization is discussed, and the features of McDonaldization of childhood as one of the types of rationality of modern society are characterized. The necessity of analyzing the processes of McDonaldization and their relationship with other manifestations of globalization is substantiated: increasing global stratification and social inequality in childhood, globalizing the risks of childhood and increasing its reflexivity, increasing the role of consumption in childhood, and increasing child mobility. It is proved that the consequences of globalization reflect the specifics and direction of changes in the space of modern childhood. The emphasis is placed on their interdependence and inconsistency. It is shown that the interpretation of the processes of McDonaldization of childhood may partially contradict such a consequence of the processes of globalization as an increase in the risks of childhood. But at that time, it successfully explains such manifestations of globalization as the growth of the sphere of consumption of modern children, and the increase in the mobility of children. The article notes that the discussion of the McDonaldization of childhood and other trends in the globalization of childhood introduces a number of topics to the agenda of the sociology of childhood that are not yet properly reflected in the sociological literature on childhood.

Keywords: McDonaldization of childhood, globalization of childhood, stratification of childhood, reflexivity of childhood, mobility of childhood.

Идея глобализации, которая связывается с процессами, направленными на формирование единого мирового пространства, позволяет говорить об обществе не как о номинальной, условной, статистической общности или абстрактной категории, а как о реальной целостности, которая возникает относительно недавно, во второй половине XX в. С тех пор масштаб зависимостей различных сообществ только возрастает, становится глобальным.

Проекция идеи глобализации, связанной с созданием единого мирового сообщества – мегаобщества, на пространство детства позволяет говорить о различных проявлениях, являющихся одновременно и последствиями тенденции глобализации, которые в каждом случае обеспечивают своеобразие

конкретного детства. Цель статьи состоит в анализе макдональдизации детства как одного из последствий тенденции глобализации и одного из современных типов рациональности, чья значимость возрастает в современном обществе. Для достижения поставленной цели укажем следующие задачи: 1) рассмотрение тенденции глобализации детства, 2) анализ особенностей макдональдизации детства как одного из типов рациональности современного общества, 3) рассмотрение специфики макдональдизации детства в контексте других последствий глобализации детства.

Тенденция глобализации детства. Процессы глобализации детства А.В. Толстокорова связывает преимущественно с международной миграцией и мобильностью,

с возможностями перемещений современных детей, которые имеют пространственное и временное измерения [1; 225-232]. Н.К. Поливанова рассуждает о глобализации детства в контексте того, что «растущая миграция населения, глобальная экономическая интеграция, рост демократий по всему миру, новые модели торговли, унификация и глобализация ценностей, а также рост благосостояния и неравенства в доступе к этому благосостоянию, ...стремительное развитие технологий» неоднозначно и разнонаправлено трансформируют детство [2; 5]. На наш взгляд, глобализация детства представлена не только процессами возрастающей мобильности детей, усиливающейся зависимостью положения детей от процессов, протекающих на мировой арене, но также и процессами унификации детства. Для нас важно, что сегодня происходит формирования единого глобального пространства детства, размываются, а иногда и стираются, границы между «разными детствами», и, что особенно значимо, возникают схожие условия взросления современных детей.

Проявлениями глобализации детства могут быть следующие взаимосвязанные, имеющие место в современном обществе процессы: 1) усиление мировой стратификации и социального неравенства детства; 2) глобализация рисков детства и рост его рефлексивности; 3) увеличение роли потребления в детстве; 4) рост детских мобильностей; 5) информатизация детства; 6) виртуализация детства; 7) распространение идеи прав ребенка, и в том числе – права на участие в решении вопросов, касающихся их жизни, затрагивающих их интересы; 8) макдональдизация детства. Все эти процессы, кроме макдональдизации детства, и ранее привлекали внимание ученых [3, 4, 5], однако авторы не концентрировались на их обсуждении в ракурсе глобализации. В данной работе рассматривается идея

макдональдизации детства в контексте некоторых из указанных проявлений глобализации детства подробнее с учетом того, что выбранная оптика будет задавать общую рамку выявления унифицированных процессов, протекающих у детей в разных точках земного шара, и не поставит своей целью концентрацию на индивидуальных и конкретных детствах. Обращение к последним обусловлено стремлением проиллюстрировать примерами последствия глобализации детства, которые тесно связаны между собой.

Особенности макдональдизации детства как одного из типов рациональности современного общества. Важным проявлением тенденции глобализации детства является макдональдизация последнего. Макдональдизация как один из типов рациональности, характерный для современного общества, на наш взгляд, несомненно, является результатом процессов глобализации, поскольку воспроизводство этого типа рациональности в мире стало возможно благодаря изменившимся коммуникативным технологиям, усилившим процессы интеграции, унификации и взаимозависимости людей по всему миру. На основе концепта макдональдизации Дж. Ритцера [6] *под макдональдизацией детства мы понимаем процессы и явления в пространстве детства, базирующиеся на принципах работы ресторана быстрого обслуживания: эффективность, калькулируемость, предсказуемость и контроль, которые, с одной стороны, предлагают механизм, обеспечивающий наиболее быстрый путь к желаемой цели, но, с другой стороны, влекут непредвиденные последствия в пространстве детства.* Можно отметить, что современное детство подвержено процессам макдональдизации, как и все сферы современного глобализирующегося общества. Макдональдизация детства проявляется, например, в зачатии и рождении детей, их воспитании

и образовании и других практиках, связанных с детьми. Так, чтение родителями на ночь детям книг может заменяться чтением в аудиоформате. По данным опроса Института фонда «Общественное мнение» (Еженедельный опрос «ФОМнибус», 18–19 октября 2014 г., 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов), на открытый вопрос, который задавался респондентам, у которых есть дети (отвечали 68% респондентов): «Почему Вы не читаете (не читали) ребенку книжки?», один из полученных вариантов ответа в пункте «другое» звучал так: «Для этого сейчас есть Интернет» [7]. Такие сайты в Интернете, как у российской электронной школы, информационный портал всероссийской олимпиады школьников – являются примерами макдональдизированных структур, влияние которых на нашу жизнь неоднозначно. С одной стороны, новые технологии, новые средства коммуникации облегчают ее, делая более комфортной, позволяют быстрее и эффективнее достичь желаемой цели, с другой – способствуют дегуманизации человеческих отношений, на что и указывает Дж. Ритцер [6; 499-500]. Однако в отличие от Дж. Ритцера, который рассматривал различные негативные последствия макдональдизации всего лишь как ее иррациональные проявления, мы считаем, что нужно рассматривать непредвиденные латентные последствия макдональдизации детства на более глубоком уровне, а именно – как системное качество.

Макдональдизация детства в контексте последствий глобализации детства. Макдональдизация детства тесно связана с последствиями глобализации, в частности с усилением процессов мировой стратификации детства. Сегодня, как никогда ранее, увеличивается расслоение, непосредственно затрагивающее интересы детей. Мировая стратификация детства предполагает, что повсеместно положение детей

определяется на основе мировых показателей, оснований, факторов утверждения социального неравенства, источником которых преимущественно является западный мир. Макдональдизация как тип рациональности, задаваемый современным обществом, показывает наиболее быстрый и эффективный путь к вершине этих иерархий, путь к желаемой цели, пройти по которому суждено далеко не всем детям, а лишь тем, у кого есть соответствующие возможности. В этом плане макдональдизация детства выступает для каких-то детей механизмом включения, а для кого-то способом исключения из мирового пространства. Например, успешное/неуспешное прохождение процедуры ЕГЭ открывает/закрывает доступ детям к соответствующим возможностям.

С мировой стратификацией детства и процессами макдональдизации детства как проявлениями глобализации тесно связано и такое последствие глобализации, как *усиление мировых рисков детства* как системного производства опасностей, затрагивающих всех детей в современном обществе. Риски унифицируют детство, задавая реально или потенциально опасную среду взросления.

«Среда незнания» общества риска как среда, генерирующая риски, как среда неизвестных ответов на неизвестные вопросы становится общей для современного общества и детства, поскольку она определяет и унифицирует всех детей перед новыми рисками, помещает их в ситуацию неопределенности, от которой не существует «страховки». Накопительный эффект новых рисков унифицирует всех детей, задавая рискованную среду взросления для всех них.

Вместе с тем макдональдизация детства может выступить инструментом предвидения возможных рисков детства, что, в конечном счете, работает на рефлексивность детства вообще, повышает рефлексивность

рисков детства в частности и, в конечном итоге, в определенных контекстах может способствовать снижению рискогенности среды детства. *Под рефлексивностью детства понимаем концентрацию внимания агентов, которые так или иначе связаны с пространством детства, на критическом анализе принятия ими определенных решений, ситуаций и моментов совершения ими выборов, от которых зависит специфика социальной среды детства.* Рефлексивность рисков детства предполагает понимание того, что выбор в пользу производства определенного блага для детей сопровождается ростом опасностей для них.

Современные риски детства, стратифицированность детства и его макдональдизация тесным образом связаны со сферой детского потребления. *Рост значимости сферы детского потребления с соответствующей ей инфраструктурой – «соборами» потребления – выступает общей канвой современного глобализирующегося общества.* Так же, как и другие проявления глобализации, эта тенденция унифицирует детство, задает потребительские ориентации взросления современных детей, показывает им, к чему нужно стремиться, чем обладать в обществе потребления, чтобы быть вписанным в него. Процессы макдональдизации детства, напрямую связанные со сферой детского потребления, рационализируя последнюю, показывают сам механизм вхождения в нее детей.

Д.К. Тихазе, А.С. Курилова указывают на три основные концепции детей-потребителей [8; 209]:

- 1) дети – это активные субъекты в потребительских практиках;
- 2) жертвы манипуляции потребительской культуры;
- 3) реальные потребители, одновременно активные и уязвимые в потребительских практиках.

Мы считаем все эти концепции продуктивными и уместными

в определенных контекстах. Но то, что объединяет их все, – это идея (не)вписанности современных детей в сферу потребления. Эту (не)вписанность можно представить в виде континуума, где на одном полюсе находятся те, кто исключены из этой сферы, это «дети-зрители» чужого «бала», (например, дети из российской глубинки), а на другом – «дети-участники» (например, дети шоу-звезд) этого «пиршества». Применительно к последней категории, на наш взгляд, макдональдизация детства выступает инструментом утверждения их привилегированных социальных позиций. Но и та, и другая социальная категория детей взрослеют в условиях разной степени приближенности к реалиям общества потребления, и в этом плане можно говорить об унификации ситуации их взросления.

Еще одно проявление глобализации современного социума – это его стремительная изменчивость и подвижность. З. Бауман использует в этом контексте метафору текучести, Дж. Урри говорит о мобильностях. Меняющиеся формы коммуникации в глобализирующемся обществе изменяют социально организованную жизнь. Эти процессы сказываются на всех без исключения членах общества и, в том числе, на детях как важной части его социальной структуры. Фактические и потенциальные перемещения людей, вещей, капиталов, информации, рисков и т.д. трансформируют социальность современного общества в целом и социальность детства в частности, наделяя ее характеристиками мобильности, текучести, изменчивости. В то же время *мобильность детей* становится в большей степени структурно организованной, регламентированной и контролируемой, что вписывается в идею макдональдизации детства, предполагающей наличие этих базовых характеристик. Доказательствами последнего может служить досуг современных детей, который стал

«запланированной спонтанностью» [9] благодаря, например, возрастающей нагрузке на них как в общеобразовательной школе, так и в рамках дополнительного образования. Желание контролировать детей приводит к тому, что родители стремятся максимально структурировать время ребенка; они устанавливают ребенку и себе на гаджеты программы, позволяющие отслеживать местоположение их детей и т.д. Проблематике детских мобильных в ракурсе физических перемещений посвящена диссертация Е. Купряшкиной [10].

Мобильности детей в современном глобальном обществе совершаются в различных пространствах: реальном (физическом), виртуальном, воображаемом. М. Линдстром одну из глав своей книги называет «кибернетический ребёнок», в ней автор обсуждает вопросы значения мобильного брендинга для современных детей, проблематику детского маркетинга в виртуальности [11]. Тем самым признается факт того, что виртуальные перемещения, напрямую связанные с информатизацией детства, являются реальностью глобализирующегося общества, предъявляющего требование сегодняшним детям: все 24 часа в сутки быть «на связи», чтобы поспевать за меняющейся реальностью: своевременно получать информацию об изменившемся расписании, задании на дом, сеансах в кинотеатре и т.д. Телефоны, страницы в социальных сетях и т.д. как современные средства коммуникации позволяют достичь этих целей [12], но вместе с тем схлопывают время, делают его структурно организованным, подчиненным конкретной задаче, что соответствует принципам макдональдизации детства как ключевому типу рациональности. В связи с этим доступ к средствам коммуникации детей становится важным стратифицирующим фактором в современном глобализирующемся обществе. По данным нашего опроса,

в котором юноши и девушки, в 2018 г. перешагнувшие законодательную границу, т.е. в возрасте 18-ти лет и +2 года, отмечали, в каком возрасте в их собственной биографии произошло одно из 77 событий (N=774; метод онлайн-анкетирования ВНИК под рук. С.Н. Майоровой-Щегловой, 2018 г.). Так, было выяснено, что средний возраст появления у них телефона – 9,37 года, аккаунта в социальных сетях – 12,06 года. Можно предположить, что у следующего поколения (рожденные в 2010-е гг. и позже) эти возрастные параметры будут еще ниже, т.к. они уже родились в цифровой среде.

К детским мобильностям можно отнести также воображаемые перемещения – например, представления детей о предстоящих перемещениях или воспоминания о прошедших туристических поездках. Мы не склонны рассматривать виртуальные, воображаемые, реальные перемещения исключительно как исчерпывающие, самостоятельные или даже противостоящие типы. Скорее, это дополняющие друг друга перемещения с преобладанием того или иного типа в какие-то моменты времени. Так, например, может быть реальность виртуальной, как и виртуальность реальной (М. Кастельс). Причем границы между ними стираются благодаря тому, что в определенный момент времени одна реальность замещает другую, в другой момент – происходит обратное, благодаря чему дети становятся «челноками» в перемещениях между «пульсирующими» реальностями, и этому также способствует развитие процессов макдональдизации детства. В частности, это происходит, когда дети принимают участие в интернет-олимпиадах, когда родители с помощью электронной регистрации записывают детей в образовательные учреждения, детские лагеря, поликлиники и т.д.

В целом детские мобильности можно считать проявлением

глобализации детства, поскольку жизнь детей в обществе мобильностей унифицирует всех детей в плане предъявляемых к ним и их родителям требований: ребёнок должен быть мобильным, использовать современные средства перемещения, способы коммуникации, чтобы быть вписанным в этот социум.

Подчеркнем взаимосвязь и противоречивость последствий глобализации детства, а также отметим, что обозначенными в статье проявлениями эти процессы не ограничиваются. Последовательность рассмотрения последствий глобализации детства в данной статье не отражает соответствующую степень их значимости для детства и общества, мы не выстраиваем иерархии этих последствий, скорее, обсуждаем те из них, что привлекают наше внимание в контексте идеи макдональдизации детства.

Наше пристальное внимание к процессам макдональдизации как типу рациональности и последствию тенденции глобализации, а также его взаимосвязи с другими проявлениями глобализации связано с тем, что именно эти процессы отражают специфику и направленность изменений в пространстве современного детства.

В заключение отметим, что обсуждение макдональдизации детства и других тенденций глобализации детства вводит в повестку дня социологии детства ряд тем, которые пока не находят должного отражения в научной литературе, например, это проблематика доминирующих типов рациональности в пространстве современного детства, это вопросы эмпирических кросс-культурных междисциплинарных исследований последствий глобализации детства и другие.

Примечания:

1. Толстокорова А.В. Глобальный ребёнок или «новый маленький Мук» // *Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус. Тематический словарь-справочник.* Москва: ИС РАН, 2018. С. 225-232.

2. Поливанова Н.К. Детство в меняющемся мире // *Современная зарубежная психология: электронный журнал.* 2016. Т. 5, № 2. С. 5-10. URL: https://www.psyjournals.ru/files/82357/jmfp_2016_n_2_Polivanova.pdf (дата обращения: 14.10.2019) doi: 10.17759/jmfp.201605020.

3. Дементьева И.Ф. Факторы риска развития детства в современной России // *Вестник РУДН. Сер.: Социология.* 2016. Т. 16, № 2.

4. Майорова-Щеглова С.Н., Губанова А.Ю., Колосова Е.А. Влияние социальной стратификации на событийность детства поколения Z // *Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина.* Москва: МАКС Пресс, 2019. С. 120-123.

5. Майорова-Щеглова С. Н. Как организовать социологическое сопровождение реализации прав ребенка в Российской Федерации? // *Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке: материалы науч. конф. к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского / отв. ред. Ю.В. Асочаков.* Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2016. С. 823-824.

6. Ритцер Дж. *Современные социологические теории.* 5-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 688 с.

7. Читают ли родители своим детям? Россияне вспомнили о любимых детских книжках и рассказали, читают ли они своим детям. 2014 // *Официальный сайт ФОМ.* URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/11848> (дата обращения 7.10.19).

8. Тихазе Д.К., Курилова А.С. Дети и потребительская культура в современных социологических концепциях // *Дети и общество: социальная реальность и новации: сб. докладов на Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием.* Москва: РОС, 2014. С. 208-213.

9. Qvortrup J. *Childhood as a social phenomenon*. Budapest; Vienna: European Centre for Social Welfare Policy and Research, 1991.

10. Купряшкина Е.А. *Детская мобильность в городской среде: социологический анализ (на примере городов Приморского края): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04*. Хабаровск, 2019.

11. Линдстром М. *Детский брендинг* / под ред. И.В. Андреевой. Санкт-Петербург: Нева, 2004. 320 с.

12. Gubanova A.Yu. *Internet and IT-technologies in the life of Russian children at the beginning of the XXI century // Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities. View from Russia: collected papers XIX ISA World Congress of Sociology / the editor-in-chief is V. Mansurov*. 2018. P. 232-235.

References:

1. Tolstokorova A.V. *A global child or “a new little Muk” // 21st Century Childhood: a socio-humanitarian thesaurus. Thematic reference dictionary*. Moscow: IS RAS, 2018. P. 225-232.

2. Polivanova N.K. *Childhood in a changing world // Modern Foreign Psychology: an electronic journal*. 2016. Vol. 5, No. 2. P. 5-10. URL: https://www.psyjournals.ru/files/82357/jmfp_2016_n_2_Polivanova.pdf (access date: 10/14/2019) doi: 10.17759 / jmfp.201605020.

3. Dementyeva I.F. *Risk factors for childhood development in modern Russia // Bulletin of RUDN. Ser.: Sociology*. 2016. Vol. 16. No. 2.

4. Mayorova-Shcheglova S.N., Gubanova A.Yu., Kolosova E.A. *The influence of social stratification on the events of childhood of generation Z // Social stratification in the digital era: on the 130th anniversary of the birth of Pitirim Sorokin*. Moscow: MAX Press, 2019. P. 120-123.

5. Mayorova-Shcheglova S.N. *How to organize sociological support for the realization of children's rights in the Russian Federation? // Russian sociological community: history, modernity, place in the world science: proceedings of the scient. conf. dedicated to the 100th anniversary of the Russian Sociological Society of M.M. Kovalevsky / executive ed. by Yu.V. Asochakov*. St. Petersburg: Skifiya-print, 2016. P. 823-824.

6. Ritzer G. *Modern sociological theory*. 5th ed. St. Petersburg: Piter. 2002. 688 pp.

7. *Do parents read to their children? The Russians remembered their favorite children's books and told whether they read to their children*. 2014 // The official site of the FOM. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/11848> (access date 7.10.19).

8. Tikhase D.K., Kurilova A.S. *Children and consumer culture in modern sociological concepts // Children and society: social reality and innovations: collection of reports of All-Russian scient. and pract. conf. with international participation*. Moscow: ROS, 2014. P. 208-213.

9. Qvortrup J. *Childhood as a social phenomenon*. Budapest; Vienna: European Centre for Social Welfare Policy and Research, 1991.

10. Купряшкина Е.А. *Children's mobility in an urban environment: a sociological analysis (based on the cities of the Primorsky Territory): Diss. for the Cand. of Sociology sciences degree.: 22.00.04*. Khabarovsk, 2019.

11. Lindstrom M. *Brand Child* / ed. by I.V. Andreeva. St. Petersburg: Neva, 2004. 320 pp.

12. Gubanova A.Yu. *Internet and IT-technologies in the life of Russian children at the beginning of the XXI century // Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities. View from Russia: collected papers XIX ISA World Congress of Sociology / the editor-in-chief is V. Mansurov*. 2018. P. 232-235.

УДК 316.628
ББК 60.524.228
П 39

В.В. Плотников,

доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79184999953, e-mail: sociometriya@mail.ru

А.Р. Каспаров,

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79182111439, e-mail: mr.kasparov.01@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ: ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье последовательно рассматриваются проблемы социальной напряженности, что включает в себя анализ сущности социальной напряженности и определение ее оснований в обществе. Отправной точкой исследования становится определение специфики заданных культурой и обществом потребностей человека, а также их отношения к системе приоритетов личности. В рамках статьи обосновывается, что характер потребностей человека и мера их реализации напрямую связаны с уровнем удовлетворенности социальной ситуацией. При этом низкий уровень удовлетворенности основных потребностей рассматривается как важное условие формирования социальной напряженности. Авторы исходят из классического для социологии понимания иерархии потребностей. Однако полагают, что в эпоху постмодерна нередки случаи подмены (своего рода сублимации потребностей). Нереализованные запросы, сублимируемые участниками социальных практик в достижение несущественных целей, приводят к ситуации аномии, а также нередко становятся основанием социальной конфликтности. Также в статье обращается внимание на то, что сама социальная напряженность может быть объектом интерпретации, в результате которой происходит изменение характеристик мировоззрения членов общества. Результатом подобного рода явления становится выплеск социальной напряженности в определенном направлении, что несет в себе существенные социальные риски. В заключение делаются выводы о значении современных информационных процессов как фактора актуализации или снижения социальной напряженности.

Ключевые слова: социальная напряженность, общество, потребности, культура, ценности, информационные процессы, социальные риски.

V.V. Plotnikov,

Doctor of Sociology, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79184999953, e-mail: sociometriya@mail.ru

A.R. Kasparov,

Candidate of Sociology, Senior Lecturer of the Department of Special Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79182111439, e-mail: mr.kasparov.01@mail.ru

SOCIAL TENSIONS: FACTORS OF EMERGENCE AND UPDATING

Abstract. The article consistently addresses the problems of social tension, which includes an analysis of the essence of social tension and the definition of its grounds in society. The starting point of the study is to determine the specificity of human needs specified by culture and society, as well as their relationship to the system of priorities of the individual. The article justifies that the nature of human needs and the measure of their realization are directly related to the level of satisfaction with the social situation. At the same time, the low level of satisfaction with basic needs is considered to be an important condition for the formation of social tension. The authors come from a classical understanding for sociology of the hierarchy of needs. However, it is believed that in the post-modern era it is not uncommon to replace (a kind of sublimation of needs). Unrealized requests sublimated by participants in social practices to achieve non-essential goals lead to a situation of anomaly and also often become the basis of social conflict. The article also draws attention to the fact that social tensions themselves can be the object of interpretation, as a result of which the characteristics of the world view of members of society change. The result of this kind of phenomenon is a spillover of social tension in a certain direction, which carries significant social risks. Conclusions are drawn on the importance of modern information processes as a factor in mainstreaming or reducing social tensions.

Keywords: social tension, society, needs, culture, values, information processes, social risks.

Исследование социальных процессов не есть сугубо теоретическая область науки, целью которой является исключительно прирост знания. Социальные исследования имеют четко выраженный практико-ориентированный подтекст, поскольку имеет место создание развитой теоретико-методологической базы для осмысления социальной действительности, поиска наиболее значимых проблем общества и путей их разрешения. Даже при рассмотрении проблемы в данном ключе (например, в рамках структурного функционализма) обнаруживаются многочисленные примеры теоретических разработок, ориентированных на раскрытие причин и оснований различного рода социальных нарушений. Так, например, в исследованиях, посвященных факторам интенсификации политических процессов, проецируются и последствия подобного рода усложнения социальной динамики [1].

Эти разработки в дальнейшем ложатся в основу прикладных социальных исследований, основная задача которых состоит в определении

наиболее опасных социальных состояний, тенденций их развития и основных причин, которые обуславливают их возникновение. Так, например, в работах Э. Дюркгейма и Р. Мертона можно обнаружить последовательное раскрытие вопроса о природе и основаниях возникновения социальной аномии [2, 3]. Сходную ориентацию имеют и работы Т. Парсонса, в рамках которых раскрывается социальное значение баланса институциональных структур, а также риски, связанные с их рассогласованием [4].

В этом контексте суждение А. Гофмана, согласно которому одним из основных трендов теоретической социологии становится исследование социальных нарушений, видится вполне закономерным и обоснованным [5]. В данном случае социальное познание представляет собой своеобразную диагностику состояния общества, на основании которой могут быть поставлены актуальные проблемы, требующие вмешательства представителей власти, а также предложены возможные пути их разрешения. Настоящая работа

имеет именно такой, проблемно-ориентированный, характер. В основе исследования лежит установка на исследование феномена социальной напряженности как фактора обострения конфликтности в обществе. Мы исходим из той предпосылки, что неудовлетворенность условиями социальной жизни задает потенциал участия членов общества в различного рода конфликтных сценариях, при этом может иметь место существенное расхождение между исходными причинами роста напряженности и теми поводами, которые используются для ее актуализации и выплеска. Это заставляет обратить существенное внимание на два важных момента:

- собственно сущность и основания социальной напряженности;
- социальные механизмы актуализации напряженности и ее перенаправления.

Рассмотрим по порядку каждый из обозначенных аспектов, начиная с вопроса о сущности социальной напряженности. Для его последовательного прояснения необходимо первоначально осветить такую проблему, как характер социальных потребностей членов общества и уровень их удовлетворения.

Вопросу изучения потребностей в исследовательской литературе уделено довольно много внимания. В частности, существуют исследования в области биологического, экономического, психологического знания, а также культурологические разработки, в рамках которых ставится вопрос о природе потребностей, их культурно и социально обусловленной трансформации, соотношении базовых и дополнительных потребностей и т.д. Для нас наибольший интерес в данном случае представляет такой аспект, как изменение потребностей человека под влиянием внешних социальных и культурных факторов. Это имеет значение по той причине, что уровень удовлетворенности членов общества сложившейся ситуацией

в значительной степени зависит от того, насколько она отвечает кругу сложившихся у них актуальных потребностей. В свою очередь, неудовлетворенность социальной ситуацией представляет собой одно из важнейших оснований возникновения и роста напряженности.

Рассматривая вопрос о природе и специфике потребностей, следует отметить, что существуют базовые потребности человека и момент их интерпретации, в ходе которой эти потребности становятся объектом рефлексии и дальнейшей обработки (которая включает в себя оценку конкретной сферы нужд человека, адаптацию стратегии поведения в соответствии с возникшей потребностью, выстраивание на основании сложившегося набора нужд системы приоритетов и т.д.). Тематике базовых потребностей существенное внимание уделил известный исследователь А. Маслоу, разработавший теорию иерархии базовых потребностей человека, актуализация которых происходит по мере удовлетворения нужд человека, начиная от наиболее простых и заканчивая наиболее сложными. Пирамида потребностей Маслоу представляет собой наглядное отображение естественной иерархии человеческих нужд, которые, по мнению исследователя, изначально обладают различным уровнем приоритетности. Первичной в данной теории является потребность в жизнеобеспечении (сон, еда, воздух, вода), далее следует стремление к безопасности (сохранность жизни, личной собственности и т.д.), стремление к социальной принадлежности (дружба, общение, включенность в социальные группы), стремление к признанию и, наконец, стремление к самореализации. По мнению Маслоу, потребности базового характера имеют более приоритетное значение и потому актуализируются в первую очередь, в то время как более сложные потребности проявляются в

том случае, когда базовые потребности уже удовлетворены.

В исследовательской практике присутствует развернутая и разноплановая критика теории Маслоу. Она связана как с отражением актуальных примеров системы приоритетов, отличной от представленной в его схеме, так и с рассмотрением не указанных в его теории потребностей, роль которых признается в поведении человека весьма значимой [6].

На наш взгляд, одной из серьезных причин того, что теория Маслоу не вполне отвечает действительности, является то, что она не учитывает культурно-ценностный и социально-интерпретативный аспекты потребностей человека. Остановимся на данном моменте подробнее.

Одной из важных способностей человека является способность к рефлексии – осмыслению собственной жизни, ее условий, возможностей, целей и т.д. В результате рефлексивного осмысления жизненных процессов происходит их углубленное понимание. Вместе с тем всякое осмысление основных аспектов жизни человека есть одновременно их интерпретация, что предполагает привнесение в социальную картину мира творческих, интерпретативных способностей человека. Данный концепт нашел развернутое отражение в теории социального конструктивизма [7]. Для нас в данном случае ключевое значение имеет то, что интерпретация потребностей предполагает их трансформацию, которая предполагает привнесение в рассмотрение конкретной потребности оценочного и ценностного аспектов, а также формирование представлений о наиболее актуальных путях удовлетворения нужд человека. В результате, например, некая общая потребность может трансформироваться под влиянием культурного аспекта общепринятой ее интерпретации. В частности, например, потребность в признании задает такие распространенные в наше время

тенденции, как стремление к символическому обоснованию собственной значимости через приобретение «элементов престижа» – дорогих гаджетов, брендовой одежды и т.д. Примеры трансформации потребностей под влиянием культурных факторов весьма обширны. Это затрагивает не только стремление к признанию, но и, например, стремление к самоактуализации личности, в протестантской традиции широко связываемое с достижением материального благополучия.

В целом следует отметить, что область социальных ценностей – это трансформированная в культурной среде система приоритетов, связь которой с иерархией потребностей в ряде случаев имеет условный характер. И, напротив, все более распространенной становится ситуация, когда социальные ценности определяют трактовку и оценку области потребностей человека, способствуя выстраиванию определенной их иерархии. Это объясняет, например, такие «контрпримеры» теории Маслоу, как случаи самопожертвования во имя высоких социальных целей. Как отмечает Э. Дюркгейм, в обществах с преобладанием коллективных ценностей добровольный уход из жизни, если он сопряжен с пользой для общества, является нормой [2]. В данном случае имеет место четко выраженный приоритет социального над личным, прописанный на уровне ценностной структуры преобладающего в обществе мировоззрения.

Здесь следует сделать важный вывод, который имеет большое значение для дальнейшего исследования. Культурные факторы (в частности, характер преобладающих ценностей и способ трактовки конкретных потребностей) определяют способ отношения к тем или иным потребностям человека и, соответственно, могут способствовать либо их актуализации, либо, напротив – подавлению. Рассмотренный выше пример культурно

детерминированного подавления стремления к самосохранению наглядно демонстрирует, насколько мощным является влияние культурных факторов в данном случае. Соответственно, мы можем наблюдать ситуации диаметрально противоположного характера в плане актуализации или, напротив, подавления конкретных базовых потребностей человека в зависимости от того, каковы характеристики культуры. Этот аспект имеет значение потому, что уровень удовлетворенности человека не есть статичная величина, которая может быть определена на основании анализа соотношения базовых потребностей человека и его актуальной ситуации. Сами потребности вариативны, и потому при одном и том же уровне качества жизни один человек может быть доволен сложившейся ситуацией, в то время как другой будет испытывать существенный дискомфорт.

Перейдем к такому вопросу, как соотношение потребностей членов общества и характера их удовлетворения, с одной стороны, и социальной напряженности – с другой. Удовлетворение социальных потребностей членов общества имеет фундаментальное значение для формирования у них позитивного отношения к окружающей их социальной ситуации. Вместе с тем, говоря о социальной напряженности, мы подразумеваем момент несоответствия между благоприятным для человека состоянием общества и той ситуацией, которую он наблюдает в действительности. Иными словами – в основе социальной напряженности лежит неудовлетворенность какой-либо потребности человека, которая оценивается им в качестве важной и значимой.

Таким образом, социальная напряженность представляет собой реакцию членов общества на неудовлетворенность их потребностей, связанную с характеристиками общественных процессов. В данном случае следует отметить высокую

степень значимости именно социальной обусловленности неудовлетворительного характера условий существования человека, поскольку зачастую недостаток возможностей к удовлетворению определенных потребностей может быть связан с личностными характеристиками самого человека. Вместе с тем в данном случае следует отдельно обратить внимание на то, что ключевую роль играет не то, какие именно факторы лежат в основе неудовлетворенности человека, а то, каким образом он сам интерпретирует причины неблагоприятной для него ситуации. Этот момент имеет фундаментальное значение. Для иллюстрации его значения следует отметить, что понимание личных оснований неудовлетворительной ситуации является мотивом для повышения индивидуальной активности либо такой ее модификации, которая способствует исправлению ситуации. Как минимум, в данном случае имеет место осознание личной ответственности за те проблемы и сложности, с которыми человеку приходится сталкиваться. Вместе с тем, если причины неудовлетворительного характера ситуации усматриваются во внешней социальной среде, последняя рассматривается в негативном ключе, как основание проблем и затруднений человека.

Здесь мы, собственно говоря, приходим к пониманию того, что социальная напряженность не есть объективная характеристика положения конкретного человека или социальной группы, но, в первую очередь, она представляет собой отношение к социальной реальности, связанное с актуальным для человека или группы представлением о соотношении нормы социального существования и действующей ситуации. В этом плане набор потребностей, в той или иной мере возникающих и имеющих социальную подоплеку, существенно шире, нежели это имеет место в классификации Маслоу. Соответственно, и

спектр возможных форм неудовлетворенности чрезвычайно широк.

Как становится видно, между уровнем удовлетворенности социальных потребностей и социальной напряженностью имеет место тесная взаимосвязь, вместе с тем имеет место еще один значимый фактор, который связан с характером мировоззрения членов общества. Как было уже показано выше, потребности имеют конструируемый характер и, соответственно, обладают существенной вариативностью. Соответственно, рассматривая основания возникновения социальной напряженности, мы должны учитывать как факторы структурного плана (которые определяют характер общественной ситуации), так и факторы социально-феноменологического и культурного плана, определяющие способ социального восприятия членов общества, их мировоззренческие установки, способ самоидентификации, ценности и т.д.

Краткий анализ основных причин возникновения социальной напряженности позволяет выделить два ряда оснований. Первый из них связан с неудовлетворительным состоянием общественной структуры, что может быть выражено в дисфункции важнейших общественных институтов. В такой ситуации основанием социальной напряженности может стать низкий уровень качества жизни, нехватка материальных средств, недостаток или низкое качество медицинских услуг, коррупция в органах власти и т.д. Объединяет все это то, что речь идет о реальных кризисных тенденциях и в целом адекватной реакции на них, свидетельствующей о том, что обществу необходимы конструктивные изменения. Это, в частности, определяет наиболее очевидный путь противодействия социальной напряженности, связанный с преодолением тех структурных нарушений, которые лежат в ее основании. Проблема состоит в том, что далеко не всегда государство обладает

достаточными ресурсами и возможностями для своевременного разрешения противоречий структурного плана. Кроме того, общество не статично – оно непрерывно развивается, естественным результатом чего является множество трансформационных кризисов, связанных с несогласованием различных институциональных сфер в процессе их трансформации. Это та причина, по которой практически в любом обществе присутствует потенциал развития напряженности (с тем важным различием, каковы масштабы негативных явлений, определяющих ее возникновение).

Второе основание социальной напряженности состоит в некорректных социальных запросах, которые не могут быть удовлетворены в имеющихся место социальных условиях, а также в агрессивной оценке социальной ситуации, связанной с излишне жесткой мировоззренческой позицией. Иными словами, от установок мировоззрения членов общества во многом зависит то, принимают они социальную действительность или же испытывают по отношению к ней отторжение.

Рассматривая феномен социальной напряженности, нельзя не обратить внимания на такой аспект, как многообразие форм ее проявления в зависимости от степени осознанности мировоззрения. Социальная напряженность может иметь неосознанный характер – как пассивное недовольство условиями своего существования. Вместе с тем понимание оснований этого недовольства, а также его причин, приводит к существенной актуализации в сознании человека тех проблем социального плана, по причине которых он каким-либо образом ущемлен. Причина состоит в том, что объективация проблемы является важным основанием поиска путей ее разрешения и, в частности, способствует структурированию мыслительного процесса. В случае с социальной напряженностью это означает, что происходит

привлечение внимание к проблемной сфере социальной жизни, что, с одной стороны, повышает уровень недовольства существующим несоответствием, с другой – позволяет выплеснуть накопленный потенциал социальной напряженности в определенном направлении.

Описанный выше принцип позволяет более глубоко понять такой аспект, как проявления социальной деструктивности, связанные с длительным ущемлением интересов конкретного члена общества или группы лиц. При этом следует отметить, что если социальная напряженность – это, скорее, характеристика отношения к ситуации в обществе, то уже реализация конфликтных сценариев предполагает момент персонификации существующих социальных противоречий, иными словами – адресное направление деструктивного потенциала социальной напряженности в определенном направлении. Именно этот механизм делает возможными, например, проявления политического экстремизма, революционную деятельность, национальную нетерпимость и т.д. Очень важно понимать, что в данном случае зачастую имеет место перенаправление социальной напряженности. Последнее связано с тем, что призыв к решительным действиям зачастую направлен вовсе не в сторону трансформации той социальной сферы, которая вызвала исходную неудовлетворенность человека его социальной жизнью. Это

позволяет судить о том, что социальная напряженность также имеет управляемый, конструируемый характер. Именно конструируемый характер социальной напряженности, а также специфика механизмов ее актуализации через обозначение определенных острых социальных проблем, в совокупности определяют возможность деструктивной манипуляции общественным сознанием, направленной на создание и развитие конфликтных сценариев.

Ставя вопрос о том, каковы возможные меры по противодействию росту социальной напряженности, следует отметить, что в данном случае необходимо уделить внимание не только процессу удовлетворения социальных потребностей, но и предпосылкам их формирования. По этой причине важно уделять внимание не только институциональному состоянию общества, но и характеристикам культурных процессов. Также следует отметить, что преодоление предпосылок развития социальной напряженности в существенной мере зависит от характеристик информационно-коммуникативного пространства общества, на уровне которого реализуется освещение различных, в том числе проблемных, аспектов общественной жизни. При этом мы говорим не о необходимости умалчивать о существующих проблемах, но о преодолении практики их деструктивного, искаженного социального восприятия.

Примечания:

1. Нарыков Н.В. К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов // ИСОМ. 2014. № 6-1. С. 295-298.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / под ред. В.А. Базарова. Москва: Мысль, 1994. 399 с.
3. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). Москва: Прогресс, 1966. С. 299-313.
4. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. Москва: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
5. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012: сб. науч. тр. / ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. Москва: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. С. 97-167.

6. Букейханов Н.Р., Гвоздкова С.И., Никишечкин А.П. Иерархия потребностей А. Маслоу и потребность в управлении // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. № 4.

7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Москва: Медиум, 1995.

References:

1. Narykov N.V. On the problem of determination of intensification factors of modern political processes // ISOM. 2014. No. 6-1. P. 295-298.

2. Durkheim E. Suicide: a Study in Sociology / ed. by V.A. Bazarov. Moscow: Mysl, 1994. 399 pp.

3. Merton R.K. Social structure and anomie // Sociology of crime (Modern bourgeois theories). Moscow: Progress, 1966. P. 299-313.

4. Parsons T. System of modern societies / transl. from English by L.A. Sedov, A.D. Kovalyov; ed. by M.S. Kovalyova. Moscow: Aspect Press, 1998. 270 pp.

5. Gofman A.B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration // Sociological Yearbook 2012: coll. of scientific works / ed. by N.E. Pokrovsky, D.V. Efremenko. Moscow: INION RAS; Department of General Sociology of NIU VShE, 2013. P. 97-167.

6. Bukeikhanov N.R., Gvozdkova S.I., Nikishechkin A.P. A. Maslow's hierarchy of needs and the need for management // Russian regions: a look into the future. 2017. No. 4.

7. Berger P., Luckmann Th. The social construction of reality. Moscow: Medium, 1995.

УДК 316.3:316.346.32

ББК 60.55-425

Р 27

Р.А. Рахманин,

аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79181189959, e-mail: alexandr01.87@mail.ru

ДЕВИАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ: АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

(Рецензирована)

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию проблемы девиантного поведения в современном российском обществе, а также рассмотрению социокультурных основ современной системы профилактики в контексте различных методологических подходов.

Автор рассматривает девиантное поведение как социально обусловленное, интегративное явление, процесс формирования которого происходит под воздействием социальной среды.

Анализируя различные теоретико-методологические подходы к рассматриваемой проблематике, автор предположил, что комплексная специфика вопроса обуславливает междисциплинарный характер исследования проблем профилактики отклоняющегося поведения. Он также отмечает, что при анализе социокультурных основ современных механизмов профилактической деятельности следует определить роль культурной составляющей в процессе личностной и правовой социализации. В свою очередь, правовая социализация как форма профилактического воздействия на личность обуславливается, прежде всего, наличием системы духовно-правовых ценностей, представляющих собой правокультурный аспект общественных взаимоотношений, а также эффективностью функционирования институтов социализации, формирующих социальные качества индивида.

В статье также отмечается, что ослабление основополагающих ценностных установок приводит к противоречиям между системой культурных ценностей и различного рода субкультурными тенденциями, что, в свою очередь, обуславливает возникновение девиантных форм поведения.

Таким образом, формирование девиантных практик в современном российском социуме непосредственно связано, прежде всего, с дисфункциональностью процесса социализации, включающего и профилактическую работу государственных институтов, а также правокультурной трансформацией в мировоззрении личности, спровоцированной аномичным состоянием социума.

Ключевые слова: девиантное поведение, личностная социализация, профилактика, правовая социализация, система ценностей, социальная среда.

R.A. Rakhmanin,

PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79181189959, e-mail: alexandr01.87@mail.ru

DEVIATIONS OF BEHAVIOR AS AN OBJECT OF SOCIAL PREVENTION SYSTEM IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: ANALYSIS OF THEORETICAL CONCEPTS

Abstract. The presented article is devoted to the study of the problem of deviant behavior in modern Russian society, as well as to the consideration of the sociocultural foundations of the modern system of prevention, in the context of various methodological approaches. The paper notes that the increasing trend of social deviations arises as a result of the socialization of the individual in a society with an unstable and ideologically non-regulated system of legal and cultural values and moral norms. The author considers deviant behavior as a socially conditioned, integrative phenomenon, the process of formation of which takes place under the influence of the social environment. Analyzing various theoretical and methodological approaches to the subject under consideration, the author suggests that the complex specificity of the issue leads to an interdisciplinary nature of the study of problems of prevention of deviating behavior. He also notes that in analyzing the sociocultural foundations of modern preventive mechanisms, the role of the cultural component in the process of personal and legal socialization should be determined. In turn, legal socialization, as a form of preventive influence on the person, is conditioned, first of all, by the existence of a system of spiritual and legal values, which represent the legal-cultural aspect of social relations, as well as by the effectiveness of the functioning of socialization institutions that form the social qualities of the individual. The article also notes that the weakening of fundamental values leads to contradictions between the system of cultural values and, of various kinds, subcultural trends, which in turn lead to deviant forms of behavior. Consequently, the development of social deviations results from the socialization of the individual in a society with an unsustainable system of legal values and moral norms. Thus, the formation of deviant practices in modern Russian society is directly related, first of all, to the dysfunctionality of the process of socialization, which includes the preventive work of state institutions, as well as to the legal-cultural transformation in the world view of the individual caused by the abnormal state of the society. In this socio-cultural situation, the necessary condition in modeling the modern system of preventive impact should be an increase in the general level of legal culture, and its content not only as a result of social consensus, but also the cultural need of society.

Keywords: deviant behavior, personal socialization, prevention, legal socialization, value system, social environment.

Проводя анализ социокультурных основ современной профилактической деятельности, необходимо, в первую очередь, конкретизировать объект ее воздействия. Современная социология, наряду с другими общегуманитарными науками, определяет основным объектом превенции различного рода девиации. Таким образом, исследование современных основ профилактики, нацеленной на устранение асоциальных проявлений в обществе, неосуществимо без детального рассмотрения теоретических основ изучения девиаций, в том числе и социокультурного плана.

Необходимо констатировать тот факт, что проблематика девиантного поведения имеет междисциплинарный характер, в связи с чем является предметом исследования

специалистов в различных научных областях гуманитарной науки: социологии, педагогики, криминологии, философии, психологии, занимающихся изучением как личностных особенностей девиантов, так и их роли в социальном пространстве.

Изучением проблем девиантного поведения занимались многие исследователи, среди которых следует отметить Ю.М. Антояна, И.П. Башкатова, Л.И. Беляеву, В.Л. Васильева, А.И. Долгову, А.П. Михайлова, Э.Ш. Натанзона, В.Ф. Пирожкова, А.Р. Ратинова и др.

Известно определение, предложенное В.Н. Кудрявцевым. В одной из своих работ он пишет: «Девиантное (отклоняющееся) поведение – поведение, противоречащее принятым в обществе правовым или

нравственным нормам, преступное или аморальное поведение, результат асоциального развития личности, воздействия на нее неблагоприятных социальных ситуаций, совпадение, наложение негативных социальных факторов на «слабые места» личности» [1].

Существует также определение, данное известным исследователем Е.Г. Багреевой в монографии «Социокультурные проблемы в криминологии». В данном научном труде автор пишет: «Отклоняющееся поведение можно определить как форму дезорганизации поведения индивида или категории лиц в обществе, обнаруживающую несоответствие сложившимся ожиданиям, моральным, правовым и культурным требованиям общества» [2].

В то же время многими учеными предпринимались попытки осмысления феномена девиации с применением различных научных подходов, таких как психоаналитический, социально-психологический, культурологический и др.

Так, следует отметить физиологическую теорию Ч. Ломброзо, в которой он отмечал: «...криминальному типу личности свойственны выступающая нижняя челюсть, редкая борода и пониженная чувствительность к боли» [3]. Основатель психоанализа З. Фрейд в своей теории отмечал: «...девиацию вызывают свойственные личности внутренние конфликты» [4].

Таким образом, интегративное свойство проблемы характеризует рассмотрение вопросов профилактики девиаций как междисциплинарное исследование, требующее применение альтернативного подхода к теоретической сущности данной проблематики.

Вместе с тем в рамках исследования социокультурных основ современной системы профилактического воздействия на индивидов, подверженных различного рода девиациям, необходимо провести анализ влияния культурной составляющей

на процесс личностной и правовой социализации.

Необходимо отметить, что профилактическое воздействие процесса правовой социализации обеспечивается такими условиями, как:

- наличие устойчивых духовно-нравственных ориентаций индивида, обуславливающих правокультурную основу жизнедеятельности социума;

- эффективно функционирующие институты социализации, обеспечивающие процесс формирования социальных качеств личности.

Таким образом, отсутствие доминирующей системы ценностей обуславливает конфликт между позитивными культурными установками и разного рода субкультурными тенденциями, что, в свою очередь, приводит к различным социальным отклонениям.

Следовательно, можно констатировать тот факт, что социализация в обществе с неустойчивой системой правокультурных ценностей и моральных норм является одним из главных факторов, влияющих на динамику развития девиаций.

Необходимо также отметить, что изучение основ формирования девиантного поведения социологами советского периода практически отсутствовало ввиду идеологически непримиримого отношения ученых к данному явлению. На современном этапе общественного развития рассмотрение данной проблематики приобрело свою актуальность вследствие значительного влияния девиантных установок на социальное поведение индивидов.

В данном контексте необходимо отметить, что в рамках современной гуманитарной науки сформировалась особая позиция, изучающая основные положения теории социализации как составные части концепции профилактики отклоняющегося поведения в контексте аксиологической теории. Актуальность данного подхода подтверждается концепцией

гуманизации процессов формирующего воздействия.

Основные положения аксиологической концепции предписывают современному социуму конкретизировать выбор критериев в определении ценностных ориентаций, оказывающих непосредственное влияние на позитивное функционирование общества. Следует отметить, что система ценностных ориентаций, основывающаяся на характерных культурно-исторических нормах, в определенные периоды развития социума обуславливает мотивацию индивидов. Эта традиция подкрепляет деятельность сознания, которое оказывает воздействие на процесс самоорганизации личности.

В свою очередь, в советской культурной парадигме формированию условий самоорганизации личности противостоял комплекс искусственно созданных внешних условий, жесткого «формирования» личности по образцу.

В то же время анализ данной проблематики в историческом контексте позволяет констатировать тот факт, что аксиологический подход традиционно закрепился в изучении общих проблем социализации личности под влиянием общей аксиологии, содержащей натуралистические, трансцендентальные, социологические и диалектико-материалистические концепции. В основе данного подхода лежит осознание ценности человеческой жизни, личностного начала в человеке и воспитания как одного из основных средств его развития.

Рассматривая значение ценностного содержания, известный отечественный педагог С.И. Гессен писал: «Личность, не питаемая извне культурным содержанием, останавливается в своем росте, беднеет или теряется в бесплодных попытках элементарной самодельщины. Самобытность подлинной индивидуальности подменяется самобытностью некультурного в своей самоуверенности самоучки» [5].

Необходимо также отметить, что индивид регулярно оказывается в ситуации идеологического осмысления событий, происходящих в процессе его жизнедеятельности, реализации поставленных целей, принятия определенных решений. Вместе с тем процесс взаимодействия личности и социума обусловлен двумя различными подходами: практическим и познавательным. Первый – раскрывает сущность процесса приспособления индивида к различного рода социальным явлениям, а второй – преследует цель познания закономерностей действительности. Функции взаимосвязи между данными подходами осуществляет аксиологическая концепция, состоящая из совокупности теоретических и практических разработок. Данная концепция позволяет как анализировать явления с позиции заложенных в них возможностей удовлетворения потребностей индивидов, так и решать задачи гуманизации общества.

Таким образом, аксиологическая концепция характерна гуманистической теории формирования правопослушной личности в рамках общей социологии, поскольку, согласно данной теории, индивид является высшей ценностью социума. Данная тенденция полностью соответствует современной правокультурной модели построения гражданского общества.

В данном аспекте в основе аксиологической теории лежит задача рассмотрения вопросов формирования правопослушной модели поведения индивида. Следовательно, одной из важнейших целей данной концепции является определение уровня ценностных ориентаций, принципов их формирования и функционирования. Именно данный аспект проблемы личности определяет уровень ее социальной активности, возможности формирования ее творческого потенциала и нравственных начал, направленность сознания на законопослушность, саморазвитие и самореализацию.

Е.В. Бондаревская и С.В. Кульневич в одной из своих работ пишут: «Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием ее полноценного бытия. Наличие множества человеческих потребностей и способов чувствования объясняет существование разнообразия оценок: то, что для одного имеет большую ценность, а для другого – малую или вообще никакой» [6].

Таким образом, можно предположить, что индикатором определения последовательного состояния социальной системы является трансформация ценностей и закрепляющих их на поведенческом уровне норм. Данный подход получил свое развитие в классической социологии, в научных теориях М. Вебера, Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Т. Парсонса.

Следует также отметить, что условия социальной среды, определяющие «культурные универсалии», оказывают определенное воздействие на качественное содержание системы культурных ценностей.

Стабильный социум, динамично развивающий культурно-экономическую сферу, обладает устойчивой системой ценностей и образцов поведения.

На основе проведенного анализа различных научно-теоретических подходов к исследованию проблем предупреждения девиантного поведения можно констатировать тот факт, что изучение социальных отклонений в рамках одной дисциплины не раскрывает их сущности в полном объеме. Развитие девиантных практик в современной социальной системе обуславливает необходимость комплексного анализа проблемы девиантного поведения и его профилактики.

Вместе с тем изучение теоретико-методологических основ механизма воспроизводства различного рода девиаций является необходимым условием для построения эффективной модели профилактики, отвечающей уровню современного состояния данной проблемы.

Примечания:

1. Кудрявцев В.Н. Право как элемент культуры // Право и власть. Москва, 2009. 42 с.
2. Багреева Е.Г. Социокультурные проблемы в криминологии. Москва: ВНИИ МВД России, 2012. 234 с.
3. Михайлов А.П. Девиации поведения несовершеннолетних и молодежи в России: монография / отв. ред. М.Ю. Попов. Москва: РУСАЙНС, 2017. 126 с.
4. Фрейд З. // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Сов. энциклопедия, 1969-1978.
5. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в практическую философию. Москва: Школа-Пресс, 1995. 279 с.
6. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. Москва; Ростов-на-Дону: Учитель, 1999. 407 с.

References:

1. Kudryavtsev V.N. Law as an element of culture // Law and power. Moscow, 2009. 42 pp.
2. Bagreeva E.G. Sociocultural problems in criminology. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 234 pp.
3. Mikhailov A.P. Deviations in the behavior of minors and youth in Russia: a monograph / chief ed. by M.Yu. Popov. Moscow: RUSAINS, 2017. 126 pp.
4. Freud Z. // Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol. / ch. ed. by A.M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1969-1978.
5. Hessen S.I. Fundamentals of Pedagogy. Introduction to practical philosophy. Moscow: School-Press, 1995. 279 pp.
6. Bondarevskaya E.V., Kulnevich S.V. Pedagogy: person in humanistic theories and educational systems. Moscow; Rostov-on-Don: Uchitel, 1999. 407 pp.

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.11-425

Ч-12

В.С. Чагин,

аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184448820, e-mail: chagin-vs@yandex.ru

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ: ОСНОВЫ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

(Рецензирована)

Аннотация. В предложенной статье подробно рассматриваются основные исследовательские подходы к изучению проблемы суицидального поведения подростков и молодежи. Рассматривая такие формы девиаций в молодежной среде, как употребление наркотических и психотропных средств, участие молодежи в незаконных вооруженных формированиях и т.д., автор отмечает, что суицид является наиболее опасной формой девиантного поведения. В его основе лежат как социально-экономические предпосылки, так и психолого-педагогические и социальные факторы. Автор доказывает необходимость использования интегративного подхода при организации эффективной системы превентивной деятельности. На основе анализа отечественной и зарубежной статистики, данных Всемирной организации здравоохранения оценивается деструктивный потенциал суицидального поведения. В статье предложен обобщенный социальный образ молодого человека, проявляющего интерес к суицидальным практикам. В качестве основной причины молодежных суицидов автор выделяет активность социальных сетей, в частности суицидальных игр, таких как «Синий кит», «Момо», «Красная сова» и некоторых других. В статье также отмечается, что свободный доступ к интернет-пространству подавляющего числа современной молодежи значительно усиливает рискогенность данной информационной угрозы, что в значительной степени усиливает необходимость превентивных мер со стороны правоохранительных, образовательных и иных заинтересованных ведомств.

Ключевые слова: девиация, интеракция, молодежь, научная рефлексия, суицид, суицидальное поведение.

V.S. Chagin,

PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184448820, e-mail: chagin-vs@yandex.ru

SUICIDAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS AND YOUNG PEOPLE: THE BASICS OF SCIENTIFIC REFLECTION

Abstract. The proposed article discusses in detail the main research approaches to studying the problem of suicidal behavior of adolescents and young people. Considering such forms of deviance among young people as the use of narcotic and psychotropic drugs, the participation of young people in illegal armed groups, etc., the author notes that suicide is the most dangerous form of deviant behaviour. It is based on both socio-economic prerequisites and psycho-pedagogical and social factors. The author proves the need to use an integrative approach in the organization of effective systems of preventive activities. On the basis of the analysis of domestic and foreign statistics provided by the World Health Organization, the destructive potential of suicidal behaviour is assessed. The article proposes a generalized social

image of a young person taking an interest in suicidal practices. As the main cause of youth suicides, the author identifies the activity of social networks, in particular suicidal games such as “Blue Whale,” Momo, “Red Owl” and some others. The article also notes that free access to the Internet space of an overwhelming number of modern youth significantly increases the risk of this information threat, which greatly increases the need for preventive measures by law enforcement, educational and other interested agencies.

Keywords: deviation, interaction, youth, scientific reflection, suicide, suicidal behavior.

Проблема отклоняющегося поведения членов социума была и продолжает оставаться актуальной для большинства государств современного цивилизационного пространства.

В то же время девиантное (отклоняющееся) поведение, связанное с совершением противоправных действий и асоциальных поступков, входит в число основных проблем социального устройства и привлекает к себе внимание не только государственных институтов правоохранительной направленности, но и всего общества в целом.

Следует отметить, что многочисленные исследования причин девиантных проявлений свидетельствуют о масштабности факторов, формирующих этиологию девиации, включая в себя и такие глобальные характеристики, как экономическое развитие, образовательная состоятельность и культурно-правовая обеспеченность внутренних интеракций членов социального образования.

Изучение значимости каждого из факторов не дает однозначного понимания их первостепенности и приоритетности, а, скорее всего, формирует точку зрения, отстаивающую концепцию о необходимости комплексного (интегративного) подхода к данной проблематике в плоскости ее институциональной постановки.

Вместе с тем определенную сложность составляет отсутствие четкой научной рефлексии в проблеме формирования основных механизмов превентивного влияния на контингент лиц с признаками девиации, поскольку на уровне государственной

идеологии нет, например, понимания того, что же принимать за критерии исправления. А в условиях того, когда противоправное поведение не находит однозначного осуждения в обществе, результативность влияния на проблему значительно снижается.

Не требует отдельного доказательства тот факт, что особую актуальность в общем контексте проблемы влияния на девиантные практики представляет изучение девиации молодежи и подростков. История исследования отклоняющегося поведения данной демографической группы свидетельствует о том, что уже почти два столетия общество целенаправленно изучает механизмы предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних, обозначая данную проблему как одну из главных в гуманитарных исследованиях.

Само понятие молодежи, подростков как исследовательской категории рассматривается в различных научных отраслях, таких как педагогика, психология, социология, философия и т.д.

Анализируя особенности превентивного влияния на представителей данной группы, прежде всего, следует иметь в виду то, что молодежь – это социальная общность, жизнь и деятельность которой характеризуется активным вступлением в самостоятельную систему межличностного и межкультурного взаимодействия, включенностью в иные, ранее не знакомые социальные отношения.

Социологическая энциклопедия дает следующее определение

настоящей категории граждан: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей. Огромную роль играет оценка их места и функции в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей» [1; 172].

В диссертационном исследовании Н.В. Цараховой отмечаются следующие характеристики молодого поколения: «В этот период у молодого человека возникает проблема выбора жизненных ценностей. Юность стремится сформировать внутреннюю позицию по отношению к себе, другим людям, определяется приоритет категорий, таких как добро, зло, честь, достоинство, право, долг» [2]. В силу данных особенностей проблема отклоняющегося поведения именно данной категории граждан и становится наиболее значимой, так как в ее разрешении кроется основа безопасности в государстве в будущем, когда в результате взросления молодые люди станут играть в обществе уже иные социальные роли.

Необходимо констатировать и тот факт, что отклонения молодежи представляют собой довольно разноцветную палитру действий и

поступков, различных как по субъективному восприятию, так и по опасности последствий.

В исследованиях таких отечественных ученых, как Н.М. Григорашенко-Алиева, А.П. Михайлов, С.В. Сергиенко, Т.А. Хагуров, Н.В. Царахова и ряда других, огромное место отведено изучению таких девиаций, как употребление наркотических и психотропных средств, осуществление различного рода хищений, участие молодежи в незаконных вооруженных формированиях и т.д.

В настоящей работе нам бы хотелось исследовать еще одну форму девиантного поведения, оправдано относящуюся к наиболее социально опасным. Речь идет о суицидальных проявлениях в молодежной и подростковой среде.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), указанная проблема в последние несколько десятилетий приобретает особую актуальность. По инициативе ВОЗ был учрежден даже Всемирный день предотвращения самоубийств, который отмечается 10 сентября. По сведениям данной организации, число стран, где были приняты стратегии предотвращения самоубийств, регулярно увеличивается. Как

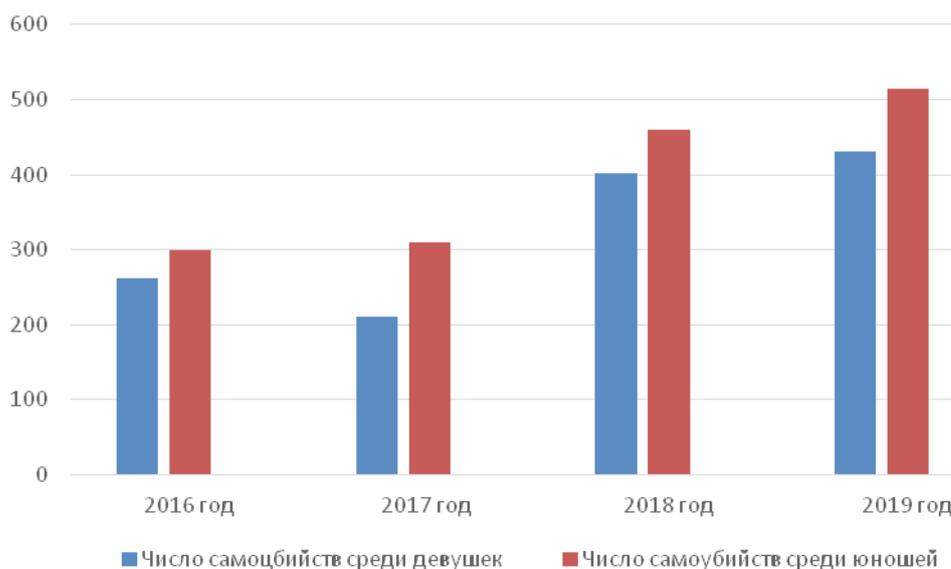

Рисунок 1. Динамика детских и молодежных суицидов

отмечается специалистами ВОЗ, среди молодежи 15-29 лет самоубийство является второй причиной смерти после дорожно-транспортных происшествий [3].

По данным отечественных исследований, Россия по числу самоубийств в среде подростков и молодежи занимает третье место в мире, а средний показатель самоубийств среди данной категории более чем в три раза превышает среднемировой показатель.

Изучение проблемы суицида педагогами и психологами позволяет сделать вывод о том, что основными сопутствующими факторами суицидального поведения являются депрессии и высокий уровень тревожности.

На поле социологической науки проблема суицидального поведения рассмотрена такими исследователями, как О.В. Бойко, Ф.В. Войцех, А.А. Гизатулина, Н.С. Кононенко, Е.Б. Лобов, С.Б. Селезнев, В.А. Солдаткин, В.Н. Тугужекова¹ и рядом других.

¹ Бойко О.В. Охрана психического здоровья: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. Москва: Академия, 2004; Войцех В.Ф. Факторы риска повторных суицидальных попыток // Социальная и клиническая психиатрия. 2002. Т. 12, № 3. С. 14-21; Гизатулина А.А. Социальная природа суицида (теоретические основания методики исследования) // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2012. № 35 (289), вып. 28. С. 73-79; Кононенко Н.С. Проблема суицида в условиях трансформирующегося российского общества // Общество и право. Социологические науки. 2016. С. 275-278; Лобов Е.Б. Суицидальное поведение при соматических и неврологических болезнях // Тюменский медицинский журнал. 2017. Т. 19, № 1. С. 3-23; Селезнев С.Б. К вопросу о суицидальной активности детей и подростков Краснодарского края // Тюменский медицинский журнал. 2014. Т. 16, № 1. С. 18-20; Солдаткин В.А. Суицидологический скрининг: проблема использования психометрических методик // Суицидология. 2015. Т. 6, № 4 (21). С. 40-47; Тугужекова В.Н. Некоторые проблемы суицида в молодежной

Если же на основании изученных работ проанализировать социальный портрет молодого человека, решившего расстаться с жизнью, то, по данным официальной российской статистики, 92% самоубийц – дети из неблагополучных семей, родители которых злоупотребляют алкоголем, а также из семей, где имеют место конфликты, жестокое обращение [4].

Еще одной причиной суицида ученые называют проблему, кроющуюся во взаимоотношениях со сверстниками в условиях образовательных школьных и студенческих коллективов, нежелание педагогов и родителей разбираться в сути данных конфликтов, принимать своевременные меры.

По данным следственного комитета РФ, резкий рост детских и молодежных суицидов произошел в 2018 г. и продолжился в 2019 г., превышая показатели прошлых лет почти на 15%, соответственно (рис. 1) [5].

По мнению Уполномоченного по правам человека при Президенте Российской Федерации А.Ю. Кузнецовой, данная тенденция говорит об отсутствии должного внимания со стороны родителей, образовательных учреждений и государства в целом. А.Ю. Кузнецова в качестве главной причины суицидального поведения подростков выделила отсутствие определенных жизненных целей. Свое мнение она подтвердила, ссылаясь на данные проведенных исследований. К примеру, 44% московских подростков не имеют целей в жизни. Их основные развлечения – это прогулки по городу и времяпровождение в Интернете [6].

В то же время ряд ученых отмечают, что еще одной причиной, добавляющей процент молодежным суицидам, являются социальные сети. В частности, это так среде Хакасии // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: труды по медицинской антропологии / отв. ред. В.И. Харитонова. Москва, 2009.

называемые суицидальные игры, такие как «Синий кит», «Момо», «Красная сова». Данные игры путем манипуляции психикой развивают у молодежи интерес к суицидальным практикам.

Особо следует отметить, что свободный доступ к социальным сетям современной молодежи значительно повышает рискогенность данной информационной угрозы. Данное обстоятельство в значительной степени усиливает необходимость превентивных мер со стороны

правоохранительных, образовательных и иных заинтересованных структур.

Таким образом, причины, вызывающие суицидальное поведение, достаточно глобальны с точки зрения возможности влияния. Данное обстоятельство объясняет необходимость углубленной научной рефлексии с целью дальнейшей разработки государственного подхода к профилактике настоящей девиации, пониманию ключевых факторов и компонентов системы социальной превенции.

Примечания:

1. Социологическая энциклопедия. Москва: Большая Рос. энциклопедия, 2000. 438 с.
2. Царахова Н.В. Наркотизм как форма девиации в молодежной субкультуре: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2017. 149 с.
3. WHO: Mental health: suicide prevention (SUPRE). 2012. URL: http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/suicideprevent/en/index.html.
4. Иванова А.Е., Никитина С.Ю., Семенова В.Г. Смертность российских подростков от самоубийств / ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения». ЮНИСЕФ. Москва, 2011. 131 с.
5. СК: В России растёт число суицидов среди подростков – виноваты СМИ и Интернет. URL: <https://www.fontanka.ru/2018/05/29/090/>.
6. «Крик о помощи»: почему подростки не хотят жить // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/04/25/12321139.shtml>.

References:

1. Sociological Encyclopedia. Moscow: Big Russian Encyclopedia, 2000. 438 pp.
2. Tsarakhova N.V. Narcotism as a form of deviation in youth subculture: a sociological analysis: Diss. for the Cand. of Sociology degree. Maikop, 2017. 149 pp.
3. WHO: Mental health: suicide prevention (SUPRE). 2012. URL: http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/suicideprevent/en/index.html.
4. Ivanova A.E., Nikitina S.Yu., Semyonova V.G. Mortality of Russian teenagers from suicides / FGBU Central Research Institute of Organization and Informatization of Health Care UNICEF. Moscow, 2011. 131 pp.
5. SK. The number of suicides among adolescents is growing in Russia: the media and the Internet are to blame. URL: <https://www.fontanka.ru/2018/05/29/090/>.
6. A cry for help: why teenagers do not want to live // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/04/25/12321139.shtml>.

УДК 316.347:316.334.56 (470.67)

ББК 60.545.1(2Рос,Даг)

Ш 31

М.М. Шахбанова,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, тел.: +79887908151, e-mail: madina2405@mail.ru

З.М. Муртузова,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета, г. Махачкала, тел.: +79882018190, e-mail: nirvana1509@mail.ru

Д.С. Шихалиева,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета, г. Махачкала, тел.: +79896791710, e-mail: anabella.07@bk.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНДИКАТОРЫ ЕЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА

(Рецензирована)

Аннотация. По результатам нашего исследования установлено, что в массовом сознании городского населения превалирует этническая идентичность по типу «нормы», хотя имеет место проявление этноиндифферентности и других негативных типов этнической идентичности. Кроме того, по результатам исследования сделан вывод о том, что этническая идентичность, впрочем, как и иные типы социальной идентичности, выступает важнейшим фактором при оценке социального самочувствия человека. Далее, исследование показывает доминирование в массовом сознании городского населения Дагестана республиканского типа идентичности, на второй позиции располагается российская самоидентификация, третье ранговое место занимает религиозная идентичность, четвертое – поколенческая. При этом для городского населения республики практически малозначимы этническая и городская идентичность, хотя авторская гипотеза базировалась на тезисе о возможном доминировании в установках опрошенных ассоциации именно с жителями своего города, что не подтвердилось результатами социологического опроса. Индикаторами воспроизводства этнической идентичности являются национальный язык, национальные обычаи и традиции, религия, историческое прошлое. Но при этом слабые позиции городской самоидентификации проявляются и через обозначение индикатора «совместная жизнь на данной территории», отмеченного одной пятой частью опрошенных. При этом существенных отличий в определении маркеров этнической идентичности по конкретным городам не выявлено. Далее, менее всего в массовом сознании горожан востребован этноопределитель «национальная одежда, жилище, быт», в сравнении с другими подгруппами, выделяются даргинцы (одна седьмая часть) и кумыки (каждый десятый), обозначившие важность данного признака. Статистически незначимая часть опрошенных считают, что с представителями своей этнической общности их ничего не объединяет, и выделяются здесь

даргинцы, лезгины и кумыки. Кроме того, анализ эмпирического материала по городам выявил существующие отличия – значимость национальных традиций и обычаев при некотором снижении статуса национального языка. Данная позиция обусловлена ослаблением этноязыкового самосознания, соответственно, и языкового поведения городского населения республики. Доминирование русского языка как языка межнациональной коммуникации закономерно способствовало уменьшению значимости и статуса национального языка.

Ключевые слова: типы социальной идентичности, этническая идентичность, городское население, индикаторы воспроизводства этнической идентичности, этноязыковое самосознание.

M.M. Shakhbanova,

Doctor of Sociology, Leading Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, ph.: +79887908151, email: madina2405@mail.ru

Z.M. Murtuzova,

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Daghestan State Technical University, Makhachkala, ph.: +79882018190, e-mail: nirvana1509@mail.ru

D.S. Shikhalieva,

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Daghestan State Technical University, Makhachkala, ph.: +79882018190, e-mail: anabella.07@bk.ru

ETHNIC IDENTITY OF URBAN POPULATION OF DAGHESTAN IN STRUCTURE OF SOCIAL IDENTITY AND INDICATORS OF ITS REPRODUCTION

Abstract. The results of our research show that ethnic identity of the norm type dominates in mass consciousness of urban people, but ethnic indifference and other negative types of ethnic identity are also available. It is inferred that ethnic identity, as well as other types of social identity is an important factor of social well-being of a man. Furthermore, the research demonstrates that the Republic type of identity dominates in mass consciousness of urban people of Daghestan, the Russian identity holds the second position, the religious identity is at the third place, and the generation identity holds the fourth place. Ethnic and urban identity are unimportant for city people of the Republic, although the authors' thesis was based on the idea of possible domination of city identity among respondents but it was not found out by the results of social research. Indicators of generating ethnic identity are national language, national traditions, religion, and historical past. Weak positions of city self-identity are obvious through an indicator “life together at the same territory” marked by the one fifth part of the respondents. There are no differences in defining markers of ethnic identity in concrete cities. Further, least of all in mass consciousness of citizens the ethnodeterminant “national clothes, the dwelling, way of life”, in comparison with other subgroups, is demanded, the Dargins (the one seventh part) and the Kumyks (every tenth) who designated importance of this sign are allocated. Statistically unimportant part of respondents considers that they have nothing in common with representatives of their ethnic community and among them are the Dargins, Lezgins and Kumyks. Besides, the analysis of empirical material in the cities revealed the existing differences – the importance of national traditions and customs at some downgrade of national language. This position is due to the weakening of ethno-linguistic identity, respectively, linguistic behavior of the urban population of the Republic. The dominance of Russian as a language of

inter-ethnic communication has naturally contributed to the decline in the importance and status of the national language.

Keywords: types of social identity, ethnic identity, urban population, indicators of ethnic identity reproduction, ethno-linguistic self-consciousness.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Понятия «этническая идентичность» и «этническое самосознание» в своем становлении проделали большой путь: вначале в рамках советской этнологии и социологии, в последующем – российской этносоциологии. До постперестроечного периода в научном сообществе в основном широкое применение имел термин «этническое/национальное самосознание», причем их рассматривали как синонимичные дефиниции. В определении, используемом в советский период, этническое самосознание включало «не только самоидентификацию, точнее не только как отнесение себя тем или другим лицом к этнической группе...» [1; 67], но имело место и его широкое понимание «это «образ мы», т.е. и этнические стереотипы, и представление о происхождении, историческом прошлом своего народа, о языке, о культуре, территории проживания, и, что принципиально важно, мы включаем в этническое самосознание этнические интересы, то есть осознаваемые людьми потребности своего народа» [1; 67].

В 60-х гг. XX столетия проблема самосознания нашла более широкое рассмотрение не как «национальное», а как «этническое» самосознание, что можно встретить, например, в трудах С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова. В работе «Проблемы происхождения древних и современных народов» Н.Н. Чебоксаровым этническое самосознание включено в число признаков этноса, при этом подчеркнута вторичность этнического самосознания по отношению к основным признакам этнической общности: взаимодействие всех основных признаков этнической общности, «их суммарное влияние на образование и сохранение этнической

общности выражается в виде вторичного фактора, фактора этнического самосознания, который является, в конечном счете, решающим для определения принадлежности к той или иной этнической общности» [2; 748]. С.А. Токарев определил этническое самосознание как соотношение социальных связей, в частности государственной принадлежности, культурного уклада, экономических связей, общности происхождения, языка, территории, религии, на которых может быть основана этническая общность: «исторически обусловленное соотношение между этими видами связи порождает этническое самосознание, посредством которого субъективно определяется в наше время этническая принадлежность того или иного лица, той или иной социальной группы» [3; 53].

В российском научном сообществе существуют противоположные позиции о применении понятий «этническая идентичность» и «этническое самосознание». Например, С.В. Рыжова считает, что «в настоящее время в связи с поляризацией подходов к изучению этничности, выделением примордиалистской, инструменталистской и конструктивистской научных ориентаций более адекватным термином для описания процессов принадлежности и самоотнесения к определенной общности на основе разделяемых языка, культуры, территории, представлений и ценностей становится понятие «этническая идентичность» [4; 16]. Противоположную позицию занимает Э. Александренков с аргументацией, что «среди ряда identities есть и ethnic identity, рассматриваемая как идентификация себя с этнической группой. Такое понимание ethnic identity мало чем отличается от понимания «этнического

самосознания». Различие заключается лишь в понимании «этноса» и «этнической группы». Но оно представляется недостаточным для того, чтобы в русский язык вводить термин «этническая идентичность», если в нем есть почти идентичное понятие «этническое самосознание» [5; 20]. И далее «чувство принадлежности к группе было сформулировано, в конце концов, на английском языке как *ethnic identity* и вполне соответствует русскому «этническому самосознанию» [5; 21]. Поэтому автор считает совершенно справедливой позицию И.Ю. Заринова, по мнению которого «природа этнического феномена настолько сложна и разнообразна, что постижение ее в рамках одной методологической модели просто невозможно. Что касается отечественной теории этноса и западной концепции этничности, то при всей их видимой противоположности они должны иметь точки соприкосновения, так как имеют дело с одним и тем же социальным феноменом, но проявляющимся через различные историко-культурные реалии» [6; 16]. Таким образом, можно утверждать, что вместе с встраиванием в российский научный дискурс западных исследований теорий наций и национализма, пересмотром понятия «национализм» в отечественном научном лексиконе утверждается термин «этническая идентичность», который в содержательном отношении становится преемником понятия «этническое самосознание». По мнению российских исследователей, в целом понятие «этническое самосознание» более релевантно исторической исследовательской парадигме, а термин «этническая идентичность» – социологической и социально-психологической. Изменение исследовательского и методологического фокуса и переход от понятия «этническое самосознание» к понятию «этническая идентичность» сопровождалось изменением наименования объекта исследования и переходом от исследования

«этноса» к исследованию «этнической группы», которая в рамках конструктивистского и инструменталистского подходов определяется субъективным фактом самоотнесения на базе культуры [7; 28].

Характеристика исследования.

Социологический опрос по изучению этнической идентичности городского населения Дагестана проведен методом случайного отбора в 2019 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт. N – 520.

Результаты исследования

Изучение проявления типов социальной идентичности в отечественной этносоциологии проводили сквозь призму материальной культуры, городской архитектуры, ландшафта, придерживаясь позиции, что вышеперечисленные артефакты выступают конструктами этнической, региональной, религиозной, гражданской идентичности, впрочем, как и культурное многообразие и межнациональное согласие. Основанием для такого подхода является то, что «в таком анализе важны именно города, в частности столицы – именно они репрезентируют посыл конструирования идентичностей властью и общественностью, понимание истории и взгляд в будущее, даже если такой посыл не существует в виде оформленных стратегий или дискурса. В этом смысле город – это одно из пространств, где происходит постоянный процесс становления идентичностей» [8; 459]. Исходя из вышесказанного в рамках исследования этнической идентичности городского населения Дагестана важно установление ее места в структуре социальной идентичности (см. табл. 1).

Эмпирические данные показывают доминирование в массовом сознании городского населения Дагестана республиканского типа самоидентификации (больше половины опрошенных). В национальном разрезе выделяются даргинская, лакская, чеченская и лезгинская подгруппы. По сравнению с другими

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете на территории Дагестана?» (варианты ответов даны по группам национальностей, в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Людьми одного поколения	Людьми одной профессии	Гражданами России	Жителями одной республики	Жителями одного города	Людьми одной национальности	Людьми схожего материального достатка	Людьми близких политических взглядов	Людьми одной религии
Аварцы	29,6	4,4	40,7	54,1	5,2	2,2	1,5	2,2	37,8
Даргинцы	23,6	3,4	47,2	64,0	9,0	3,4	3,4	5,6	32,6
Кумыки	36,8	7,0	45,6	35,1	8,8	3,5	3,5	7,0	22,8
Лезгины	24,2	4,4	44,0	57,1	6,6	4,4	1,1	2,2	26,4
Лакцы	19,1	2,1	42,6	61,7	6,4	6,4	0	2,1	34,0
Русские	17,9	10,7	64,3	50,0	17,9	0	0	0	10,7
Чеченцы	18,2	9,1	36,4	63,6	18,2	0	0	9,1	18,2
Другие	28,8	3,4	52,5	61,0	8,5	0	0	3,4	35,6
Всего:	26,7	4,6	45,8	55,8	7,9	2,9	1,5	3,5	30,6

подмассивами, отличаются респонденты-кумыки, доля которых существенно меньше. С заметным отрывом второе ранговое место занимает позиция «российская идентичность», и, по сравнению с другими этническими подгруппами, она заметно выражена у русских (больше половины опрошенных), в остальных подмассивах – каждый второй опрошенный, за исключением кумыков (одна треть). В этой связи уместно привести мнение Л.М. Дробижевой: «термин «российская идентичность» может иметь разное значение в понимании людей. В силу сложившихся исторических традиций в стране это может быть и государственное, и гражданское самосознание. При формировании государственной идентичности волей лидера, политической элитой основные идеи закрепляются в официальных документах, воздействуют на общественное сознание, конструируя лояльность государству, представления о его истории, законах, нормах» [9; 75]. Далее,

религиозная самоидентификация характерна каждому третьему опрошенному, как по всему массиву, так и в подгруппе аварцев, даргинцев и лакцев; по сравнению с другими опрошенными, меньше всего обозначающих важность вероисповедания – в подмассиве русских (одна девятая часть). Вместе с тем для одной четвертой части горожан важна поколенческая идентичность, и больше всего акцентирующая внимание на данной позиции среди кумыков (одна треть). При этом обращает на себя внимание и тот фактор, что только каждый тринадцатый опрошенный по всему массиву на территории Дагестана ощущает свою близость с жителями своего города, т.е. эмпирические данные показывают слабую выраженность городской идентичности. Если посмотреть результаты исследования по городам, то вырисовывается следующая картина: городская идентичность в массовом сознании жителей Хасавюрта (7,5%), Дербента (7,4%), Махачкалы (7,1%) демонстрирует свою

невостребованность, хотя заметно лучше ситуация с каспийчанами, почти в 2 раза большая доля которых обозначает общность с жителями своего города (13,6%). Кроме того, очень слабо проявляет себя этническая идентичность, как по всему массиву опрошенных, так и по месту проведения исследования (1,7%, 2,4%, 4,5% и 5,6% по Каспийску, Махачкале, Хасавюрту и Дербенту, соответственно), причем она пропускает вперед политическую самоидентификацию. Полученные данные исследования, констатирующие незначимость для респондентов этнической самоидентификации, позволяют отметить, что «есть все основания утверждать, что для мегаполиса характерно преобладание этничности неявно выраженной, ситуативной, фрагментарной, диффузной, презентационной. Мегаполис мультикультурен, полиэтничен, этничность населения здесь, очевидно, преобразуется (почти «снимается») универсальными надэтническими

стилями поведения, городским образом жизни, её «неторопливость» и «несуетливость» – стремительным темпоритмом городской жизни, её эстетика – постмодернистской безграничностью самовыражения, её самодостаточность – непрерывной изменчивостью, бесконечными трансформациями и гонкой за новизной» [10; 93].

Установление доминирующего типа социальной идентичности в массовом сознании городского населения республики закономерно предполагает выявление индикаторов воспроизводства этнической идентичности, хотя полученные результаты исследования показывают ее слабые позиции (см. табл. 2).

Полученные данные исследования показывают, что ключевым маркером воспроизводства этнической идентичности для подавляющей части респондентов является национальный язык; по этнической принадлежности заметно выделяется подмассив аварцев, хотя и в других

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?» (варианты ответов даны по группам национальностей, в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Национальный (родной) язык	Национальные традиции и обычаи	Совместная жизнь на данной территории	Религия	Национальная литература, народное творчество	Национальная одежда, жилище, быт	Историческая территория моего народа	Общность характера, схожесть поведения	Историческое прошлое	Ничего не объединяет
Аварцы	72,6	62,2	25,9	49,6	15,6	8,1	13,3	15,6	27,4	0,7
Даргинцы	65,2	61,8	21,3	41,6	16,9	13,5	25,8	15,7	28,1	2,2
Кумыки	54,4	56,1	31,6	40,4	12,3	10,5	21,1	17,5	33,3	1,8
Лезгины	68,1	62,6	20,9	31,9	17,6	9,9	24,2	12,1	24,2	3,3
Лакцы	51,1	51,1	17,0	42,6	17,0	8,5	25,5	17,0	27,7	0
Русские	67,9	46,4	25,0	25,0	21,4	3,6	7,1	14,3	39,3	0
Чеченцы	55,5	63,6	27,3	45,5	9,1	0	18,2	27,3	45,5	0
Другие	59,3	71,2	20,3	40,7	11,9	13,6	16,9	10,2	22,9	3,4
Всего:	64,2	60,6	23,5	41,0	16,0	10,0	19,6	15,2	29,6	1,7

этнических подгруппах высока доля выбравших данный маркер, за исключением лакцев (чуть больше половины опрошенных). Если посмотреть эмпирические данные по городам, то данный индикатор отмечен 69,5% опрошенных каспийчан, 68,5% дербентцев, 64,7% махачкалинцев и существенно меньше доля таковых в подгруппе жителей Хасавюрта (53,7%). Анализ по образовательному признаку показывает увеличение доли респондентов, подчеркивающих важность национального языка с повышением образовательного статуса: 65,1% со средним, 55,7% средним специальным и 67,3% высшим образованием.

На второй позиции располагается этноопределитель «национальные традиции и обычаи» как маркер выражения этнической идентичности, отмеченный большей частью опрошенных жителей Дербента (72,2%), Махачкалы (60,3%), Каспийска (57,6%) и Хасавюрта (55,2%). Можно обратить внимание на то, что доля отметивших важность этнокультурных компонентов в воспроизводстве этнической идентичности городского населения Дагестана заметно больше, по сравнению с выбравшими национальный язык своей этнической общности. С заметным отрывом третье ранговое место занимает идентификатор «религия», причем указавших на его важность больше в подмассиве аварцев и заметно меньше в подгруппе лезгин (каждый третий) и русских (одна четвертая часть). Ответы по городам распределились следующим образом: 40,6% махачкалинцев, 53,7% хасавюртовцев, 39,0% каспийчан и 29,6% дербентцев обозначили значимость вероисповедания в процессе самоидентификации. Однако можно констатировать, что с повышением образовательного уровня наблюдается снижение количества респондентов, обозначающих значимость религиозного фактора в структуре этнической идентичности. Одна треть респондентов по всему массиву одним

из ключевых маркеров считает историческое прошлое, и по этнической принадлежности выделяются подгруппы чеченцев и русских. По городам данный вариант ответа выбрали 31,8% махачкалинцев, 31,5% дербентцев, 23,9% хасавюртовцев и 22,0% каспийчан. Далее, территория проживания важна для одной четвертой части по всему массиву: 32,2% жителей Каспийска, 23,5% Махачкалы, 19,4% Хасавюрта и 18,5% Дербента. По мнению автора, неостребованность для респондентов территориального признака как параметра этнической идентичности обусловлено слабой выраженностью городского типа идентичности у опрошенных, хотя была выдвинута гипотеза о возможном доминировании именно городского типа самоидентификации, что результатами исследования не подтвердилось. Далее, для городского населения республики, по сравнению с другими идентификаторами, не очень важен и другой признак воспроизводства этнической идентичности – «историческая территория моего народа». По этнической принадлежности данный маркер значим для одной четвертой части даргинцев, лезгин и лакцев, и меньше всего выбравших его – в подмассиве русских (каждый четырнадцатый опрошенный). Анализ результатов исследования по образовательному признаку показывает его актуализацию по мере повышения образовательного уровня – с 15,5% имеющих среднее образование до 25,7% респондентов с высшим образованием. Анализ в возрастном разрезе констатирует, что для взрослого поколения старше 30 лет определенное значение имеет территория проживания своей этнической общности: 21,7% – от 30 до 40 лет, 23,7% – от 40 до 50 лет, 24,1% – от 50 до 60 лет, 20,5% – от 60 лет и выше против 14,0% в когорте до 20 лет и 18,5% – от 20 до 30 лет. Духовная культура, воплощенная в национальной литературе, народном творчестве, важна

для одной пятой части опрошенных в подмассиве русских, каждому шестому – в подгруппе аварцев, лезгин и лакцев. По социально-демографическому признаку данное суждение ближе 18,4% респондентов с высшим образованием и возрастной когорте от 50 до 60 лет (25,9%). По этнической принадлежности на важность психолого-эмоциональной компоненты указывает одна пятая часть чеченцев, каждый шестой в подгруппе аварцев, даргинцев, кумыков и лакцев, одна седьмая часть русских. Менее всего для респондентов значим индикатор «национальная одежда, жилище, быт», в сравнении с другими подгруппами, выделяются даргинцы (одна седьмая часть) и кумыки (каждый десятый), обозначившие важность данного признака. Статистически незначимая часть опрошенных считает, что с представителями своей этнической общности их ничего не объединяет, и выделяются здесь даргинцы, лезгины и кумыки.

Таким образом, полученные эмпирические данные показывают, что ключевыми индикаторами воспроизводства этнической идентичности городского населения Дагестана являются «национальный язык», «национальные традиции и обычаи» и «религия». При этом анализ полученного материала по городам выявил наличие определенных отличий – значимость национальных традиций и обычаев при некотором снижении статуса национального языка. По мнению автора, такая позиция обусловлена ослаблением этноязыкового самосознания, соответственно, и языкового поведения респондентов. Доминирование русского языка как языка межнациональной коммуникации закономерно способствовало уменьшению значимости национального языка в рамках городского пространства Дагестана.

Далее, в авторских исследованиях неоднократно было отмечено, что для дагестанских народов

характерно сращивание национального и конфессионального компонентов, что и обуславливает значимость исповедуемого вероучения в процессе воспроизводства их этнической идентичности. Определенное значение при обозначении элементов этнической идентичности имеет образовательный статус респондентов – чем он выше, тем активнее востребованность в массовом сознании того или иного идентификатора. Кроме того, результаты исследования показывают, что невостребованность для опрошенных городского типа социальной идентичности способствует слабости позиций маркера «совместная территория проживания» в массовом сознании горожан. В то же время для опрошенных важное значение имеет историческое прошлое своей этнической общности, соответственно, и историческая территория проживания.

Несмотря на то, что национальный язык является ключевым параметром воспроизводства этнической идентичности в городском пространстве Дагестана, в ответах на «контрольный вопрос», измеряющий осознанность принадлежности респондентов к своей этнической группе, можно проследить существенное уменьшение его значимости в установках горожан (см. табл. 3).

Данные авторского социологического опроса показывают, что для каждого второго опрошенного по всему массиву осознание принадлежности к своему народу заключается в знании и соблюдении национальных традиций и обычаев своего народа. По этнической принадлежности значимость данного фактора подчеркнута одной второй частью кумыков, даргинцев, лезгин и чеченцев, каждым третьим в подмассиве аварцев, лакцев и русских. Если посмотреть результаты исследования по городам, то важность знания и соблюдения этнокультурных традиций и обычаев своей этнической общности обозначена в позициях 51,9% опрошенных

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас значит быть представителем своего народа?» (варианты ответов даны по группам национальностей, в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Знать национальный язык своего народа	Знать и соблюдать национальные традиции и обычаи своего народа	Быть сопричастным своему народу и его национальной культуре	Защищать национальные интересы своего народа
Аварцы	20,0	36,3	23,0	21,5
Даргинцы	13,5	42,7	36,0	10,1
Кумыки	17,5	45,6	22,8	8,8
Лезгины	19,8	44,0	23,1	13,2
Лакцы	21,3	36,2	23,4	21,3
Русские	17,9	32,1	39,3	14,3
Чеченцы	18,2	45,5	27,3	0
Другие	13,6	50,8	20,3	15,3
Всего:	17,7	41,3	26,0	15,2

дербентцев, 42,4% махачкалинцев, 37,3% хасавюртовцев и 30,5% каспийчан. Однако с повышением образовательного уровня снижается доля разделяющих данную позицию с 46,5% имеющих среднее образование до 38,6% с высшим образованием. Такая же картина прослеживается и по возрастному разрезу: 54,0% опрошенных до 20 лет, 38,5% – от 20 до 30 лет, 39,1% – от 30 до 40 лет, 39,5% – от 40 до 50 лет, 37,0% – от 50 до 60 лет, 38,5% – от 60 лет и выше считают, что сущность утверждения «быть представителем своего народа» состоит в знании этнокультуры своего народа.

Одна четвертая часть горожан обозначает важность ощущать сопричастность со своей этнической группой и ее культурой. В национальном разрезе данный вариант ответа разделяет одна треть опрошенных в подгруппе русского и даргинского населения, каждый четвертый из подмассива чеченцев, лезгин, лакцев и аварцев. Доля обозначающих важность осознания приобщенности к своему народу повышается с возрастом и уровнем образования:

18,0% – до 20 лет, 27,7% – от 20 до 30 лет, 26,1% – от 30 до 40 лет, 28,9% – от 40 до 50 лет, 37,0% – от 50 до 60 лет, 20,5% – от 60 лет и выше, 20,2% со средним, 20,0% средним специальным и 31,6% высшим образованием. Данный вариант отмечен 28,8% опрошенных каспийчан, 26,5% махачкалинцев, 23,9% хасавюртовцев и 22,2% дербентцев.

Далее полученные эмпирические данные констатируют слабое языковое самосознание горожан, хотя можно выделить одну пятую часть аварцев и лакцев, указавших на него. По социально-демографическим параметрам, а также по месту проживания, данное суждение разделяют 15,5% опрошенных со средним, 22,6% средним специальным, 16,9% высшим образованием, 14,0% – до 20 лет, 17,7% – от 20 до 30 лет, 21,7% – от 30 до 40 лет, 17,1% – от 40 до 50 лет, 13,0% – от 50 до 60 лет и 17,9% – от 60 лет и выше, 28,8% жителей Каспийска, 18,2% – Махачкалы, 11,1% – Дербента и 10,2% – Хасавюрта. Иными словами, сделанный ранее вывод о снижении значимости национального языка для

горожан подтверждается данными, полученными на «контрольный вопрос»: «Что для Вас значит быть представителем своего народа?».

Для одной седьмой части опрошенных суть утверждения «быть представителем своего народа» заключается в ориентации защищать национальные интересы своего народа, и выделяются здесь аварцы и лакцы (одна пятая часть), доля в остальных подгруппах заметно ниже. По образовательному признаку на необходимость отстаивать этнические интересы своей группы указывает сравнительно большая часть респондентов со средним образованием (17,8%) в противовес опрошенным со средним специальным и высшим образованием – 15,7% и 13,2%, соответственно. Результаты опроса по месту проживания показывают, что необходимость защищать национальные интересы своего народа обозначена 22,4% хасавюртовцев, 16,7% дербентцев, 14,4% махачкалинцев и заметно меньшей долей каспийчан (10,2%).

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о наличии сложных этноязыковых

процессов в городском пространстве Дагестана, более того, показывающих сложное этническое поведение и разные подходы при обозначении индикаторов воспроизводства этнической идентичности. Осознание принадлежности к своей этнической общности заключается в знании национальной культуры своего народа, сопровождающемся ощущением сопричастности к нему, но при этом опрошенными важность владения национальным языком отодвигается на вторую позицию, впрочем, как и необходимость защиты и отстаивания национальных интересов своей этнической группы.

Установление маркеров воспроизводства этнической идентичности, а также понимание своей этнической принадлежности, предполагает выявление признаков, которые могут сыграть ключевую роль при определении этнической принадлежности человека, поэтому в рамках данного исследования респондентам был задан «контрольный вопрос», позволяющий глубже изучить значимость этнической идентичности в массовом сознании горожан (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, необходимо учитывать, в первую очередь, при определении национальности человека?»

(варианты ответов даны по группам национальностей, в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Национальный язык	Национальность отца	Национальность матери	Самосознание человека	Особенности поведения, мышления
Аварцы	25,9	31,9	3,0	31,1	8,9
Даргинцы	25,8	33,7	0	28,1	15,7
Кумыки	19,3	28,1	1,8	35,1	12,3
Лезгины	25,3	27,5	4,4	29,7	13,2
Лакцы	40,4	25,5	6,4	19,1	6,4
Русские	0	28,6	0	53,6	14,3
Чеченцы	27,3	36,4	0	27,3	18,2
Другие	25,4	32,2	0	30,5	13,6
Всего:	25,0	30,2	2,3	30,8	12,1

В идентификационных процессах для горожан республики ключевыми признаками при определении национальной принадлежности человека с несущественным разрывом выступают два индикатора – национальность отца и самосознание человека (к какому народу он себя относит) (одна треть опрошенных по всему массиву). Первое суждение, по сравнению с другими этническими подгруппами, важно опрошенным чеченцам (одна треть), второе выбрали больше половины респондентов из подмассива русского населения. Если посмотреть результаты исследования по месту проживания, то самосознание человека (к какому народу он себя относит) как признак, на основе которого определяется национальная принадлежность человека, отмечено 40,7% опрошенных жителей Дербента, 30,3% – Махачкалы, 28,4% – Хасавюрта и 27,1% – Каспийска. По социально-демографическим признакам на его значимость обратили внимание 31,8% респондентов со средним, 23,5% средним специальным, 32,4% высшим образованием, т.е. с повышением образовательного уровня увеличивается доля опрошенных, разделяющих данную позицию, хотя по возрастным когортам можно наблюдать волнообразность: 34,0% – до 20 лет, 26,2% – от 20 до 30 лет, 25,2% – от 30 до 40 лет, 31,6% – от 40 до 50 лет, 46,3% – от 50 до 60 лет и 33,3% – от 60 лет и выше.

Важность национального языка при определении этнической принадлежности человека обозначена у 18,6% респондентов со средним, 24,3% средним специальным, 28,7% высшим образованием, 23,1% – до 20 лет, 24,6% – от 20 до 30 лет, 31,3% – от 30 до 40 лет, 22,4% – от 40 до 50 лет, 18,5% – от 50 до 60 лет, 25,6% – от 60 лет и выше. Конкретно по городам данную позицию разделяют 32,2% каспийчан, 27,4% махачкалинцев и существенно меньшая часть жителей Хасавюрта (16,4%) и Дербента (13,0%).

Ранее было отмечено, что позиции национального языка заметно ослаблены, что вполне объяснимо характерными для городского пространства этноязыковыми процессами, снижением языкового самосознания, соответственно, ухудшением языкового поведения. Известно, что использование родного языка даже в такой закрытой среде, как семья, не распространено по целому ряду причин, среди которых, во-первых, плохой уровень владения национальным языком у родителей, соответственно, они не могут поддерживать внутрисемейное общение на языке своей этнической общности, следовательно, и передать своим детям знания; во-вторых, что очень актуально на современном этапе развития дагестанского общества, наблюдается сужение сфер применения национального языка. Обучение в школах родным языкам носит формальный характер – ни сами дети, ни их родители не заинтересованы в глубоком владении национальным языком своего народа, ибо, как неоднократно было отмечено, область использования национального языка очень маленькая. Видимо, снижение языкового сознания и языкового поведения в дальнейшем неуклонно будет продолжаться, и половинчатые меры в языковой сфере вряд ли способны поменять ситуацию в лучшую сторону, особенно в городском пространстве, которое, как правило, полиэтнично.

Примечательно, что суждение «особенности поведения, мышления» отмечено небольшой долей респондентов (одна восьмая часть), по этнической принадлежности таковых еще меньше в подгруппе аварцев (каждый одиннадцатый опрошенный) и лакцев (одна шестнадцатая часть), больше – в подмассиве чеченцев (одна пятая часть). По образовательному и возрастному параметрам данный вариант отмечен 12,4% опрошенных со средним, 13,0% средним специальным, 11,8% высшим образованием, 11,0%

– до 20 лет, 14,6% – от 20 до 30 лет, 13,0% – от 30 до 40 лет, 9,2% – от 40 до 50 лет, 14,8% – от 50 до 60 лет, 5,1% – от 60 лет и выше. Доля жителей Каспийска, разделяющих данное суждение, составила 10,2%, Дербента – 11,1%, Махачкалы – 11,5% и 17,9% – Хасавюрта.

Заключение

Таким образом, полученные результаты исследования являются основанием для вывода, что в массовом сознании городского населения Дагестана с большим отрывом доминирует республиканский тип социальной идентичности, при слабом проявлении значимости этнической идентичности. Многообразии социальных групп и общностей и их отличие друг от друга могут быть выявлены на основе разных критериев (гендерная, этническая, возрастная, религиозная, профессиональная принадлежность, место рождения и проживания, образование, политические взгляды т.д.), поэтому можно утверждать, что «по этим основаниям каждый человек осознанно идентифицируется с представителями социальных групп по возрасту, религии, территории проживания, этносу и т.п. Результатом отождествления с другими людьми и группами является идентичность» [11; 53].

В общественном сознании горожан огромную роль играют индикаторы воспроизводства этнической идентичности, среди которых

следует отметить национальный язык, национальные традиции и обычаи, религию и т.д. Однако полученные на «контрольные вопросы» результаты исследования показывают ослабленность языкового самосознания и языкового поведения городского населения, невостребованность массовым сознанием языка своей этнической общности в определении национальной принадлежности человека, впрочем, как и в процессе осознания своей этнической принадлежности. Выявленные деструктивные процессы могут иметь негативные последствия для этнической общности и могут проявить себя как в утрате национального языка, так и потере связи с представителями своего народа. Кроме того, исследование показало отсутствие значимости для опрошенных городского типа самоидентификации, что также свидетельствует о негативных тенденциях, ибо слабая связь с жителями своего города, территории проживания вряд ли позволит сформировать сознание городского человека, соответственно, городскую культуру, стремление улучшить свое проживание в городской среде, ценить историю города, его символы, исторические памятники и т.д. А такие тенденции способствуют формированию в массовом сознании неуважительного отношения к окружающей городской действительности.

Примечания:

1. Дробижева Л.М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX в. (в конце 60-х – нач. 90-х гг.) // Духовная культура и этническое самосознание. Москва, 1991. С. 65-82.

2. Чебоксаров Н.Н. Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме) // Труды VII МКАЭН. Т. V. Москва, 1970. 748 с.

3. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 49-52.

4. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. Москва: Альфа-М, 2011. 278 с.

5. Александренков Э. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 13-22.

6. Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 3-18.

7. Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Москва: Московский центр Карнеги, 1997. С. 15-43.

8. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: монография / отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

9. Дробижева Л.М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 74-84.

10. Набок И.Л., Малышева Е.В. Метаморфозы этничности в жизненном пространстве современного мегаполиса // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 90-94.

11. Овчар Н.А. Этническая идентичность как фактор социального самочувствия жителей российских городов (на примере Волгограда) (по результатам прикладного исследования) // Социология города. 2017. № 4. С. 53-57.

References:

1. Drobizheva L.M. Ethnic and historical identity of the peoples of the USSR at the turn of the last decade of the 20th century (in the late 60s – early 90s) // *Spiritual culture and ethnic identity*. Moscow, 1991. P. 65-82.

2. Cheboksarov N.N. Problems of the origin of ancient and modern peoples (opening speech at the symposium) // *Proceedings of the 7th MKAEN*. Vol. V. Moscow, 1970. 748 pp.

3. Tokarev S.A. Problem of types of ethnic communities (on the methodological problems of ethnography) // *Problems of Philosophy*. 1964. No. 11. P. 49-52.

4. Ryzhova S.V. Ethnic identity in the context of tolerance. Moscow: Alfa-M, 2011. 278 pp.

5. Alexandrenkov E. “Ethnic self-consciousness” or “ethnic identity” // *Ethnographic review*. 1996. No. 3. P. 13-22.

6. Zarinov I.Yu. Time to look for a common language (the problem of integration of various ethnic theories and concepts) // *Ethnographic Review*. 2000. No. 2. P. 3-18.

7. Tishkov V.A. Identity and cultural boundaries // *Identity and conflict in post-Soviet states*. Moscow: Carnegie Moscow Center, 1997. P. 15-43.

8. Interethnic harmony in all-Russian and regional dimension. Socio-cultural and religious contexts: a monograph / executive ed. by L.M. Drobizhev. Moscow: FNIStS RAS, 2018. 552 pp.

9. Drobizheva L.M. Russian identity: integration factors and development problems // *Sociological Science and Social Practice*. 2013. No. 1. P. 74-84.

10. Nabok I.L., Malysheva E.V. Metamorphoses of ethnicity in the living space of a modern metropolis // *Society. Environment. Development*. 2016. No. 4. P. 90-94.

11. Ovchar N.A. Ethnic identity as a factor in the social well-being of residents of Russian cities (based on Volgograd) (the results of applied research) // *Sociology of the city*. 2017. No. 4. P. 53-57.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.74:80
ББК 60.562.5
К 64

А.А. Коноплева,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь, тел.: +79788235330, e-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТИКО-ДИНАМИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЯЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТА КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

(Рецензирована)

Аннотация. Традиционно сложилось представление о том, что язык выполняет вспомогательную функцию по отношению к культуре, выступая инструментом общения. Однако в наши дни на фоне усложнения культуры и расширения сфер социальных взаимодействий его функции трансформируются и нередко касаются тех граней, где язык становится центральной проблемой культуры, а его сохранение напрямую влияет на развитие культуры. Целью данной статьи является рассмотрение статико-динамических свойств языка в контексте его современных функций. Реализация данной цели требует решения следующих задач: рассмотреть изменение роли языка, произошедшее в наши дни; изучить базовые признаки статичных элементов; определить особенности динамичных свойств языка. Объектом изучения является язык как неотъемлемая часть культуры, предметом – диалектическая взаимосвязь статичных и динамичных элементов языка. В результате анализа выделены статичные и динамичные признаки, а также установлено, что в нынешних реалиях целенаправленное изменение языка не может быть реализовано. В свою очередь, характер актуальных факторов влияния свидетельствует о незначительных изменениях, демонстрирующих жизнеспособность языка.

Ключевые слова: язык, культура, статичные элементы, динамичные элементы, жизнеспособность языка.

А.А. Konoplyova,

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Humanities and Social-Economic Disciplines, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Simferopol, ph.: +79788235330, e-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com

IMPLEMENTATION OF THE STATIC-DYNAMIC LANGUAGE PROPERTIES AS A CULTURE ELEMENT IN THE CONDITIONS OF ITS MODERN FUNCTIONAL TRANSFORMATIONS

Abstract. Traditionally, there is an idea that language has an auxiliary function in relation to culture, acting as a communication tool. However, these days, against

the backdrop of the increasing complexity of culture and the expansion of areas of social interactions, its functions are being transformed and often relate to those facets where language becomes the central problem of culture and its preservation directly affects the development of culture. The purpose of this article is to consider the static-dynamic properties of a language in the context of its modern functions. Realization of this goal requires solving the following tasks: to consider the change in the role of language that has occurred in our days; to study the signs of static elements; identify features of the dynamic properties of the language. The object of study is the language as an integral part of culture, the subject is the dialectical relationship of the static and dynamic elements of the language. As a result of the analysis, static and dynamic signs were identified, and it was also established that in the current realities, a purposeful change in language cannot be realized. In turn, the nature of the relevant influence factors shows minor changes, indicating the viability of the language.

Keywords: language, culture, static elements, dynamic elements, vitality of the language.

Невзирая на попытки точечного рассмотрения прикладной культурологией отдельных характеристик и свойств культуры, трансформации в мировоззрении современного поколения все же доказывают необходимость своевременного применения комплексного подхода, способного изучить существующие тенденции динамичного развития культуры, объясняя их природу и перспективы, базовые принципы, а главное – позволяя взглянуть на культуру как систему. Динамика становится основанием для раскрытия рассматриваемого феномена, обнаружения его постоянных и переменных элементов, а значит – понимания сущности. Применяя данный подход в культурологическом смысле, можно изучить встроенную в культуру традиционную систему и идентифицировать набор подвижных элементов, приводящих систему в движение, что делает культуру актуальной и способствует ее развитию.

Одним из наиболее интересных, с точки зрения динамики, элементов культуры является язык. Язык, составляя неотъемлемую и, в некотором смысле, системообразующую часть культуры, остро реагирует на различные социальные изменения. Это обусловлено тем, что, будучи ядром культуры, закрепляя культурный фундамент, сконцентрированный в традициях и нормах,

язык еще и является зеркалом эпохи, отражая и впитывая ключевые события и тенденции. Именно поэтому все изменения, происходящие с языком, не возникают случайно, скорее, представляя вполне оправданную и рационально объяснимую тенденцию.

В современном обществе также происходят трансформации, связанные с одновременным упрощением и нагромождением языка, проникновением в его национальную природу новых универсальных форм, большого числа заимствований, и в целом отмечается повышение степени подверженности иностранному влиянию. Вместе с тем появляется и потребность изучения исконно русских слов, самый яркий пример – характерное для наших дней возрождение моды на детские имена, уходящие своими корнями в историю. В условиях нынешней противоречивой эпохи вновь возникает необходимость объяснения культурологических оснований таких тенденций с целью выдвижения гипотезы не только относительно возможных перспектив развития языка, но и уточнения его стабилизирующих характеристик.

Традиционно не только в культурологии, философии, но даже в лингвистике и других науках, занимающихся углубленным изучением сущности языка и его значения,

сложилось представление о вспомогательной роли языка по отношению к культуре. Российский лингвист А.Д. Шмелев, описывая функциональное значение языка по отношению к культуре, отмечает его «обслуживающий» характер [1; 39-40], настаивая на выполнении языком широкого спектра функций, направленных на актуализацию выразительных языковых свойств. Однако вспомогательную функцию языка в качестве центральной стали рассматривать относительно недавно, еще в первой половине XX в. Г. Хойджер подчеркивал ключевую роль языка в культуре [2; 11]. Возможно, с этим и связано хранение языковых традиций и норм, которые не осмеливались нарушать до эпохи модернизма.

Кроме того, исторические факты, свидетельствующие, что «слуга» может стать причиной конфликтов, наталкивают на мысль о том, что функции языка исторически претерпели серьезные трансформации, и на сегодняшний день язык воспринимается не только как средство коммуникации. При стечении ряда обстоятельств язык становится целью. Такие тенденции характерны, к примеру, для малочисленных или исчезающих народов, претерпевающих ассимиляцию, в период кризисных ситуаций или даже появления угрозы исчезновения языка и культуры, частью которой он является. В таком случае формирование и сохранение рассматриваются как первостепенная цель.

Наибольший интерес в среде крымских культурологов в последние десятилетия вызывает культура малых этносов [3], к которым, в числе прочих, относится культура одного из коренных народов Крыма – крымчаков, возникшая на пересечении еврейской и тюркской культур. Крымчаки входят в число самых малочисленных народов России, что обусловлено, скорее, искусственными факторами. Народ изначально отличался замкнутостью культуры, препятствуя возможности широкого

распространения своих традиций. Ситуацию усугубило истребление крымчаков нацистами в годы Великой Отечественной войны, которое обернулось заметным снижением численности народа. В дальнейшем число крымчаков, начиная с XX века, стремительно сокращалось, и в наши дни численность этноса измеряется сотнями. В то время как продолжение рода без инцеста стало практически невозможным, сохранение народа могло осуществляться только посредством языка и материальной культуры. В апреле 2019 г. ушел из жизни последний носитель крымчакского языка, что воспринимается исследователями как шаг к забвению всего народа и его культуры. Очевидно, что написанные Д. Реби за всю жизнь учебники и справочники по крымчакскому языку вряд ли смогут значительно продлить культурную память.

Аргументированность в пользу повышения значимости языка усиливается примерами из современных социальных и политических отношений, в которых зачастую к языку обращаются в процессе решения целого комплекса гуманитарных проблем. К сожалению, некоторые языковые конфликты приобретают искусственный или даже спекулятивный характер. Однако живая реакция народа на попытки ограничить распространение языка, а также общая тенденция к стремлению сохранить язык как культурную память не только говорят о расширении функций языка, но и свидетельствуют о понимании носителями его современного значения.

История формирования и развития любого языка, возникшего естественным путем и ныне находящегося в обиходе, наглядно показывает, что язык обладает статико-динамичными свойствами. Статичные элементы формируют стержень в виде законов, закономерностей, форм и традиций, придающих языку уникальность, их освоение делает язык

доступным для понимания и изучения. Воздействие на устойчивые характеристики приводит к разрушению языка. Подвижные элементы наполняют язык новыми смыслами, необходимыми для выражения своих мыслей с учетом потребностей современного общества. Это объясняет уход из повседневного обихода ряда слов, обозначающих предметы или явления, ныне не актуальные в силу научного, технического и социального прогресса (архаизмы, историзмы). Влияние на динамичные элементы должно быть постоянным, так как их подвижность – обязательное условие, обеспечивающее развитие и изменение языка.

Всестороннее исследование языка в философии проводили преимущественно структуралисты. Наиболее полно язык как статико-динамичную систему рассмотрел один из основоположников структурализма Ф. де Соссюр. Он отмечал, что «язык всегда выступает как наследие предшествующей эпохи» [4; 74]. Переводя внимание с идей об истории возникновения языка в сторону принципов его изменений, исследователь концентрирует внимание на «нормальной и регулярной жизни языка», которая, по мнению автора, дает понять его социальные особенности наиболее отчетливо, следовательно, и определяет его динамичные свойства. Интерес в данном контексте вызывает понятие языковой нормы. А.Д. Шмелев, анализируя соотношение нормы и узуса в языке, справедливо отмечает важность разграничения действительного «изменения нормы» и «плохого владения нормой» [5; 284]. Во многом в современном мире изменения, касающиеся языка, как раз связаны с активным применением тех форм, которые ранее не являлись нормой (к примеру, употребление слова «кофе» в среднем роде ранее считалось грубой ошибкой, на сегодняшний день может оправдываться «современными тенденциями»). Свой вклад в нарушение нормы внесла и массовая

культура, которая привела к смещению авторитетов, а также предельно упростила язык общения в сети Интернет, который постепенно проник и в реальную жизнь. Таким образом, говорить о фундаментальных изменениях неуместно. Речь идет, скорее, о менее значимых преобразованиях, неспособных уничтожить язык.

Одной из ключевых статико-динамичных характеристик языка Ф. де Соссюр называет произвольность. Действительно, использование языка мало подвергается теоретическому осмыслению и далеко не всегда сопровождается попытками глубокого восприятия его особенностей со стороны носителей, именно поэтому язык легко впитывает модные веяния и не меняет при этом структуру. Ф. де Соссюр видит причину в отсутствии разумности в процессе формирования нормативности, что исключает возможность логического пояснения возникающих в языке изменений. С этой позиции призывы современных лингвистов к сохранению прежних языковых норм в противовес новым тенденциям на практике не могут быть реализованы. Если проанализировать новые формы, стихийно проникающие в русский язык, становится очевидным, что большинство из них – продукт интернет-культуры, виртуального мира, который основан на американском эквиваленте английского языка [6]. Перенимание иностранных слов не разрушает культуру, так как культура адаптирует новые слова под свои потребности и особенности языковых форм. А в силу того, что эти новшества основаны на модных тенденциях, они так же легко забываются, как и проходит на них мода. Таковым, к примеру, стало слово «хайп» («hype»), которое по смыслу можно сравнить с уже знакомыми словами: «эпатаж», «ажитаж», или «рандом» – русский вариант английского «random», получивший популярность в последние годы, заменивший в молодежной среде русское

слово «случайно». Примечательно то, что в последнем случае происходит адаптация слова под особенности русского языка и его употребляют в форме наречия («рандомно»), вписывая в привычный контекст и синтаксическую традицию.

В интерпретации де Соссюра язык отличается повышенной сложностью системы, которая связана не столько с множественностью входящих в него символов, сколько проявляется ввиду его относительной произвольности. Это выражается в том, что для преобразования языка недостаточно усилий носителя. Системный характер требует «специальных размышлений» [4; 75]. К такому приходу авторы «Нового украинского правопису» (с украинского – «Новое украинское правописание»), к созданию которого привлекались лингвисты, политики, общественники. Несмотря на их применение в течение года (с весны 2019 года), в украинском обществе так и не сложилась единая позиция относительно целесообразности новых введений. Предложенная совокупность норм и правил литературного языка не является новшеством, а наоборот – представляет собой попытку вернуться к так называемому «скрипниківському» правописанию, принятому в 1927 году, нормами которого пользовались на протяжении ста лет до прихода к власти советских лидеров. Также сформированные в первой четверти XX ст. нормы называют языком диаспоры, так как он остался в памяти эмигрантов. Вновь актуальные введения касаются феминитивов, антропонимов, заимствований из греческого и латинского языков и др. Однако наряду с реальными потребностями четкого выражения идей и возврата к историческим традициям, отчетливее проявляется стремление оградиться от связи с русской культурой любыми способами, в том числе посредством языка [7]. Поэтому введение «Нового украинского правописания» зачастую связывают

с политическими мотивами и воспринимают как еще один шаг в сторону «декоммунизации».

Другой характеристикой Ф. де Соссюра признает «сопротивление коллективной косности любым языковым инновациям» [4; 76], что исключает факт революционности в языке. В отличие от иных семиотических систем, язык находится в постоянном пользовании и оказывает влияние на всех представителей сообщества, которые к нему обращаются, поэтому инициативы минимизированы. По причине инертности общества, выступающего его носителем, язык также обретает данное свойство. Кроме того, мыслитель отмечает ярко выраженный традиционный характер языка как произвольного знака, «он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию» [4; 76]. Тем самым исследователь подчеркивает непеременимое единство статичных и динамичных элементов. Между тем Ф. де Соссюр подчеркивает, что истории неизвестны случаи, когда целенаправленные действия со стороны экспертов по преобразованию языка были поддержаны народными массами. Именно поэтому подобные украинские изменения, несмотря на их ярко выраженный исторический характер, не найдут поддержки населения без прочного идеологического фундамента.

Ф. де Соссюр прибегает к анализу факторов, отражающихся на языке, и выделяет две группы таковых: те, которые влияют на звуки, а также факторы, влияющие на смысл. Ключевым основанием для движения языка является время. Его влияние, в отличие от пространства, сложнее ощутить, но именно время сильнее откладывает отпечаток на языке. Другим действенным фактором является социальность языка. Изменение возможно только в том случае, если язык находится в обиходе и используется какой-либо

социальной группой. Продолжая логику размышлений Ф. де Соссюра, вполне закономерным является вопрос о пространственных свойствах языка и попытке его рассмотреть, опираясь на различие в диалектах. Изменчивость языка можно объяснить, опираясь на доводы К. Клакхона и Ф. Келли, которые представляли культуру в качестве «модели образа жизни». Соответственно, модель не может претендовать на исчерпывающие характеристики, а, скорее, связана с определенными формами, канвой, заполняемой в зависимости от конкретной ситуации. Язык также не может восприниматься как нечто зацементированное, без подвижных элементов. Г. Хойджер, исследуя соотношение языка и культуры, отмечает способность к развитию как неперенное свойство культуры [2; 11].

Однако непрерывность существования языка приводит также к возможности его изменчивости, иными словами, «принцип изменения опирается на принцип непрерывности». Выходит, что отсутствие изменений свидетельствует о конечности существования языка. Г. Хойджер отстаивал мнение, что лингвистический аспект культуры, который кроется не столько в отдельно взятых словах, а, скорее, представляет собой уникальные конструкции со «встроенными значениями», является «наиболее жизненной и необходимой частью» культуры [2; 11]. Такие изменения произошли достаточно быстро. И на сегодняшний день в понятие жизненности языка можно вложить глубокий смысл, связанный не только с его устойчивостью к вызовам эпохи,

но и с подвижностью форм, способностью легко воспринимать новые веяния, что способствует скорейшему обновлению культуры, наделение ее новыми чертами. При этом доминирующим свойством, по мнению Ф. де Соссюра, остается статичность языка, в то время как изменчивость предполагает сдвиг между «означающим и означаемым», что фактически не наблюдается в современных трансформациях. В связи с этим те изменения, которые, к примеру, происходят с русским языком, не наносят ему ущерба, а лишь выступают импульсами для его развития.

В то же время, в отличие от других компонентов культуры, изменения языка невозможно ограничить рамками, к тому же в нем отсутствуют естественные механизмы сопротивления. В качестве примера можно представить продукты материальной культуры, которые ограничиваются возможностями и потребностями общества. Ассоциативность, на которую опирается язык, объективно таких пределов иметь не может. Поэтому норма и характер имеющего место смещения вряд ли можно определить, основываясь на каких бы то ни было законах. Предел допустимого формируется индивидуально, исходя из тех основ, которые сформированы в процессе становления личности – носителя языка, что невозможно без проведения комплексной работы по культивированию разумного отношения к языку. Это добавляет дополнительную ответственность современников за сохранение и защиту того, что дано нам нашими предками.

Примечания:

1. Шмелев А.Д. Русский язык и русская культура: точки соприкосновения и методы изучения // Мир русского слова. 2013. № 1. С. 37-42.
2. Хойджер Г. Соотношение языка и культуры // Антология исследований культуры. Отражение культуры. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 7-45.
3. Смирнова М.И. Особенности языковой политики Российской Федерации в Крыму // Развитие государственности и права в Республике Крым: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.А. Буткевича. 2016. С. 186-190.

4. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. Сухотина; Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / пер. с фр. С.В. Чистяковой; под общ. ред. М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

5. Шмелев А.Д. Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого? // Отечественные записки. 2014. № 2 (59). С. 274-285.

6. Краутман Т.Е. Неоднозначность перевода английской терминологии (на примере текста закона) // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 58-10. С. 34-37.

7. Колесникова И.Е. Проблема гиперидентичности в лингвистической экспертизе текста // Молодая наука: сб. науч. тр. науч.-практ. конф. для студентов и молодых ученых / под ред. Н.Г. Гончарова. 2018. С. 319-320.

References:

1. Shmelev A.D. Russian language and Russian culture: common ground and methods of study // World of Russian words. 2013. No. 1. P. 37-42.

2. Hoyger H. The correlation of language and culture // Anthology of cultural studies. The reflection of culture. M.: Center for Humanitarian Initiatives, 2011. P. 7-45.

3. Smirnova M.I. Features of the language policy of the Russian Federation in Crimea // Development of statehood and law in the Republic of Crimea: proceedings of the All-Russian scient. and pract. conf. / general ed. by S.A. Butkevich. 2016. P. 186-190.

4. Saussure F. de Course in General Linguistics / transl. by A. Sukhotin; De Mauro T. Biographical and critical notes on F. de Saussure; Notes / transl. from French by S.V. Chistyakova. general. ed. by M.E. Rut. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 1999. 432 pp.

5. Shmelyov A.D. A common mistake or a new norm: how to distinguish one from the other? // Otechestvennye Zapiski. 2014. No. 2 (59). P. 274-285.

6. Krautman T.E. Ambiguity of the translation of the English terminology (based on the text of law) // Trends in the development of science and education. 2020. No. 58-10. P. 34-37.

7. Kolesnikova I.E. Problem of hyperidentity in the linguistic expertise of the text // Young Science: coll. of scient. works of the scient. and pract. conf. for students and young scientists / ed. by N.G. Goncharov. 2018. P. 319-320.

НАШИ АВТОРЫ

Бабич Ирина Леонидовна	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва, тел.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net
Бгуашева Аминат Аскарбиевна	аспирант кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79182205026, e-mail: abguasheva@yandex.ru
Безверхова Светлана Викторовна	аспирант кафедры отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир, тел.: +79288457005, e-mail: bezverkhova_84@mail.ru
Булкин Андрей Николаевич	доктор философских наук, профессор Белгородского университета кооперации, экономики и права, заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права Ставропольского института кооперации (филиал), г. Ставрополь, тел.: +79162481352, e-mail: BulkinDoc@mail.ru
Герасимов Антон Валериевич	старший преподаватель кафедры естественно-математического образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования, г. Симферополь, тел.: +79787570240, e-mail: gersimf@gmail.com
Гришай Владимир Николаевич	доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права, г. Ессентуки, тел.: +79888608647, e-mail: vngprof@gmail.com
Жуйков Андрей Алексеевич	кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Новороссийск, тел.: +79887657770, e-mail: dremagel@mail.ru
Зарецкая Марина Гаруновна	кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, тел.: +79182202626, e-mail: zarmarina76@mail.ru
Зенин Константин Анатольевич	кандидат социологических наук, доцент, докторант Невинномысского государственного гуманитарно-технического института, г. Невинномысск, тел.: +79255094967, e-mail: 5094977@mail.ru

Каспаров Аскер Робертович	кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79182111439, e-mail: mr.kasparov.01@mail.ru
Коноплева Анна Алексеевна	кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь, тел.: +79788235330, e-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com
Коробкин Сергей Валентинович	аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир, тел.: +79002319017; e-mail: serezha.korobkin@mail.ru
Косов Валерий Владимирович	аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79821753905, e-mail: kosov-valeriyu@rambler.ru
Костюк Анна Владимировна	адъюнкт Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79186353655, e-mail: kostyukanna777@mail.ru
Косяшников Сергей Анатольевич	аспирант кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск, тел.: +79126590154, e-mail: kavkaz7777@mail.ru
Мащенко Ирина Владимировна	аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79183787230, e-mail: 3787230@mail.ru
Митрофанова Светлана Юрьевна	кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева; доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета, г. Самара, тел.: +79272668424, e-mail: mit_s@mail.ru
Муртузова Заира Магомедовна	кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета, г. Махачкала, тел.: +79882018190, e-mail: nirvana1509@mail.ru
Плотников Владимир Валериевич	доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79184999953, e-mail: sociometriya@mail.ru
Рахманин Роман Александрович	аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79181189959, e-mail: alexandr01.87@mail.ru
Сыпачев Сергей Владимирович	кандидат социологических наук, начальник управления процессуального контроля и криминалистики Главного военного следственного управления, г. Москва, тел.: +79064567896, e-mail: 4567655@mail.ru

Суетина Наталья Михайловна	кандидат социологических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, тел.: + 9034656804, e-mail: na-ri@bk.ru
Тищенко Александр Викторович	соискатель кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права, г. Ессентуки, тел.: +79880954345, e-mail: alex.tischenko2017@gmail.com
Хуако Марина Гилимовна	соискатель кафедры всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, научный сотрудник Национального Музея Республики Адыгея, г. Майкоп, тел.: +79955525008, e-mail: slovjna@yandex.ru
Чагин Владимир Сергеевич	аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184448820, e-mail: chagin-vs@yandex.ru
Шахбанова Мадина Магомед- камиловна	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, тел.: +79887908151, e-mail: madina2405@mail.ru
Шихалиева Дагмара Сергеевна	кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета, г. Махачкала, тел.: +79896791710, e-mail: anabella.07@bk.ru

OUR AUTHORS

- Babich Irina Leonidovna** Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, ph.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net
- Bguasheva Aminat Askarbievna** PhD student of General History Department, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79182205026, e-mail: abguasheva@yandex.ru
- Bezverkhova Svetlana Viktorovna** PhD student of the Department of Russian History, Armavir State Pedagogical University, Armavir, ph.: +79288457005, e-mail: bezverkhova_84@mail.ru
- Bulkin Andrey Nikolaevich** Doctor of Philosophy, Professor of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Head of the Department of Labor and Entrepreneurial Law of the Stavropol Institute of Cooperation (branch), Stavropol, ph.: +79162481352, e-mail: BulkinDoc@mail.ru
- Gerasimov Anton Valerievich** Senior Lecturer of the Department of Natural and Mathematical Education, the Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, ph.: +79787570240, e-mail: gersimf@gmail.com
- Grishay Vladimir Nikolaevich** Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of General Humanities and Natural-Science Disciplines, Essentuki Institute of Management, Business and Law, Essentuki, ph.: +79888608647, e-mail: vngprof@gmail.com
- Zhuykov Andrey Alekseevich** Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Humanities, Socio-Economic and Information-Legal Disciplines, Novorossiysk Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Novorossiysk, ph.: +79887657770, e-mail: dremagel@mail.ru
- Zaretskaya Marina Garunovna** Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of Administrative and Criminal Law of the Maikop State University of Technology, Maikop, ph.: +79182202626, e-mail: zarmarina76@mail.ru
- Zenin Konstantin Anatolyevich** Candidate of Sociology, Associate Professor, Doctoral Candidate of Nevinomyssky State Humanities-Technical Institute, Nevinomyssk, ph.: +79255094967, e-mail: 5094977@mail.ru
- Kasparov Asker Robertovich** Candidate of Sociology, Senior Teacher of the Department of Special Disciplines, Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79182111439, e-mail: mr.kasparov.01@mail.ru

Konoplyova Anna Aleksееvna	PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Humanities and Social-Economic Disciplines, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Simferopol, ph.: +79788235330, e-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com
Korobkin Sergey Valentinovich	PhD student of the Department of General and Domestic History, Armavir State Pedagogical University, Armavir, ph.: +79002319017; e-mail: serezha.korobkin@mail.ru
Kosov Valeriy Vladimirovich	PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79821753905, e-mail: kosov-valeriy@rambler.ru
Kostyuk Anna Vladimirovna	Junior Scientific Assistant of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79186353655, e-mail: kostyukanna777@mail.ru
Kosyashnikov Sergey Anatolyevich	PhD student of the Department of Russian History at Karachai-Cherkessky State University named after U.D. Aliev, Karachaevsk, ph.: +79126590154, e-mail: kavkaz7777@mail.ru
Maschenko Irina Vladimirovna	PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183787230, e-mail: 3787230 @ mail.ru
Mitrofanova Svetlana Yurievna	Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Science, Samara National Research University named after S.P. Korolev; Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science and History of the Fatherland, Samara State Technical University, Samara, ph.: +79272668424, e-mail: mit_s@mail.ru
Murtuzova Zaira Magomedovna	PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Daghestan State Technical University, Makhachkala, ph.: +79882018190, e-mail: nirvana1509@mail.ru
Plotnikov Vladimir Valerievich	Doctor of Sociology, Professor of Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79184999953, e-mail: sociometriya@mail.ru
Rakhmanin Roman Alexandrovich	PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79181189959, e-mail: alexandr01.87@mail.ru
Sypachev Sergey Vladimirovich	Candidate of Sociology, Head of the Department of Procedural Control and Forensics of the Chief Military Investigation Directorate, Moscow, ph.: +79064567896, e-mail: 4567655@mail.ru

- Suetina
Natalya
Mikhailovna** Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Administrative and Criminal Law of the Maikop State University of Technology, Maikop, ph.: +79034656804, e-mail: na-ri@bk.ru
- Tischenko
Alexander
Viktorovich** PhD Applicant of the Department of General Humanities and Natural-Science Disciplines, Essentuki Institute of Management, Business and Law, Essentuki, ph.: +79880954345, e-mail: alex.tischenko2017@gmail.com
- Khuako
Marina
Gilimovna** PhD Applicant of the Department of General History of the Faculty of History, Adyghe State University, Researcher of the National Museum of Adyghea Republic, Maikop, ph.: +79955525008, e-mail: slovjna@yandex.ru
- Chagin
Vladimir
Sergeevich** PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184448820, e-mail: chagin-vs@yandex.ru
- Shakhbanova
Madina
Magomed-
kamilovna** Doctor of Sociology, Leading Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, ph.: +79887908151, email: madina2405@mail.ru
- Shikhalieva
Dagmara
Sergoevna** PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Daghestan State Technical University, Makhachkala, ph.: +79882018190, e-mail: anabella.07@bk.ru

**ТРЕБОВАНИЯ И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК АДЫГЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ «РЕГИОНОВЕДЕНИЕ: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ»**

Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» вошел в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов кандидатских и докторских диссертаций. Учредитель – Адыгейский государственный университет. Индекс журнала в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты. Журналы» – 36001.

Журнал принимает для публикации статьи по следующим научным направлениям: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.

Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержать четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргументацию, обобщения и выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и направляются на независимое (двойное, анонимное) рецензирование, осуществляемое членами редакционного совета АГУ или известными специалистами в данной области знаний. Решением редакционной коллегии статья может быть отклонена, если она не удовлетворяет перечисленным требованиям.

Рукописи, представляемые в редакцию «Вестника Адыгейского государственного университета», оцениваются исходя из их научного содержания, а не по расовому, национальному или половому признаку, этнической принадлежности, политическим и религиозным убеждениям авторов.

Редактор и редакция не должны раскрывать информацию о представленной рукописи никому, кроме соответствующего автора, рецензентов и издателя.

Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на предмет заимствования. Статьи, содержащие элементы плагиата, автоматически снимаются с рассмотрения.

Правила для авторов

Редакция журнала «Вестник Адыгейского государственного университета» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения.

1. Рукопись должна иметь направление организации, в которой работает автор, выписку решения кафедры или иного структурного подразделения, на базе которого выполнена работа, рекомендовавшего статью к публикации в журнале.

2. Объем статьи не должен превышать 10 страниц.

3. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован и подписан всеми авторами. В тексте перед началом статьи указываются: УДК, ББК, авторский знак. Перед изложением текста автор должен дать аннотацию (от 150 до 250 слов), ключевые слова (не более 10), а также название и фамилии авторов на русском и

английском языке. В тексте аннотации должны быть раскрыты актуальность, цели и задачи исследования; методы исследования; приведены краткие выводы.

4. Текст статьи печатается на белой бумаге через 1 интервал на одной стороне стандартного листа формата А4, поля – 2,5 см со всех сторон. Текст выравнивается по ширине, абзацный отступ – 1,25 см. Гарнитура шрифта Times New Roman, 12-й кегль. Текст и графический материал представляются в двух экземплярах. Повторение одних и тех же данных в тексте, таблицах и графиках недопустимо. Рисунки должны быть черно-белыми, штриховыми, выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей. Каждый рисунок должен сопровождаться подписью, независимо от того, имеется ли в тексте его описание.

5. В конце статьи приводится перечень использованной литературы (Примечания:) на русском и английском языках.

6. Необходимо приложить информацию об авторах (ФИО полностью, ученое звание, степень, должность, место работы, почтовый индекс, адрес, контактный телефон, факс и e-mail каждого соавтора).

7. К твердой копии статьи прилагается электронная версия на дискете или CD-диске: файлы с текстовой частью в формате Microsoft Word (аннотация, ключевые слова, примечания на русском и английском языках, подписи к рисункам, сведения об авторах), имя файла должно начинаться латинской фамилией первого автора (например, Ivanov.doc(rtf); каждый рисунок в отдельном файле (например, IvanovFig1.gif и т.д.).

8. Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть с первоначальным вариантом статьи, а также ответом на все замечания.

9. Не принятые к публикации статьи авторам не высылаются. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются.

10. Оформление текста. Для математических и химических формул следует выбирать 12-й кегль шрифта. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов – прямым шрифтом.

11. При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать их расшифровку; следует ограничиваться общепринятыми сокращениями и избегать новых без достаточных на то оснований.

12. При выборе единиц измерения следует руководствоваться международной системой единиц СИ.

13. В тексте ссылки на цитируемую литературу даются в квадратных скобках в конце предложения перед точкой (начинать с [1], [2], [3] и т.д.). Список литературы следует оформлять в порядке ссылок на нее по тексту, в списке должны быть только те источники, на которые есть ссылки в тексте. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, общее количество страниц. Для периодических изданий: фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

14. Требования к иллюстрациям, изготавливаемым авторами. Просим представлять только графические файлы рисунков.

15. Плата за публикацию статей с аспирантов не взимается. Первоочередным правом на публикацию статей пользуются докторанты, аспиранты и соискатели АГУ.

ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА ЖУРНАЛА

Этические аспекты редакционной политики журнала

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе международных стандартов:

– положений, принятых на 2-й Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22–24 июля 2010 г.);

- положений, разработанных Комитетом по этике научных публикаций (*The Committee on Publication Ethics – COPE*);
- норм главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ.

Принципы профессиональной этики в деятельности редактора и издателя

Редакция журнала гарантирует, что в основе решения о публикации всегда лежит достоверность рассматриваемой работы и ее научная значимость. При принятии решения о публикации редакция журнала руководствуется политикой редакционной коллегии журнала и требованиями законодательства. Редактор может совещаться с другими редакторами и рецензентами во время принятия решения о публикации.

Редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов.

Неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы для личных целей или передаваться третьим лицам без письменного согласия автора. Информация или идеи, полученные в ходе редактирования, сохраняются конфиденциальными и не могут быть использованы с целью получения личной выгоды.

Редакция журнала не допускает к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом.

Редакция журнала имеет право обоснованно отклонить статью на любом этапе ее прохождения.

Редакция журнала рассматривает все претензии, касающиеся присланных рукописей или опубликованных материалов, а также при выявлении конфликтной ситуации принимает все необходимые меры для восстановления нарушенных прав.

Этические принципы в деятельности рецензента

Рукопись, полученная для рецензирования, должна рассматриваться как конфиденциальный документ, который нельзя передавать для ознакомления или обсуждения третьим лицам, не имеющим на то полномочий от редакции. При направлении на рецензирование редакция журнала обеспечивает конфиденциальность материала авторов и информирует о необходимости сохранения такой конфиденциальности рецензентов.

Экспертная оценка рукописи, предоставленная рецензентом, способствует принятию редакционных решений, а также помогает автору улучшить рукопись. На основании результатов рецензирования редколлегия/главный редактор/заместитель главного редактора по направлению/технический редактор принимают решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации.

Рецензент должен представить рецензию в обозначенные редакцией сроки. Если соблюдение данных сроков невозможно, то рецензент обязан уведомить об этом редакцию.

Рецензент обязан давать объективную и аргументированную оценку изложенным результатам исследования. Персональная критика автора неприемлема. Все выводы рецензента должны быть строго аргументированы и снабжены ссылками на авторитетные источники.

Неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не должны использоваться рецензентом для личных целей.

Рецензент, который не обладает, по его мнению, достаточной квалификацией для оценки рукописи либо не может быть объективным, например, в случае конфликта интересов с автором или организацией, должен сообщить об этом редактору с просьбой исключить его из процесса рецензирования данной рукописи.

Если рецензенты высказывают сомнения в достоверности данных или целесообразности публикации научной работы, редакция журнала предоставляет автору возможность ответить на поставленные вопросы.

Редакция журнала сохраняет конфиденциальность личных данных рецензентов.

Этические принципы авторства научных публикаций

Авторы статьи представляют достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы гарантируют, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Заимствованные фрагменты или утверждения оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника. Любые формы плагиата, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Авторы признают вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования. Авторы гарантируют, что в статье представлены ссылки на все работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы гарантируют, что представляемая в журнал рукопись не была отправлена в другой журнал и не находится на рассмотрении, а также не была уже опубликована в другом журнале.

Соавторами статьи указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Авторы обязуются раскрывать конфликты интересов, которые могут повлиять на оценку и интерпретацию их рукописи, а также источники финансовой поддержки проекта (гранты, госпрограммы, проекты и т.д.), которые должны быть в обязательном порядке указаны в статье.

В случае обнаружения существенных ошибок или неточностей в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования автор должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Серия «Педагогика и психология»

Ответственный за выпуск серии – Чермит Казбек Довлетмизович, доктор педагогических наук, доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Адыгейского государственного университета. Контактные телефоны: (8772) 57-19-67, 59-37-00, 59-37-01. E-mail: demkina72@mail.ru.

Серия «Филология и искусствоведение»

Ответственный за выпуск серии – Панеш Учужук Масхудович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета. Контактный телефон: (8772) 57-00-08. E-mail: sessvetla@mail.ru.

Серия «Естественно-математические и технические науки»

Ответственные за выпуск серии – Тлячев Вячеслав Бесланович, доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики; Жукова Ирина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики. Контактные телефоны: (8772) 59-39-08, 57-02-58, 59-37-26. E-mail: vemit@adygnet.ru, stvb2006@rambler.ru.

Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»

Ответственный за выпуск серии – Нехай Вячеслав Нурбиевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии. Контактный телефон: (8772) 593984. E-mail: afasizhev@list.ru.

Серия «Экономика»

Ответственный за выпуск серии – Шалатов Василий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и управления персоналом экономического факультета Адыгейского государственного университета. Контактный телефон: 8-918-931-90-01. E-mail: shv_79@mail.ru.

Адрес редакции: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, редакция журнала «Вестник Адыгейского государственного университета».

**О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АДЫГЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Стоимость подписки на журнал «Вестник Адыгейского государственного университета» на полугодие составляет 900 рублей (без стоимости доставки). Подписные индексы в Объединенном каталоге «Пресса России»: Серия «Экономика» – 32896; Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» – 36001; Серия «Педагогика и психология» – 45979; Серия «Филология и искусствоведение» – 82227; Серия «Естественно-математические и технические науки» – 70759.

Произвести подписку можно на почте, в любом отделении связи.

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета», серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология», издаваемый тиражом 1000 экз.

Выпуск 1/254/2020

Технический редактор Л.Ф. Серкова

Издательство АГУ

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.

Подписано в печать 20.03.2020 г. Бумага типографская.

Формат 60x94 1/8. Усл.-п.л. . Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ЗНАК» ИП Буренков И.В.

ИНН 010511732681 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пушкина, 219.

Тел. (8772) 52-20-23. Znak_bi@mail.ru